Учредители:

Институт географии РАН

Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета

Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 11.11.13 г.
Формат 70x108$^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2013

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 4 (42), 2013

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY OF REGIONAL STUDIES

Войнов Д.А., Шувалов В.Е. Проблема структуризации современной социально-экономической географии 4
Voynov D.A., Shuvalov V.E. Modern socia-economic geography: structuring problem

Дубовик В.О. Методы оценки транспортной доступности территории 11
Dubovik V.O. Methods of territory transport accessibility estimation

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY

Катровский А.П. Трансформация высшего образования на постсоветском пространстве: экономико-географические аспекты изучения 19
Katrovsky A.P. Transformation of higher education in the post-Soviet space: economic and geographic aspects of the study

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами: специфика территориальных сдвигов 31
Nefedova T.G., Treyvish A.I. Russia between its two capitals: the specifics of territorial shifts

Андреева А.В., Максимова Н.А., Лифанов А.А. Развитие рынка интернет-провайдеров в Смоленской области 44
Andreeva A.V., Maximova N.A., Lifanov A.A. Development the market of internet providers in the Smolensk region

Аношкина Е.Л. Развитие социального капитала крупнейших городов России 48
Anoshkina E.L. Development of social capital in large cities of Russia

Винокуров Ю.И., Рыбкина И.Д., Стоящева Н.В. Территориальная организация водопользования в бассейне реки Алей 53
Vinokurov Yu.I., Rybkina I.D., Stoyashcheva N.V. Territorial organization of water use in the basin of Alei river

Горкина Т.И. Региональная структура банковской системы России на современном этапе 59
Gorkina T.I. Modern period of the development of banking system in Russia

Каспшицкая Т.В. Механизмы сокращения внутрирегиональной дифференциации на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра 67
Kaspshitskaya T.V. Machines contraction of intrarigional differentiation on example Khanty Mansi autonomy region – Ugra

Рязанов В.А. Пассажиропоток аэропортов России как индикатор социально-экономической динамики регионов страны 74
Ryazanov V.A. Passenger air traffic of Russian regional airports as an indicator of regional socio-economic dynamics

Смирнов И.П., Фомкина А.А. Средние города в системе расселения Центральной России 80
Smirnov I.P., Fomkina A.A. Middle cities are in the system of settlement to Central Russia

Сафронов С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России 87
Safronov S.G. Territorial structure and dynamics of the modern confessional space Russia

Силантьев Р.А. Государственно-исламские отношения в Российской Федерации 100
Silantiev R.A. State-Islamic relations in the Russian Federation

Трифонова З.А. Потенциал культурных институтов региональных центров России 104
Trifonova Z.A. Potential of cultural institutions regional centres Russia

Щербакова С.А. Формирование имиджа Смоленской области на туристском рынке России 109
Shcherbakova S.A. The image of the Smolensk Region in the Russian tourist market

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD

Караваев П.Л. Политико-географические предпосылки реализации туристско-рекреационного потенциала в странах Азиатско-Тихоокеанского региона 114
Karavaev P.L. Politico-geographic prerequisites for realizing the tourist-recreational potential in the countries of Asia-Pacific region

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ
INVITATION TO THE DISCUSSION

Чистобаев А.И. О достижениях отечественных и американских ученых в области экономической географии: продолжение дискуссии 122
Chistobaev A.I. The achievements of Russian and American scientists in the field of economic geography: the continuation of the debate

Мажар Л.Ю. Геосистемный подход к определению ключевых понятий в экономической и социальной географии 127
Mazhar L.Yu. Geo-systemic approach to defining the key notions in economic and social geography

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей В.А. Колосова 134

Указатель статей, опубликованных в 2013 году 136

Сведения об авторах 139

Требования к оформлению материалов 140

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Войнов Д.А., Шувалов В.Е. (Москва)

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ[1]

Voynov D.A., Shuvalov V.E.

MODERN SOCIA-ECONOMIC GEOGRAPHY: STRUCTURING PROBLEM

Аннотация. *В статье анализируется структура социально-экономической географии различных мировых географических традиций. Выделены общие факторы, влияющие на структуру географической науки, а также особенности влияния на нее национальной географической реальности разных стран. Проведено сравнение классификации географии в западных странах с российской традицией. Сделаны выводы о проблемах, стоящих перед современной социально-экономической географией.*

Abstract. *The paper analyses the economic and social geography classifications of different scientific traditions. The influences of general factors and national geographical realities on the structure of the geographical science in different countries are revealed. Conclusions about the differences between western and Russian classifications of economic and social geography are drawn and problems of the modern geographical science are revealed.*

Ключевые слова: *социально-экономическая география; классификация науки; структура науки.*
Keywords: *social and economic geography; science classification; science structure.*

Введение и постановка проблемы

Структуризация современной науки – задача для любого исследователя сложная и неоднозначная. Она вдвойне сложна, когда мы пытаемся ее осуществить для социально-экономической географии как общественной географической дисциплины [3], положение которой между естественными (географическими) и общественными (социально-экономическими) науками непостоянно не только в исторической ретроспективе, но и в перспективе.

Научная и практическая значимость структуризации науки в целом, и социально-экономической географии в частности, осознается не всегда и не всеми. Однако для многих исследований, особенно связанных с формированием метанаук (в т.ч. метагеографии), изучением истории науки в целом и ее отдельных направлений и разделов, а также таких социальных форм организации науки как локальные научные сообщества, эта тематика является актуальной.

В статье рассмотрены проблемы, связанные со структуризацией такой ветви (направления, дисциплины) географической науки, которую в разных странах и научных школах называют по-разному: социально-экономическая география; экономическая и социальная география; экономическая, социальная и политическая география; общественная география; география человека (Human Geography) и др. Этот вопрос достаточно подробно освещен в работе А.И. Трейвиша [4], и мы не будем его здесь затрагивать. В данном исследовании все эти названия имеют синонимичный статус, но для дальнейшего использования примем лишь одно из них, наиболее часто используемое в последнее время в отечественной географии – социально-экономическая география (СЭГ).

Задачей настоящей статьи является рассмотрение особенностей структуры зарубежной (франко-, англо-, германо-, испано- и португалоязычной) СЭГ и ее сравнение с традиционной структурой, сложившейся в отечественной географии. Информационной базой для исследования послужили материалы, представленные на национальных сайтах университетов, географических обществ, ас-

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00675-а «Методология и методика экономико-географического исследования локальных научных сообществ как акторов инновационного развития России»)

социаций географов, энциклопедий, а также современная национальная географическая литература [8-26].

Томас Кун, который ввел в обиход понятия не только научной парадигмы, но и научного сообщества, считал, что цель науки – получение истины в рамках постижения объективной реальности [2]. Но продвигаться по этому пути она может только посредством отдельных исследований. Рубрикация (внутренняя классификация) науки складывается под воздействием, с одной стороны, объективной структурированной действительности, грани и элементы которой становятся объектами и предметами изучения науки, а с другой – под воздействием самих проводимых исследований. Этим определяются два диалектических полюса, между которыми развивается структура науки. Первый полюс – онтологический, выражающий ее итоговое структурирование в соответствии со структурой реальности и отражающий объективное, общее, постоянное, качественный результат, теорию. Второй полюс – гносеологический, формируемый отдельными исследованиями в конкретных условиях конкретными людьми и выражающий субъективное, частное, переменное, количественное накопление знаний. Отсутствие в структуре науки следов «объективного» выражает потерю наукой «румба», ее несоответствие реальности. Отсутствие «субъективного» свидетельствует о закостенелости науки, переставшей постигать истину. В отношении науки к человеческой деятельности диалектическая противоположность теории и практики не исчезает, но обретает иной формат: «знание – инструмент». Между ними нет жесткой границы, но несомненно одно: видеть в знании лишь инструмент – неразумно, принимать совокупность инструментов за знание – опасно. СЭГ развивается в рамках этой же логики, отражающейся и в ее внутренней структуре.

Отметим также, что несмотря на все процессы глобализации и интернационализации, реальная географическая наука формировалась и во многом развивается в настоящее время в формате *национальной* географической науки. Поэтому языковый фактор, который в определенной мере будет отражен и в нашем исследовании, не играет здесь определяющей роли, хотя и оказывает большое влияние на взаимообмен идеями, концепциями, направлениями исследований в СЭГ, что находит свое отражение и в структуре самой науки.

Современные тенденции в экономико-географических исследованиях

Под воздействием совокупности факторов, среди которых следует особо выделить современное общественное разделение труда, для экономико-географических (в широком смысле слова) исследований в последние десятилетия характерны следующие тенденции:

1. Преобладание и дальнейший рост доли прикладных исследований. Это первая и, пожалуй, основная тенденция, наблюдающаяся во всех географических традициях, особенно западных. Она ведет к тому, что в отношении к человеческой деятельности география, в т.ч. СЭГ, ***все меньше играет роль географического знания и все более становится географическим инструментом.*** Растущая «инструментализация» географии, использование классического научного географического наследия «от Страбона до Баранского» преимущественно для решения краткосрочных проблем, приводит к распространению представления о географии как о «ящике с инструментами». Эта тенденция неизбежно сопровождается обратным процессом: ***«географические инструменты» начинают приниматься за саму науку.***

2. Преобладание и резкий рост доли исследований по частным проблемам, их максимальная тематизация и детализация. С одной стороны, это результат доведения углубления разделения труда до ультраспециализации и примитивизации отдельных операций с соответствующим снижением масштаба и уровня научных и исследовательских задач. С другой – следствие неспособности ответить на более крупные и значимые вопросы, которая порождает тенденцию ухода от них в область широко распространенных, особенно в западной географии, микроисследований – как в плане исследуемых процессов, так и в отношении рассматриваемого территориального уровня, где глобальными законами общественного развития можно пренебречь.

3. Чрезмерная социологизация исследований. Достижение пределов экономического роста с одной стороны, и возрастание количества и сложности социальных конфликтов и противоречий – с другой, обусловливают специфический запрос на исследова-

ния. Так, например, спрос крупных компаний на анализ потенциала рынка сбыта в условиях хронического кризиса перепроизводства; спрос мировых финансовых и политических институтов (МВФ, ВБ, ЕС и др.), стремящихся избежать социальных рисков при осуществлении крупных бизнес-проектов в различных странах и районах; запросы политиков при проведении предвыборных кампаний; спрос государственных органов и институтов с целью выработки политики по снижению напряженности социальных противоречий – все эти факторы обеспечивают глубокое вторжение социологии в СЭГ, как в отношении использования социологических методов, так и в плане предмета исследования.

4. Административно-территориальная регионализация исследований. Бюрократическая система управления обществом и сопровождающее ее административное деление территорий приводит к тому, что объектом изучения СЭГ все в большей степени становятся административные регионы вместо «живых» районов, реальных общностей, будь то экономический или культурный район, страна в широком смысле слова как историко-природно-культурная реальность.

Термин «регион» практически завершает вытеснение термина «район» из научного и повседневного использования. Все в большей степени, в т.ч. в самой географии, он применяется как синоним термина «район» и что более важно – наделяется его имманентными свойствами, в т.ч. целостности. На смену классическому в географии районному анализу пришел региональный, что привело к кардинальной смене применяемых подходов, концепций, методов исследования [7].

Для СЭГ этот вопрос не сводится просто к механической проблеме территориальных рамок исследования. Он заключается в том, становятся ли ее предметом изучения целостные социально-экономические процессы и объективная территориальная организация, собственно и лежащие в основе понятия района, или за целостное явление и предмет изучения принимаются находящиеся в пределах административных единиц отдельные «куски», «хвосты» процессов, «по живому» рассеченных административными границами. В этом отношении особенно «бюрократична» англо-американская география.

По этому поводу можно заметить, что своеобразной «защитной реакцией» СЭГ на административный подход стали достаточно распространенные исследования процессов на приграничных территориях, когда административная граница, с одной стороны, сохраняет свою роль рассечения «живой» социально-экономической ткани общества, а с другой – сама становится фактором районообразования.

5. Субъективизация и идеологизация исследований. Нарастающая зависимость исследований от прямого заказа и необходимости обеспечить результат в рамках сугубо прикладных и частных интересов заказчика вместе с ориентацией исследований на вторичные проявления общественного развития неизбежно означают нарастание субъективности полученных результатов и выводов и их все более «оценочный» и «экспертный» характер [6].

Знание о реальности на службе определенных социальных интересов относят к идеологии, поэтому можно говорить о росте идеологизации науки в широком смысле слова. Сами идеологические выводы из исследования не являются частью СЭГ и поэтому не составляют большой проблемы для науки. Однако большинство идеологий опирается не на всю реальность, формируемую целостными процессами, но лишь на набор ее отдельных элементов. Поэтому географические исследования, проводимые на фоне определенной идеологии, все менее соответствуют критериям научности и истинности.

6. Агностицизм в исследованиях. Широкое распространение получает принцип «плюрализма подходов», заменяющий поиск истины со всеми последствиями для географической науки, т.к. в рамках подхода, отмеченного ранее, выводы об объективных процессах, как и дискуссия, становятся все менее необходимыми и возможными.

Основные тенденции в структуризации социально-экономической географии

Все отмеченные тенденции находят свое отражение в структуризации СЭГ, в первую очередь – в уходе от схемы четкого структурирования по предметному принципу исследования. Можно выделить следующие основные направления влияния выше отмеченных процессов на структуру исследований СЭГ:

1. Географическая наука как синтез знаний заменяется механической суммой/набором отдельных исследований/записей по частным вопросам («топикам»). Струк-

турирование собственно науки уступает место структурированию исследовательских тем. Для географии, которая по своей сути является наукой комплексной (что признается и в зарубежной географии, например [5]), это становится двойной проблемой.

Характерным выражением этого процесса является агрегирование работ не по разделам географии, а по исследовательским группам (группа исследования кварталов, группы исследования розничной торговли и т.д.). В этом процессе место ученого начинает занимать ординарный исследователь.

2. Пропадает внутреннее соподчинение разделов СЭГ как науки. Так, география городов где-то включается в географию населения, а где-то стоит с ней наравне. Геополитика может быть частью политической географии, может стоять на одном уровне с ней, а может и включать ее в себя. Целый ряд разделов рассматривается самостоятельно, хотя традиционно ранее включались в более общие разделы.

Данный процесс не только отражает проблему размывания понимания более общих и частных уровней внутри структуры науки, но и соответствующую потерю способности к определению иерархии и соподчиненности процессов в обществе. На место научного анализа приходит «клиповое» восприятие реальности, структура географии также становится все более «клиповой».

3. Отдельные подходы в СЭГ начинают выделяться в ее самостоятельные «направления». Так, например, выделяют не только количественную географию, но и «критическую географию». При этом при придании отдельным подходам самодостаточной ценности, вытесняется предмет исследования и тем самым достигается уход от острых дискуссий.

4. «Негеографические» темы записываются в экономико- и социально-географические, а классические географические – «растаскиваются» по отраслевым наукам. Часто целые разделы СЭГ приобретают негеографические названия и практически «изымаются» из лона географических наук. Так, например, развитие такого комплексного и в то же время эклектичного направления, как «Урбанизм», включающего работы по городским агломерациям, городской планировке и архитектуре, экономике и социологии города и т.д., подменяет и заменяет развитие собственно географии городов.

В результате оба процесса – «вынос» из СЭГ традиционных географических тем и «привнесение» в нее тем внегеографических – размывают СЭГ, снижают ее идентичность, институционализацию и практическую востребованность.

Эти процессы работают на исчезновение не только СЭГ как науки, но и ее «носителей» – самих экономико-географов, особенно их активной и практически востребованной части (и в материальном, и в карьерном отношениях выгоднее себя «переписать» в экономиста, социолога, политолога).

5. В структуре СЭГ все активнее появляются конъюнктурные разделы и направления. Примером потери собственного предмета изучения и выражением растущей конъюнктурности является повсеместно выделяемая в западных (и не только) университетах *«география развития»*, в т.ч. «*устойчивого*».

В связи с действием выше отмеченных процессов, размывающих структуру географии в целом и СЭГ в частности, ее сравнительный анализ в современной западной географии чрезвычайно затруднен, в т.ч. вследствие как объективных (например, расхождение исторически сложившейся структуры науки и современных исследований) и субъективных (например, вольное обращение с ней различных источников) факторов.

Вместо углубления структурирования географического знания, которого можно было бы ожидать при гипотетическом допущении о развитии науки в рамках собственной логики, как в западной, так и в отечественной СЭГ идет обратный процесс. Еще можно выделить относительно короткий, но общий для большинства стран набор ее основных направлений и разделов (при варьирующихся названиях), соответствующих самым основным структурам общества. Однако он постоянно размывается, сокращается и выглядит инородным телом в «бульоне» современных исследований-«топиков».

Что касается расхождений между структурированием СЭГ, принятым в различных традициях, то стоит отметить три особенности, проистекающие из функций собственно классификации [1], которые вносят определенную путаницу в сравнительный анализ:

Фиксирующая функция, выражающая фиксирование знания, подведение черты под определенным этапом изучения и в известном смысле «цементирующая» науку. По са-

мой своей сути это придает структуре науки свойство инерционности и консервативности, определяющее большую или меньшую способность противостоять ложным направлениям научного поиска.

Систематизирующая функция. С ней связана проблема принципов классификации в условиях, когда инструментарий способен выразить (и классифицировать) лишь определенные аспекты сложной реальности. Это приводит к тому, что возможно появление схожих типологий при различных принципах классификаций (различных углах зрения на одно и то же явление). Эта схожесть может быть не только по форме, но и по сути, особенно если признаки разных классификаций сильно коррелируют между собой. В связи с этим даже при схожести итоговых классификаций различные точки зрения на одну проблему будут порождать их внутренние несоответствия.

Обобщающая функция, определяющая нечувствительность структуры к изменениям, происходящим в рамках установленных классификационных границ. В результате схожие элементы различных классификаций при различных тенденциях развития исследований внутри них могут иметь разное содержание. При этом в условиях, когда научный процесс и процесс структурирования науки вглубь нарушен (что происходит в условиях фактического господства постмодернистских концепций), нижние классификационные уровни начинают концентрировать и накапливать в себе результаты тематического хаоса в исследованиях.

Некоторые особенности структуризации зарубежной и отечественной социально-экономической географии

Проведенный анализ особенностей структуры зарубежной СЭГ в ее сравнении с традиционной структурой, сложившейся в отечественной географии, позволил сделать ряд обобщений.

В целом СЭГ (при варьирующихся названиях) сохраняет традиционное разделение на два основных раздела: географию экономическую и социальную.

В отношении *социальной географии* структурные изменения в последние десятилетия в отечественной географии были наиболее значимыми. Социальная география – особенно в отношении структуры исследований – во многом приблизилась к очертаниям, характерным для западных географических традиций. Однако сохраняются и существенные различия.

В западных школах социальная география не только более развита и многообразна, но и структурно более размыта. Спрос на собственно экономико-географические исследования в большинстве западных рыночных экономик низок, их потенциальную нишу давно заняли региональные науки. С другой стороны, нарастание социальных проблем и ожесточенная борьба за потребительский рынок обусловливают повышенный спрос на социальные, в т.ч. социально-географические исследования. Даже темы промышленности и сельского хозяйства затрагиваются преимущественно в рамках изучения социальных проблем, составляя часть социальной географии в широком смысле слова. В то же время сложность и запутанность социальных процессов создает социальной географии существенно большую возможность для ухода в мир детализации и изучения все более частных проблем. Поэтому не случайно, что в условиях общих негативных факторов, действующих на географию, именно социальная география оказывается им наиболее подверженной.

Это отличие наиболее заметно в *географии населения*. Структура этого раздела в западной географии сильно варьирует и, пожалуй, в наибольшей степени отличается от российской. В западных традициях география населения давно уже не является всеобъемлющим разделом, подразделяющимся на разделы, изучающие различные аспекты населения. В первую очередь, из нее вынесены в отдельные самостоятельные рубрики темы, касающиеся расселения (системы расселения, география городов и т.д.). Также за ее пределами рассматривается география религий и культурная география, практически везде фигурирующие на одном уровне с географией населения и часто вне связи с ней. Фактически современная география населения, как элемент классификации, в западных школах оказалась сведена до геодемографии.

Имеются различия и в отношении других разделов. Так фактически отсутствует *география городов*, которая часто заменяется на *географию городских агломераций*. Кроме того, как мы отмечали выше, существенная доля географических исследований по данной теме выносится в категорию «урбанизм»

вне СЭГ. С другой стороны имеется *география сельской местности.* Между урбанистическими зонами и сельской местностью пропадает пространство для *географии малых городов*. Все это является отражением доминирующего «проблемного подхода» (проблемы урбанистических образований и проблемы села).

В западной географии также укрепился целый ряд специальных географических разделов и направлений исследования, которые часто выделяются в самостоятельные разделы вне подчинения какому-то более общему разделу. Помимо отмеченных выше культурной географии и географии религий, к ним относятся такие разделы как *политическая география, медицинская география, историческая география* (и дополнительно к ней *археологическая география!* – у немецкого географического общества), *география стран* (соответствующая российскому понятию страноведения). Особо проблемные темы часто выделяются в отдельные разделы географии, например *феминистская география.*

В отличие от социальной географии, структура собственно *экономической географии* относительно единообразна и в целом аналогична структуре в отечественной географии. Она включает такие традиционные разделы, как *география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта* (иногда рассматривается отдельно) *и связи, география природных ресурсов.*

В то же время, есть и существенные различия, особенно в географии промышленности, на которой остановимся несколько подробнее.

Если география сельского хозяйства, транспорта, природных ресурсов относятся к основному операционному классификационному уровню как в отечественной, так и западной СЭГ, то иначе обстоит дело в отношении географии промышленности. В западной традиции в географии промышленности основным операционным классификационным уровнем является собственно промышленность, а не ее отрасли. В результате отечественная (советская) география промышленности была более структурированной, в т.ч. по причине специфики организации статистической службы (до перехода в 2003 г. на ОКВЭД).

Второй особенностью, определяющей структуризацию географии промышленности, является преобладание в западной традиции экономического подхода с акцентом на характер сбыта (типа потребления или просто рынка) продукции, в то время как в советской географии важным фактором разделения отраслей являлась технология производства. Поэтому в рамках западных школ при структуризации географии промышленности большее внимание уделяется производству конкретных продуктов в соответствии с конкретным рынком без агрегирования в отрасли.

Для иллюстрации приведем несколько более частных примеров.

В отечественной традиции принято выделять такие отрасли как черная и цветная металлургия – технологически разные и с существенно различающимися факторами географической локализации. Их смешение, с точки зрения отечественной географии, является, в лучшем случае, небрежностью. В западной географии промышленности такого разделения фактически нет, но есть общий подраздел «Металлургия» (Métallurgie). При этом иногда все-таки выделяют черную металлургию (Sidérurgie), но понятие цветной металлургии в принципе отсутствует.

Другим характерным примером является достаточно частое слияние в западной географии металлургии и машиностроения. Например, в испано- и португалоязычной географической литературе термин «Metalurgia» часто соответствует отрасли «Машиностроение и металлообработка». Во французской литературе понятие «Машиностроение и металлообработка» отсутствует, и наиболее близким ее аналогом является «Production de biens de production», то есть производство средств производства, в которое, например, не включается автомобилестроение (в том числе грузовое), производящее предмет потребления и обычно рассматривающееся как отдельная отрасль промышленности.

Помимо чувствительности к общим факторам, каждая национальная география формировалась под сильным влиянием особенностей национального развития хозяйства, воплощенного в экономической структуре страны, территориальной структуре основных систем хозяйства и населения и особенностях географической среды. В связи с этим иногда за одинаковым классификационным названием кроется различная географическая реальность и, напротив, схожая реальность имеет специфические наименования.

В сфере экономической географии, историческое отсутствие в конкретной стране разветвленной отраслевой структуры хозяйства сказывается и при формировании структуры национальной экономической географии. Также по понятным причинам не везде выделяется раздел географии природных ресурсов.

Но наиболее высока роль национальной специфики в географии населения, прежде всего – благодаря особенностям национальных систем расселения. Так, например, понятие «сельской местности» в Аргентине (el campo) неизбежно включает в себя достаточно крупные городские населенные пункты с перерабатывающей промышленностью, полностью опирающиеся на свой сельскохозяйственный район. В Бразилии, в силу особенностей ее аграрного производства, сельская местность практически полностью поглощена географией сельского хозяйства. Во Франции сельскую местность невозможно отделить от распространенных малых городов (первые тысячи жителей), бывших ранее центрами сельскохозяйственных районов, но в настоящее время, при малой численности населения, являющихся полноценными городами с промышленностью. Одновременно такое российское явление как «малый город» численностью населения до 50 тыс. человек с относительно крупной промышленностью – явление достаточно редкое для Франции, Бразилии или Аргентины.

Другими свидетельствами специфического влияния индивидуальной реальности на структуру географии являются, например, выделение в американской географии *Settlement geography* (география поселений/заселения), включающей в себя *Urban geography* – в соответствии с национальной историей. Во Франции сложилось такое устойчивое направление как *Géographie des banlieues,* дословно – география пригородов, но фактически означающая географию *французских* пригородов, то есть в реальности специфическое направление исследования, выделенное по конкретной проблеме.

Некоторые выводы

В современной социально-географической географии происходит нарушение ее традиционно сложившейся внутренней структуры, базирующейся на специфике ее предмета исследования и, как следствие, – остается лишь самая общая рубрикация.

Основной причиной данных трансформаций является нарастание, с одной стороны, прикладного характера исследований, с другой – их субъективности. В целом процесс можно охарактеризовать как размывание структуры СЭГ.

Этот процесс свойственен для всей мировой СЭГ, но имеет существенные различия от страны к стране, обусловленные национальной экономической и географической реальностью.

В то же время, в целом внутренняя структура западной географической науки (в т.ч. американской) еще сохраняет «родимые черты», заложенные в европейских географических школах конца XIX – первой половины XX веков и базирующиеся на изучении основных общественных структур.

В тех странах, где были сильные традиционные географические школы, заложен мощный научный фундамент и созданы крупные государственные классические университеты, структурное размывание географии, и СЭГ в частности, идет медленнее. Наряду с другими факторами, это определило сохранение более традиционной структуры СЭГ в таких станах, как Германия, Франция и Россия. Структура же СЭГ в рамках «испаноязычной» географии представляет собой усеченный вариант западноевропейской традиции.

Библиографический список

1. Кедров Б.М. Классификация наук. – Кн. 2. – М.: Мысль, 1965.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
3. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
4. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2012. – № 1. – С. 5–19.
5. Хаггет П. География: синтез современных знаний. – М.: Прогресс, 1979.
6. Шувалов В.Е. Проблема взаимосвязи фундаментальных и прикладных исследований в отечественной социально-экономической географии // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С.50–58.
7. Шувалов В.Е. Регион // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 209–210.
8. Atlas de l'Allemagne. – Paris, Autrement, 2012.

9. Atlas des régions de France. – Renne, Ouest-France, 2011.
10. Atlas geográfico de Colombia. – Bogota, Andes, 2011.
11. Atlas geográfico de la Argentina. – Buenos Aires, Vizor, 2011.
12. Figueroa F.B., Historia Económica y Social de Venezuela. – Caracas, EBUC, 2009.
13. Gerin André, Les ghetto de la republique. – Paris, Les Quatre Chemin, 2006.
14. Labrune G. La géographie de la France. – Paris, Nathan, 2010.
15. Lacoste Y. La géographie, ça sert, d'abord, à faire la guerre. – Paris, La Decouverte, 2012.
16. Martinelli M. Atlas geográfico: natureza e espaço da sociedade. – São Paulo, Editora do Brasil, 2003.
17. Moreira R. As transformações da geografia classica // O pensamento geográfico brasileiro. Vol. 2. – Rio de Janeiro. Editoracontexto, 2009. P. 11–36.
18. Royoncayolo Marcel, Lectures de villes. – Marseille, Éditions Parenthèses, 2011.
19. Santos M. Manual de Geografia urbana. – São Paulo, Hucitec, 1981.
20. Santos M. O trabalho do geógrafo no Terceiro Mundo. – São Paulo, Hucitec, 1978.
21. Santos M. Por uma Geografia nova. – São Paulo, Hucitec-Edusp, 1978.
22. http://atlasescolar.ibge.gov.br – Школьный Атлас Бразилии.
23. http://www.universalis-edu.com – Энциклопедия Универсалис.
24. http://geography.sierra.cc.ca.us – Калифорнийское географическое общество.
25. http://dgfg.geography-in-germany.de – Германское географическое общество.
26. http://www.socgeografialisboa.pt – Лиссабонское географическое общество.

Дубовик В.О. (Москва)

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Dubovik V.O.

METHODS OF TERRITORY TRANSPORT ACCESSIBILITY ESTIMATION

Аннотация. *Методы оценки транспортной доступности территории разделяются на шесть групп: топологические методы (учитывает сетевые характеристики транспорта), методы оценки пространственного разграничения (определяет уровень сложности преодоления пространства), методы изолиний (построение изодистан, изохрон и изодапан), методы потенциалов (расчет с использованием функций меры преодоления пространства и весов конечных точек), методы инверсионных балансов (оценка особенностей начальных и конечных точек), пространственно-временные методы (построение пространственно-временных призм индивидов и их групп).*

Abstract. *Methods of territory transport accessibility estimation can be divided into six groups: topological methods (transport network analysis), estimation of spacial separation (evaluation of difficulty ofspace overcoming), methods of isolines (isodistance, isochrone, isodapane mapping), potential accessibility measures (evaluation considering distance decay functions and weights of final points), methods of inverse balances (estimation of attributes of inicial and final points), space-time methods (creation of individual or group space-time prisms).*

Ключевые слова: *транспортная доступность, доступность пункта, доступность территории, транспортная система, топологический анализ, изолинии, метод потенциалов, метод инверсионных балансов, пространственно-временные призмы, транспорт.*

Keywords: *transport accessibility, accessibility of point, accessibility of area, transport system, topology analysis, isolines, methods transport, potential accessibility, methods of inverse balances, space-time prisms, transport.*

Понятие доступности территории используется в науке уже давно. Еще в XIX в. Иоганн фон Тюнен использовал модели, связанные с пространственными процессами и явлениями, включая анализ доступности территории [5]. К настоящему моменту написано большое количество работ на эту тему. Устоявшегося определения понятия «доступность» пока нет. Каждый исследователь обладает собственным подходом к нему в зависимости от поставленных задач.

Автор понимает под доступностью характеристику определенного пункта или территории, показывающую степень возможности преодоления выбранными способами пространства, отделяющего ее от других рассматриваемых пунктов или территорий**.** При изучении транспортной доступности исследуется характер преодоления пространства различными видами транспорта.

Транспортная доступность в таком понимании взаимосвязана со многими социальными и экономическими процессами, происходящими на территории. Она часто оценивается при проведении экономических, социологических и экономико-гео-

графических исследований. Доступность территории сказывается на размещении промышленных предприятий, объектов сферы услуг, торговли и, в то же время, определяет спрос на них. Развитие транспортной инфраструктуры дает импульс для экономического роста территории, а увеличение доступности рабочих мест, объектов здравоохранения, образования, проведения досуга положительно сказывается на качестве жизни населения. Улучшение транспортной доступности является одной из целей государственной и региональной политики во многих странах мира.

Несмотря на большой интерес со стороны западноевропейских и североамериканских авторов, методы оценки транспортной доступности территории в русскоязычной литературе освещены слабо и мало применяются в экономико-географических исследованиях. Некоторые исследователи используют качественный подход к ее определению (высокая, средняя, низкая доступность) [6], во многих работах в роли меры доступности выбрано время в пути до точек назначения или количество объектов, лежащих в пределах заданной изохроны [3, 4]. В настоящее время предлагается множество методов оценки доступности пунктов и территорий. В зависимости от целей, поставленных перед исследователем, в расчет доступности включаются различные факторы. Однако обычно при оценке доступности необходимо:

- провести выбор степени и типа дисагрегации пространства и объектов исследования;
- определить начальные и конечные пункты или территории для оценки доступности;
- оценить влияние процесса преодоления пространства на доступность;
- оценить веса и привлекательность конечных пунктов и территорий.

Автором проанализировано более 100 методов оценки транспортной доступности, опубликованных за последние 50 лет в географической литературе. Их можно разделить на шесть основных групп: топологические методы, методы оценки пространственного разграничения, методы изолиний, методы потенциалов, методы инверсионных балансов и пространственно-временные методы.

Каждая из этих групп методов имеет свои преимущества и недостатки. Они представлены в табл. 1.

Рассмотрим каждую из групп методов подробнее.

Топологические методы. Для анализа используется граф, построенный на основе существующей транспортной сети. Он представляет собой совокупность ребер, соответствующих линейной составляющей транспортной сети, и узлов, т.е. мест пересечения ребер и их конечных точек. При топологическом анализе обычно рассматривается наличие или отсутствие связи между вершинами, а количественные характеристики этих связей остаются за рамками исследования. В некоторых случаях используются ориентированные ребра (например, в случае, если связь между узлами осуществляется только в одном направлении).

Топологические методы оценки транспортной доступности отличаются большим разнообразием: от простой оценки количества узлов, связанных одним ребром с исследуемым узлом [26], до сложных методов, включающих анализ цикличности сети с использованием математико-статистических методов.

В качестве примера топологического метода рассмотрим индекс Шимбела [25]. Согласно нему доступность пункта рассчитывается по следующей формуле:

$$A_i = \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^{n} d_{ij} \qquad (1)$$

где A_i – показатель доступности узла i, d_{ij} – топологическое расстояние (минимальное количество ребер) между узлами i и j, n – количество узлов в графе.

Шимбел также предложил оценивать общую доступность всех узлов графа по формуле 2:

$$A_0 = \sum_{i=1}^{n} \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^{n} d_{ij} \qquad (2)$$

где A_0 – показатель доступности рассматриваемой территории, d_{ij} – топологическое расстояние (минимальное количество ребер) между узлами i и j, n – количество узлов в графе.

Топологические методы оценки транспортной доступности отличаются относительной простотой расчета и небольшим количеством исходных показателей. Они позволяют исследователю сконцентрироваться именно на сетевых особенностях транспорт-

Таблица 1

Преимущества и недостатки основных групп методов оценки транспортной доступности

№ п/п	Наименование группы методов	Преимущества	Недостатки	Авторы, разработавшие основные методы группы
1	Топологические методы	1. Простота расчета 2. Небольшое количество исходных показателей 3. Концентрация только на сетевых особенностях транспорта	1. Нет учета линейных характеристик транспортной сети 2. Нет учета характеристик территорий 3. Нет дифференциального подхода к начальным и конечным точкам	Бугроменко [1] Ричардсон, Янг [22] Шойрер, Порта [24] Шимбел [25] Тааффе, Готье [26]
2	Методы оценки пространственного разграничения	1. Простота расчета 2. Небольшое количество исходных показателей 3. Возможность использования единого методического аппарата с разными показателями меры преодоления пространства (расстояние, время, издержки)	1. Линейная зависимость от меры преодоления пространства не всегда отражает действительность 2. Нет учета веса конечных точек	Аллен, Лю, Сингер [7] Инграм [15]
3	Методы изолиний	1. Наглядность 2. Простота понимания для неспециалистов 3. Учет характеристик начальных и конечных пунктов	1. Субъективность при выборе пороговых значений изолиний 2. Отсутствие дифференциации значений доступности точек, находящихся между соседними изолиниями	Бреени [8] Доманьски [10] Тёрнквист [27] Вахс, Кумагаи [28]
4	Методы потенциалов	1. Высокая адаптативность к целям исследования 2. Небольшое количество исходных показателей 3. Учет весов конечных пунктов	1. Нет дифференциации начальных пунктов 2. Субъективность при выборе функции меры преодоления пространства 3. Возможно явление самопотенциала	Хэнди [13] Хансен [14] Инграм [15] Кибл [16] Салес-Филью [23]
5	Методы инверсионных балансов	1. Учет конкуренции как в начальных, так и в конечных пунктах 2. Более реалистичная оценка доступности по сравнению с другими методами	1. Сложность расчета 2. Сложность интерпретации результатов 2. Субъективность при выборе функции меры преодоления пространства	Далви, Мартин [9] Реджиани [21]
6	Пространственно-временные методы	1. Точная оценка индивидуальной доступности 2. Учет большого количества факторов	1. Сложность получения исходных данных 2. Дезагрегированный подход 3. Применение только для крупномасштабных исследований 4. Сложность расчета	Ленторп [17] Миллер [18], [19]

ной системы. Однако эти методы имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, при анализе не учитываются количественные характеристики транспортной сети (длина ребер, длительность движения, издержки), в связи с чем возможно искажение результатов. В топологический анализ обычно не включаются характеристики и уровень сложности преодоления территории, по которой проходит транспортная сеть. В качестве начальных и конечных пунктов берутся узлы, т.е. места пересечения ребер. При этом редко применяются веса пунктов, а интересующие исследователя пункты (например, города) не всегда находятся на пересечении автомобильных дорог, в связи с чем могут выпадать из исследования.

Топологические методы оценки транспортной доступности используются крайне редко. Они применяются при анализе преимущественно внутригородской сети маршрутного транспорта, хотя есть отдельные

случаи их использования при мелкомасштабных исследованиях.

Методы оценки пространственного разграничения. В их основе лежит расчет сложности преодоления пространства, разделяющего начальный и конечный пункт. В качестве меры сложности преодоления пространства могут использоваться различные показатели: расстояние по прямой линии, расстояние по существующей транспортной сети, время в пути, транспортные издержки, итоговая стоимость перевозок и т.д.

При использовании в качестве показателя доступности расстояния между пунктами не учитывается трудность преодоления пространства. В связи с этим в исследованиях часто используется время в пути как мера преодоления пространства. В большинстве работ оно рассчитывается как отношение расстояния между пунктами к средней скорости перемещения на выбранном виде транспорта по исследуемому участку. В некоторых работах также учитывается время, необходимое для того, чтобы добраться пешком до и от места нахождения транспортного средства, вероятность возникновения заторов, время ожидания (при анализе систем общественного транспорта). Еще одной мерой преодоления пространства могут быть транспортные издержки. Самый простой метод их оценки включает рассмотрение только переменных издержек на перемещение (стоимость топлива, использования платных автомобильных дорог, парковок) [2]. При наличии более детальной исходной информации в расчет транспортных издержек могут включаться амортизация на транспортные средства, затраты на их регистрацию, ремонт, различные налоги и субсидии. Сравнение доступности с учетом времени в пути и издержек на дорогу можно применять для определения предпочтений между общественным и личным транспортом при перемещении.

Рассмотрим метод, предложенный североамериканским исследователем Алленом [7]. В нем транспортная доступность рассчитывается по формуле (3):

$$A_i = \frac{1}{n-1}\sum_{\substack{j=1 \\ j\neq i}}^{n} T_{ij} \qquad (3)$$

где A_i – показатель доступности пункта i (чем он выше, тем ниже доступность), T_{ij} – время в пути из пункта i в пункт j, n – количество рассматриваемых пунктов.

Транспортную доступность территорий можно оценить, вычислив среднее значение показателя доступности всех пунктов на ней:

$$A_0 = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} A_i = \frac{1}{n(n-1)}\sum_{i=1}^{n}\sum_{\substack{j=1 \\ j\neq i}}^{n} T_{ij} \qquad (4)$$

где A_0 – показатель доступности рассматриваемой территории (чем он выше, тем ниже доступность), A_i – показатель доступности пункта i, T_{ij} – время в пути из пункта i в пункт j, n – количество рассматриваемых пунктов.

Методы оценки пространственного разграничения, как и топологические, относительно просты в расчете. Они обычно не требуют большого количества исходной информации. Используя один методический аппарат, в зависимости от целей, исследования можно применять различные показатели меры преодоления пространства. Однако в основе большинства методов этой группы лежит прямая зависимость от них, что не совсем точно отражает действительность. Помимо этого, в них не учитываются веса конечных пунктов.

Методы изолиний. Являются наиболее наглядными из всех рассматриваемых методов. Чаще всего используются изодистанты (линии равных расстояний), изохроны (линии равного времени в пути), изодапаны (линии равных издержек). Многие исследователи ограничиваются построением и изучением этих изолиний. Этот подход часто применяется при разработке государственной и муниципальной политики совершенствования транспорта. Используя метод изолиний, можно проводить и более сложные исследования, в т.ч.:

- рассчитать количество объектов, находящихся в пределах выбранной изолинии от начального пункта;
- определить среднее значение меры преодоления пространства для достижения выбранного количества объектов;
- оценить среднюю численность населения, которое способно достигнуть выбранного числа объектов за фиксированное значение меры преодоления пространства (например, в течение 2 часов).

Рассмотрим метод, разработанный североамериканскими исследователями Вахсом

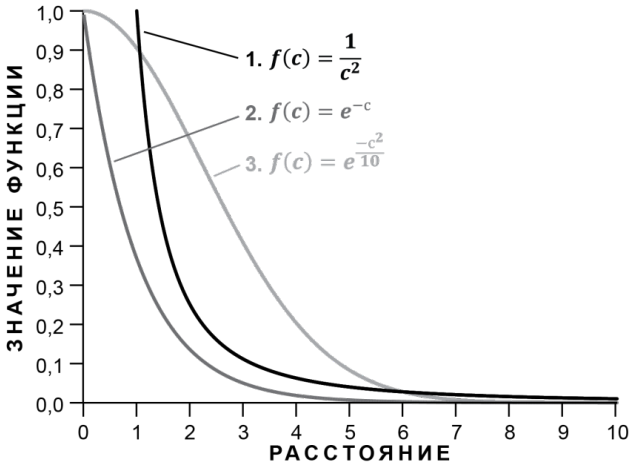


Рис. 1. Варианты изменения значений функций меры преодоления пространства

и Кумагаи и апробированный на примере города Лос-Анджелеса (США) [28]. Этот метод оценивает обеспеченность рабочими местами населения города с учетом их специализации, размера заработной платы и предпочтений населения. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$A_i = \frac{1}{100}\sum_{j=1}^{n}\sum_{k=1}^{m} P_{ijk}E(t)_{ijk} \qquad (5)$$

где A_i – показатель доступности пункта *i*, *j* – категория рабочих мест в соответствии с размером заработной платы, *k* – категория рабочих мест в соответствии с их специализацией, P_{ijk} – коэффициент, показывающий привлекательность рабочих мест с уровнем зарплаты *j* и специализацией *k* для жителей пункта *i*; $E(t)_{ijk}$ – количество рабочих мест с уровнем зарплаты *j* и специализацией *k*, находящихся в пределах времени в пути *t* от пункта *i*.

К преимуществам методов изолиний можно отнести их высокую наглядность и понятность для людей, не являющихся специалистами в области транспорта, в некоторых случаях – учет характеристик как начальных, так и конечных пунктов. Однако у этой группы методов существует ряд серьезных недостатков. Основные из них – субъективность при выборе пороговых значений изолиний при исследовании и отсутствие дифференциации получаемого показателя на территории, заключенной между соседними изолиниями, в т.ч. для объектов, непосредственно прилегающих к начальному пункту, и объектов, находящихся около первой изолинии.

Методы потенциалов. При их разработке исследователями была предпринята попытка уйти от основных недостатков методов изолиний, упомянутых выше. Это достигается путем включения в формулу расчета (6) функции меры преодоления пространства:

$$A_i = \sum_{j=1}^{n} W_j f(c_{ij}) \qquad (6)$$

где A_i – показатель доступности пункта *i*, W_j – показатель веса пункта *j*, $f(c_{ij})$ – функция меры преодоления пространства c_{ij}.

В зависимости от поставленных задач осуществляется выбор функции меры преодоления пространства. Она позволяет изменять сопротивление пространства. На рис. 1 представлены три варианта функции. В первом и втором варианте значение функции быстро падает при увеличении меры преодоления пространства. Однако значение первой функции асимптотически стремится к бесконечности при стремлении ее аргумента к нулю, в связи с чем возникает явление самопотенциала, который сильно затрудняет сравнение близких к исходному пункту территорий со всеми остальными. Максимальное значение второй и третьей функции равно единице (в исходном пункте). График третьей функции более пологий, чем второй, в связи с чем третья функция больше подходит для исследований междугородней до-

ступности, а вторая – для внутригородских исследований [11].

В расчете показателя методом потенциалов учитывается вес конечных пунктов. В качестве него могут быть использованы различные показатели: численность населения, валовой продукт, количество рабочих мест и др.

Методы потенциалов являются одними из самых используемых в исследованиях транспортной доступности. Они характеризуются высокой адаптивностью к поставленным целям исследования за счет использования весов пунктов и различных функций мер преодоления пространства. Эти методы не требуют большого количества исходной информации. Однако у них есть ряд недостатков. Во-первых, использование некоторых функций меры преодоления пространства приводит к явлению самопотенциала, затрудняющего восприятие и анализ полученных результатов. Во-вторых, в методах потенциала учитываются особенности и веса конечных пунктов, однако исходные пункты никак не дифференцируются. В-третьих, существует субъективность при выборе исследователем функции меры преодоления пространства.

Методы инверсионных балансов. В отличие от методов потенциала, учитывают особенности не только конечных пунктов, но и начальных [11]. Общая формула расчета доступности методом инверсионных балансов выглядит следующим образом:

$$T_{ij} = a_i b_j O_i D_j f(c_{ij}) \quad (7)$$

где T_{ij} – показатель оценки взаимодействия между пунктами i и j, a_i и b_j – балансировочные коэффициенты, обеспечивающие необходимое соотношение между исходящими и входящими потоками, O_i – количественный показатель начального пункта, D_j – количественный показатель конечного пункта, $f(c_{ij})$ – функция меры преодоления пространства c_{ij}.

Балансировочный коэффициент a_i обеспечивает соответствие исходящего потока из начального пункта i (например, количество поездок) его количественному показателю (например, численности населения), коэффициент b_j – соответствие входящего потока в конечный пункт j его количественному показателю (например, количеству рабочих мест). Эти коэффициенты взаимозависимы:

$$a_i = \frac{1}{\sum_{j=1}^{n} b_j D_j f(c_{ij})} \quad (8)$$

$$b_j = \frac{1}{\sum_{i=1}^{m} a_i O_i f(c_{ij})} \quad (9)$$

Вначале коэффициент b_j принимается равным единице, после чего по формуле 8 вычисляется значение коэффициента a_i. Найденное значение подставляется в формулу 9, после чего находится новое значение b_j, которое снова участвует в расчете по формуле 8. Эти итерации повторяются до того момента, пока между двумя коэффициентами не установится баланс.

Основным преимуществом метода инверсионных балансов является учет эффекта конкуренции как в спросе (начальных пунктах), так и предложении (конечных пунктах). Например, при оценке доступности рабочих мест, существует конкуренция как за хорошие места между ищущими работу, так и за квалифицированные кадры между работодателями. При наличии такой конкуренции, результаты исследования оказываются более правдоподобными, чем при использовании рассмотренных ранее методов [20]. Однако расчет показателей доступности методом инверсионных балансов трудоемок и сложен для понимания. Интерпретация полученных результатов и дальнейший анализ затруднены. Как и в случае методов потенциалов, существует субъективность в выборе функции меры преодоления пространства.

Пространственно-временные методы. Впервые были разработаны на базе работ Т. Хегерстранда [12] и Лундской географической школы. Они основывались на построении пространственно-временных призм индивидов, показывающих, где и когда они потенциально могут оказаться.

Для оценки транспортной доступности пространственно-временными методами собирается информация об обычных маршрутах и местонахождениях индивида или группы индивидов в течение определенного периода времени. При этом некоторые из местонахождений являются фиксированными в пространстве и во времени (например, работа в установленные часы, деловая встреча, поход в театр и др.). В зависимости от обычного распорядка дня индивида у него есть установленное количество времени на перемещение между фиксированными местопо-

ложениями. Именно это время участвует в оценке доступности, однако в зависимости от целей исследования подходы могут различаться. Например, может производиться оценка количества возможных объектов (супермаркетов, театров, поликлиник и т.д.), которые могут быть достигнуты индивидом на маршруте между фиксированными местоположениями при заданном количестве времени на дорогу. Некоторые исследователи рассчитывают площадь возможной зоны отклонений от этого маршрута. Для оценки надежности сети и доступности в случае выпадения из нее отдельных звеньев может анализироваться количество возможных вариантов пути.

Пространственно-временные методы позволяют наиболее точно оценить доступность определенных объектов территории для конкретных индивидов или их групп благодаря учету большого количества показателей, в т.ч. поведенческих. Однако для получения этих показателей необходимо осуществить большую работу по проведению социологических опросов населения и моделированию обычного поведения и маршрутов в течение исследуемого промежутка времени. Этот метод является крайне дезагрегированным: он применим только для отдельных людей или небольших их групп.

Выводы. Выполнение оценки транспортной доступности территории является важным элементом во многих экономических, социальных, географических исследованиях. Характеристика доступности присутствует в большинстве программ развития транспорта территорий. Сравнение изменения доступности до и после осуществления инфраструктурных проектов может показывать степень их эффективности. С учетом уровня доступности могут быть определены наиболее уязвимые для территории участки транспортной сети, выпадение которых снизит доступность территорий.

Транспортная доступность территории может оцениваться различными методами, которые можно объединить в шесть групп:

- топологические методы;
- методы оценки пространственного разграничения;
- методы изолиний;
- методы потенциалов;
- методы инверсионных балансов;
- пространственно-временные методы.

Каждая из рассмотренных групп обладает своими преимуществами и недостатками, которые определяют основные сферы их применения в зависимости от количества исходной информации и поставленных при исследовании целей и задач.

Библиографический список

1. Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах. – М.: Наука, 1987.
2. Дубовик В.О. Факторы формирования транспортных тарифов // Бюллетень транспортной информации (Москва). – 2013. – № 9.
3. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. – 2009. – № 4–5 (25). – С. 42–54.
4. Мозгунов Н.А. Сельский туризм как фактор развития территории (на примере Орловской области) // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 69–82.
5. Тюнен И.Г. Уединенное государство в отношении к общественной экономии. – М., 1857.
6. Цыренова И.Ж. Сравнительная оценка туристско-рекреационного потенциала национальных парков Байкальского региона // Региональные исследования. – 2011. – №4 (34). – С. 81–87.
7. Allen W.B., Liu D., Singer S. Accessibility measures of U.S. Metropolitan Areas // Transportation Research, Part B. – 1993. – № 6. – P. 439–449.
8. Breheny M.J. The measurement of spatial opportunity in strategic planning // Regional Studies. – 1993. – № 12. – P. 463–479.
9. Dalvi M.Q., Martin K.M. The measurement of accessibility: some preliminary results // Transportation Journal. – 1976. – № 5. – P. 639–653.
10. Domanski R. Accessibility, efficiency and spatial organization // Environment and Planning A, 1979 - № 11. – P.1189–1206.
11. Geurs K.T., van Wee B. Accessiblity Evaluation of Land-Use and Transport Strategies: Review and Research Directions // Journal of Transport Geography. – 2004. – № 12. – P. 127–140.
12. Hägerstrand T. What about people in regional science? – Lund, 1970.
13. Handy S. Regional versus Local Accessibility: Implications for Non-Work Travel // Transportation Research Record 1400. – 1994. – P. 58–66.
14. Hansen W.G. How accessibility shapes land-use // Journal of American Institute of Planners. –1959. – № 25. – P. 73–76.
15. Ingram D.R. The concept of accessibility: a search for an operational form // Regional Studies. – 1971. – V. 5. – № 2. – P. 101–107.

16. Keeble D., Owens P.L., Thompson C. Regional Accessibility and Economic Potential in the European Community // Regional Studies. – 1988. – № 16(6). – P. 419–432.
17. Lenntorp B. Paths in space-time environments: a time-geographic study of movement possibilities of individuals. – Lund, 1976.
18. Miller H.J. Measuring Space-Time Accessibility Benefits within Transportation networks: Basic Theory and Computational Procedures // Geographical analysis. – 1999. – № 31(2). – P. 187–212
19. Miller H.J. Modelling Accessibility Using Space-Time Prism Concepts within Geographical Information Systems // International Journal of Gepgraphical Systems. – 1991. – № 5(3). – p. 287–301.
20. Neuburger H. User benefits in the evaluation of transport and land-use plans // Journal of Transport Economics and Policy. – 1971. – № 5(1). – P. 52–75.
21. Reggiani A. El Sistema della Mobilita in Lombardia: Sperimentazioni di Modelli di Interazione Spaziale con Referamento alla Misura di Accessibilita. – Milano, 1985.
22. Richardson A.J., Young W. A measure of linked-trip accessibility // Transportation Planning and Technology. – 1982. – № 2. – P. 73–82.
23. Sales Filho L.H. Indicadores de acessibilidade: alguns aprimoramentos analíticos e seu uso na avaliação de redes estruturais de transporte urbano // Congresso de pesquisa e ensino em transportes, XI. Anais. – Rio de Janeiro, 1995. – P. 985–996.
24. Scheurer J., Porta S. Centrality and Connectivity in Public Transport Networks and their Significance for Transport Sustainability in Cities // World Planning Schools Congress. – Mexico DF, 2006.
25. Shimbel A. Structural parameters of communication networks // Bulletin of Mathematical Biophysics. – 1953. – № 15. – P. 501–507.
26. Taaffe E.J., Gauthier H.L. Geography of transportation. – Englewood Cliffs, 1973.
27. Törnqvist G. Contact systems and regional development. – Lund, 1970.
28. Wachs M., Kumagai T.G. Physical accessibility as a social indicator // Socio-Economic Planning Science. – 1973. – № 6. – P. 437–456.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Катровский А.П. (Смоленск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ[1]

Katrovsky A.P.

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION IN THE POST-SOVIET SPACE: ECONOMIC AND GEOGRAPHIC ASPECTS OF THE STUDY

Аннотация. *В статье рассмотрены основные тенденции развития национальных и региональных систем образования на постсоветском пространстве. Выявлены главные тенденции развития национальных систем образования: университезация, коммерциализация, филиализация, интернационализация, регионализация. Показаны изменения в территориальной организации высшей школы. Особое внимание уделено глобальной конкурентоспособности систем образования отдельных стран. В статье приводится типология стран постсоветского пространства по территориальной структуре. Отмечается снижение роли российских вузов на постсоветском образовательном пространстве. По мнению автора наиболее взвешенную и эффективную политику в сфере высшего образования на постсоветском пространстве осуществляет Казахстан.*

Abstract*. The article describes the main trends in the development of national and regional systems of education in the post-Soviet space. There are identified the major tendencies in the development of national education systems such as priority development of universities as the type of educational institutions, commercialization, branches development, internationalization and regionalization. The article highlights the changes in the territorial organization of higher education. Particular attention is paid to the global competitiveness of the educational systems of individual countries. The article provides a typology of post-Soviet countries based on the territorial structure. It is noted that the role of Russian universities in post-Soviet educational space has reduced. The author considers that the most balanced and effective policy in the sphere of higher education is pursued in Kazakhstan.*

Ключевые слова: *Высшая школа, постсоветское образовательное пространство, образовательная региональная политика, территориальная структура высшей школы, регионализация, коммерциализация, филиализация, университезация, интернационализация высшей школы, локальные научные сообщества.*

Keywords*: Higher School, post-Soviet educational space, educational regional policy, territorial structure of the higher school, regionalization, commercialization, branches development, priority development of universities as the type of educational institutions, internationalization of higher education, local scientific communities.*

Одним из результатов распада СССР стало разрушение единого образовательного пространства. За короткий период постсоветского развития политика большинства стран в сфере образования претерпела существенные изменения. Эти изменения проявились в тенденциях развития, структурной и региональной политике, в отношении к зарубежному присутствию на рынке образовательных услуг, наконец, в содержании самого обучения.

Распад единого образовательного пространства вызвал инверсию территориальных связей, включая миграцию на учебу. Образование на пространстве бывшего СССР пятнадцати независимых и нескольких непризнанных или частично признанных государств, уже в первые 2-3 года отразилось на направлении и масштабах миграции на учебу. После распада страны у молодежи возникли объективные трудности для продолжения образования в соседних постсоветских республиках, ранее входивших в единое образовательное пространство СССР. Само пространство, несмотря на многочис-

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (Проект №13-06-00675 –А).

ленные декларации, перестало существовать как единое целое. Каждая республика, став суверенным государством, получила в «наследство» часть единой системы профессионального образования СССР.

Распад единого образовательного пространства оказался весьма болезненным процессом в связи с высокой интегрированностью систем профессионального образования отдельных республик в прошлом. Уже через три-четыре года, из-за прекращения распределения выпускников из вузов других республик, национальные экономики стали испытывать дефицит специалистов отдельных профессий. Этот дефицит возник не только в государствах Центральной Азии или Закавказья, но и в Российской Федерации. В результате распада СССР прекратилась подготовка для российской экономики в таких некогда престижных вузах, как Николаевский кораблестроительный, Харьковский авиационный, Днепропетровский горный, Запорожский машиностроительный институты, Киевский и Рижский институты гражданской авиации, Азербайджанский институт нефти и химии и многих других. Для западных регионов Российской Федерации болезненным был разрыв тесных учебных связей с учебными заведениями Украины, Белоруссии, Латвии. Вне образовательного пространства России оказались такие старейшие и авторитетные университеты, как Тартуский, Вильнюсский, Белорусский, Киевский, Харьковский, Одесский, Львовский, Тбилисский и др. Это не могло не сказаться на интеллектуальном потенциале и человеческом капитале постсоветских государств, в том числе России. Распад единого образовательного пространства создал перед новыми независимыми государствами проблему интеллектуальной безопасности, а в связи с массовыми миграциями специалистов в другие страны, задачу восполнения потери интеллектуального потенциала. Отток после распада СССР части высококвалифицированных преподавательских кадров из высших учебных заведений негативно сказался на качестве образования. Профессиональное образование, как правило, не успевало за глубокими трансформациями структуры хозяйства, а ликвидация в большинстве новых независимых стран системы распределения выпускников значительно обострила проблему структурной безработицы [3]. На первом этапе в большинстве стран, исключая страны Балтии, сохранялась традиционная советская система организации профессионального образования, однако в дальнейшем практически повсеместно приступили к модернизации национальных систем образования.

В наследство от советской эпохи новые независимые государства получили исторически сложившуюся территориальную структуру высшего образования. Территориальные модели развития высшей школы государств поссоветского пространства значительно отличались друг от друга. В основе данной дифференциации лежали объективные причины: различия в размерах стран, характере расселения, историческое прошлое. Для наиболее крупных республик (Россия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия) в советское время была характерна полицентрическая организация, с некоторой гипертрофированной ролью столиц и наличием выраженного второго центра (Ленинград, Харьков, Караганда, Самарканд, Гомель). Очень часто в качестве второго центра выступала бывшая столица. Полицентрическая территориальная структура всегда способствовала формированию и развитию в регионах локальных научных сообществ.

Иная ситуация сложилась в меньших по величине территории и населения республиках, где функционировали моно или бицентрические системы образования. Невысокий уровень развития высшей школы в региональных центрах сдерживал формирование в них локальных учебно-научных комплексов. Туркменистан, несмотря на значительные размеры, в связи с особенностями расселения и хозяйственного освоения, оставался республикой с моноцентрической организацией высшей школы. На долю Ашхабада приходилось более 80% национальной подготовки кадров высшей квалификации. Чарджоу так и не стал выраженным вторым центром высшей школы и находился в начальной стадии формирования локального научного сообщества.

Типичные моноцентрические системы высшего республиками с исключительной ролью столиц были характерны для всех республик Закавказья. Несмотря на наличие в Грузии, Азербайджане и Армении нескольких вузовских центров, на долю Тбилиси, Баку и Еревана приходилось более 80% республиканской подготовки кадров высшей квалификации. Каждая из этих столиц в со-

ветское время являлась межреспубликанским вузовским центром для Закавказья. Аналогичная ситуация была в Киргизии, Таджикистане, Молдавии и Латвии, где, несмотря на наличие второго вузовского центра, (Ош, Худжанд, Тирасполь, Даугавпилс) исключительную роль в науке и высшем образовании играли столицы. Рига играла общегосударственную и межреспубликанскую роль по отдельным профилям обучения и научных разработок. Численность населения этого города, её научный и экономический потенциал и в прошлом и в настоящем значительно превосходит потенциал любого другого города Латвии. В этих условиях в стране отсутствуют предпосылки для развития биполярной системы высшего образования.

Совершенно иная картина наблюдалась в Литве и Эстонии. Здесь исторически сформировались типичные бицентрические системы высшего образования: Каунас и Вильнюс, Тарту и Таллинн были соразмерны по масштабам подготовки кадров высшей квалификации. Эти города выступали в качестве межреспубликанских центров образования, в каждом из них были созданы известные научные школы.

Процесс трансформации систем профессионального образования в странах постсоветского пространства протекал в несколько этапов. Их единые временные границы, в связи с разной скоростью трансформации, невозможно выделить для всех постсоветских государств. Трансформационные процессы в сфере профессионального образования новых независимых государств имели общие и отличительные черты. Продолжительность первого этапа в разных странах варьировала от двух-трёх до пяти-шести лет. В большинстве государств он завершился к 1997 году. Этот этап характеризовался наиболее существенными изменениями в отраслевой и территориальной структурах профессионального образования. В это время произошло максимальное развитие сети вузов вширь, в большинстве стран появились негосударственные высшие учебные заведения. Задачи обеспечения национальной безопасности потребовали во всех новых независимых государствах открытия вузов, осуществляющих подготовку кадров для национальной обороны, государственной безопасности, органов внутренних дел, таможни. Только в Казахстане за постсоветский период было открыто 13 вузов, осуществляющих подготовку кадров для силовых и фискальных структур. Политика в сфере высшего образования была направлена на всемерное развитие системы вузов, на преодоление дефицита кадров, которых во времена СССР готовили учебные заведения других республик.

В связи с разрывом межгосударственных учебных связей, в 1992–1995 гг. в ряде стран были открыты отраслевые вузы, осуществляющие подготовку кадров для национальной экономики. Так, в Туркменистане в 1992 г. открывается государственный институт транспорта и связи (Ашхабад), в Эстонии в 1993 г. Эстонский авиационный колледж (Тарту). В 1995 г. Авиационный институт открывается в Ташкенте и др. Однако число открытых отраслевых вузов было много меньше числа универсальных и многопрофильных высших учебных заведений. Всего с 1992 по 1995 гг. в постсоветских странах было открыто более 700 вузов, большую часть из которых составляли негосударственные высшие учебные заведения. Если в СССР в 1990 г. насчитывалось 911 вузов, то спустя пять лет на постсоветском пространстве образовательную деятельность осуществляло уже более 1630 высших учебных заведений. Наибольший рост числа вузов имел место в Грузии (6,9 раза), Эстонии (4,2 раза), Армении (3,9 раза), Кыргызстане (2,7 раза), Азербайджане (2,4 раза), Латвии (2,8 раза). При этом, общее число студентов осталось практически на уровне 1990/1991 учебного года.

Увеличение транспортных тарифов, повышение стоимости жизни сделали учебу в столичных вузах непозволительной роскошью для большинства выпускников провинциальных школ больших по площади стран. Обострение криминогенной ситуации в крупнейших городах еще более отторгало провинцию от центра. В этих условиях Россией, Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Киргизией, Таджикистаном и рядом других стран был взят курс на регионализацию, т.е. создание региональных университетов, которые должны были свое развитие увязывать с особенностями региональных рынков труда. Одновременно регионализация рассматривалась и как инструмент формирования локальных научных сообществ. Например, все областные центры Таджикистана стали университетскими городами в первый год независимого развития после открытия уни-

верситетов в Хороге и Кулябе. Аналогичные процессы протекали и в других центрально-азиатских странах. В Кыргизии в первые десять лет независимого развития университеты были открыты в Таласе, Джалалабаде, Нарыне и даже в Баткене. В Молдавии университеты были открыты в местах компактного расселения гагаузов и болгар: Комрате, Кагуле и Тараклии. Однако открытие вузов в провинциальных городах не приводило к возникновению в них особой научной среды и новые университеты фактически ограничивались только образовательной деятельностью.

Важной общей чертой развития систем высшего образования независимых стран после распада СССР стала университезация. В 1990-е гг. на постсоветском пространстве значительно выросло число университетов, которые зачастую без кадровых и материально-технических предпосылок открывались в большинстве центров субъектов новых независимых государств. Причиной университезации стало сжатие рынков труда и образовательных услуг, уменьшение спроса на выпускников отраслевых вузов со стороны других стран. Большая часть новых университетов возникла в результате реорганизации отраслевых вузов. Региональные университеты, как правило, создавались на базе уже существовавших филиалов вузов. Часть новых университетов создавалась на базе средних специальных учебных заведений. Некоторые из них были открыты даже в малых городах и поселках городского типа. Значительное увеличение числа высших учебных заведений в условиях обеднения населения способствовало решению проблемы территориальной доступности высшего образования, но одновременно сопровождалось снижением его качества. Многочисленные филиалы вузов, открытые практически в каждом среднем городе, еще в большей степени усугубляли проблему качества образования. Поэтому другой общей чертой развития сети вузов стала филиализация.

В начале первого десятилетия независимого развития, в связи с глубокими институциональными изменениями, дальнейшее развитие получил процесс становления системы негосударственного образования. Так, если в Российской Федерации в 1991 г. действовало или находилось на стадии регистрации 45 негосударственных вузов, то в 1994 г. число лицензированных негосударственных высших учебных заведений достигло 141 [5]. В начале 2000–2001 учебного года в России функционировало уже 358 негосударственных вузов, в которых обучалось более 470 тыс. чел., или 11% от общего числа студентов страны[2].

Особенностью первого этапа трансформации профессионального образования стала его коммерциализация. Впервые образование, особенно высшее, стало рассматриваться как разновидность бизнеса. Одним из его главных результатов стало формирование в новых независимых странах рынка образовательных услуг. Коммерциализации высшей школы способствовал неудовлетворённый спрос населения на отдельные виды и направления образования. Экономическая эффективность первых негосударственных вузов была высокой. Наряду с негосударственными вузами в коммерциализацию профессионального образования были вовлечены государственные высшие учебные заведения. В результате доля лиц, обучающихся за счет бюджета, стремительно сократилась во всех странах постсоветского пространства. Например, если в 1992–1993 учебном году в Латвии за счет бюджетных средств обучалось 90,3%, то к 1995–1996 уч. г. – 65,8%, а в 2000–2001 гг. доля бюджетников сократилась до 33,7%.

Для стран постсоветского пространства характерны значительные неравенства в развитии негосударственного образования. В одних (Армения, Молдавия, Казахстан, Грузия, Латвия) негосударственные вузы играли и играют важную роль в национальных системах профессионального образования, и на них приходится более 20% контингента студентов. В других странах их доля в подготовке кадров невелика, или они вообще отсутствуют. Негосударственные вузы преимущественно специализируются в таких направлениях как: экономика, право, иностранные языки, психология, туризм др. В Латвии негосударственные учебные заведения играют ведущую роль в подготовке квалифицированных кадров для транспорта и связи. В России к 2000 г. доля негосударственных вузов в общем количестве высших учебных заведений достигла 37,2% (без филиалов).

Единственной страной на постсоветском пространстве, законодательно не до-

[2] www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-25-I.htm

пустившей до 2013 г. появления на своей территории негосударственных вузов, стал Туркменистан. В Таджикистане в 2009 г. Министерство образования приняло решение о прекращении образовательной деятельности единственного негосударственного вуза – Института инновационных технологий и коммуникаций, открытого в Душанбе в 2003 г. Аккредитованные частные вузы, несмотря на отсутствие правовых ограничений, до 2013 г. отсутствовали в Узбекистане.

Другой важнейшей тенденцией развития профессионального образования на постсоветском пространстве стала интернационализация, проявлением которой стало не только использование учебными заведениями передового зарубежного опыта, развитие международных связей, расширение программ международного академического обмена, но и появление зарубежных учебных заведений и их филиалов. В связи с разрушением межгосударственных учебных связей внутри постсоветского пространства, обострением проблем квалифицированных кадров некоторые страны были вынуждены «повернуться лицом» к системам образования государств дальнего зарубежья.

Однако надежды на решение проблемы массовой подготовки кадров за счет расширения обучения в зарубежных вузах Турции, Ближнего Востока, Западной Европы, США у государств Центральной Азии и Закавказья не оправдались. Вместе с тем, уже в первые постсоветские годы, в большинстве новых независимых государств были созданы условия для экспансии зарубежного образования. Большой спрос на новые специальности способствовал проникновению на образовательное пространство новых независимых государств зарубежных вузов. В 1992–1995 гг. практически во всех государствах СНГ и Балтии появились международные университеты с зарубежными учредителями. В первые годы независимого развития власти большинства государств Центральной Азии и Закавказья (за исключением Армении, Таджикистана и Узбекистана) активно использовали турецкий опыт. Так, в 1993 г. в Азербайджане в Баку открывается университет «Кавказ», в Казахстане – Туркестанский государственный университет, реорганизуется в Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Яссави. В 1994 г. в Ашхабаде открывается Международный Туркмено-Турецкий университет. С 1995 г. при поддержке правительства Турции в столице Грузии действует Международный Черноморский университет, в 1996 г. в Алма-Ате – Университет имени Сулеймана Демиреля, с 1997 г. в Бишкеке – Киргизско-Турецкий университет им. Манаса.

Однако в дальнейшем высшая школа центрально-азиатских и закавказских стран стала всё больше ориентироваться на страны Западной Европы и США. Более широко стал использоваться передовой опыт организации обучения таких стран, как Япония, Южная Корея, Сингапур. В 1997 г. в Бишкеке открывается Американский университет в Киргизии (в 2002 г преобразован в Американский университет в Центральной Азии). В 2000 г. в Ереване возникает Французский университет. Среди всех государств постсоветского пространства наиболее «многовекторную» международную политику в сфере высшего образования проводил и проводит Казахстан, в котором имеются казахстано-российские, казахстано-турецкие, казахстано-немецкие, казахстано-китайские, казахстано-американские вузы и даже казахстано-египетский исламский университет. В 2001 г. в Алма-Ате был открыт Казахско-Британский технический университет, который уже через десять лет после открытия вошел в число лидеров высшего образования СНГ. В Ташкенте с 2002 г. функционирует Международный Вестминстерский университет, с 2007 г. – Сингапурский институт развития менеджмента, которые, согласно опросу, проведенному в июне 2011 г., были определены как самые престижные вузы столицы Узбекистана, набрав соответственно 24,67% и 17,05% соответственно. С 2009 г. образовательную деятельность в Узбекистане осуществляет Туринский политехнический университет. Особенно активно «интернационализация» системы профессионального образования проходила в Латвии и Грузии.

В образовательном пространстве ряда стран СНГ усиливалось также присутствие России, которое осуществлялось двумя путями: открытием филиалов российских вузов и созданием совместных вузов. В 1993 г. в Бишкеке открылся Российско-Киргизский университет, в 1996 г. в Душанбе – Российско-Таджикский университет, в 1997 г. в Ереване – Российско-Армянский университет, в 2003 г. в Могилеве – Белорусско-Российский

университет и т.д. Данные учебные заведения находятся в совместном ведении и частично финансируются за счет Российской Федерации. Среди филиалов особо необходимо отметить открытие филиалов ведущего российского вуза – Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Севастополь (1999 г.), Астана (2001), Ташкент (2006), Баку (2008), Душанбе (2009). В сентябре 2013 г. достигнуто соглашение об открытии филиала МГУ в Ереване. Наряду с ведущими российскими вузами экспансию на образовательное пространство стран СНГ проводили региональные государственные и негосударственные высшие учебные заведения.

Несмотря на открытие в 1993–2012 гг. значительного числа российских высших учебных заведений, влияние России на постсоветском образовательном пространстве снижается, что не соответствует её геополитическим интересам. Согласно опросу, проведенному в Узбекистане в июне 2011 г., по престижности (4,04%) филиал МГУ им. М.В. Ломоносова занял 5 место среди вузов столицы Узбекистана, а филиалы Российской экономической академии им Г.В. Плеханова и Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина не вошли в десятку наиболее престижных вузов Ташкента [8]. Российское образовательное присутствие в странах Центральной Азии не характеризуется устойчивостью. Одни вузы или филиалы открывались, другие закрывались. В 2012 г. в Душанбе открывается филиал Московского института стали и сплавов, в Ашхабаде прекращается деятельность филиала Российского государственного университета нефти и газа.

Важнейшим процессом на постсоветском образовательном пространстве стало открытие религиозных высших учебных заведений: христианских, исламских, иудейских. Большая часть из них была открыта в первой половине 1990-х гг. Одним из первых исламский университет был открыт в Баку (1992 г.). В 1993 г. исламский институт открывается в Кыргызстане в Бишкеке (с 2003 г. – Исламский университет), в 1994 г. исламский университет действует в Киеве. В большинстве стран открытие религиозных вузов продолжилось и в последующие годы. Например, в Ташкенте Исламский институт был открыт в 1999 г., Исламский институт в Душанбе – в 2007 г., российский исламский университет был создан в Казани в 1998 г. В 2009 г. Российский исламский университет открывается в Грозном. В Кыргызстане к 2011 г. число исламских высших учебных заведений достигло девяти.

Страны, получив политическую независимость, фактически обрели и «независимость» от других стран в сфере подготовки кадров. Образовавшийся «вакуум» в системах образования пришлось экстренно заполнять, организовав у себя подготовку специалистов. Наилучшими предпосылками для развития высшего образования, возникновения новых профилей обучения располагали столичные города, в связи с этим одной из тенденций пространственного развития высшей школы на постсоветском пространстве стало усиление роли и увеличение доли столиц в подготовке кадров высшей квалификации. Данная тенденция проявлялась как в первом, так и втором десятилетии. Особенно велика роль столичных вузов в таких странах, как Грузия и Туркмения (более 80%), Армения, Кыргызстан. Этого не произошло в России, так как Москва и Ленинград (Санкт-Петербург) осуществляли подготовку специалистов для всего Советского Союза. Доля Москвы в российской системе подготовки кадров несколько снизилась, хотя и остается гипертрофированной. Если в 1990–1991 учебном году на столицу приходилось 18,7% числа студентов России, то через десять лет этот показатель снизился до 18,3%, а еще через пять до 17,0%. В 2011–2012 учебном году доля Москвы в подготовке кадров высшей квалификации для российской экономики составила 15,9%. Более сложная динамика данного показателя у Санкт-Петербурга. В 1990–1991 учебном году на «северную столицу» приходилось 8,8% студентов России, через десять лет – 7,5%, в 2005–2006 уч. г. – 6,1%. Однако в дальнейшем доля Санкт-Петербурга стабилизировалась, а в 2011–2012 учебном году даже выросла до 6,2%.

Перенос в декабре 1997 г. столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану сопровождался развитием уже имеющихся и открытием новых вузов, которые за короткое время обрели ведущую роль в национальной системе подготовки кадров. В 1998 г. в новой столице открывается Национальная академия музыки, в 2000 г. из Алма-Аты переводится Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, открывается фили-

ал Московского университета им. М.В. Ломоносова. Глубокие преобразования произошли в созданном в 1996 г. Евразийском университете им. Л.Н. Гумилева, международный рейтинг которого в 2012 г. был несколько выше рейтинга Национального университета им. Аль-Фараби, расположенного в Алма-Ате (в 2013 г. вузы поменялись местами в Международном рейтинге QS). Ведущим аграрным вузом Казахстана стал столичный Национальный агротехнический университет. Бывшая столица сохраняет лидирующее положение в системе педагогического и технического образования, подготовке кадров для сферы культуры и искусства. В Алма-Ате с 2003 по 2011 г. число высших учебных заведений уменьшилось с 69 до 47, в Астане выросло с 10 до 14. Именно Казахстан проводит наиболее взвешенную региональную политику в сфере высшего образования, поддерживая развитие в регионах различных типов учебных заведений (государственных, акционированных, частных).

Важнейшим фактором развития высшего профессионального образования в постсоветское время оставалось административно-территориальное устройство. Высшая школа по-прежнему остается прерогативой региональных центров. Реорганизация административного деления ряда стран на постсоветском пространстве способствовала трансформации территориальной организации высшей школы.

Для стран Балтии имело значение введение нового регионального планирования. Так, в 2006 г. в Латвии были образованы 5 регионов (в качестве самостоятельного региона рассматривалась Рига). В Валмиере и Резекне были открыты высшие школы (университеты прикладных наук). Государство проводило и проводит политику поддержки региональных центров высшего образования. Университеты, помимо Риги и Елгавы, функционируют в Даугавпилсе и Лиепае. Функцию подготовки кадров высшей квалификации в постсоветское время обрёл Вентспилс. Подобная политика направлена на создание в региональных центрах локальных научных сообществ. Дальнейшее развитие получило негосударственное образование. Высшее профессиональное образование, благодаря развитию негосударственного сектора, превратилось в одну из отраслей специализации национальной экономики. Если в 1995 г. в Латвии было 28 вузов (46,7 тыс. студентов), то через пять лет число вузов выросло до 33 (101 тыс. студентов). Экстенсивное развитие высшей школы в первое постсоветское десятилетие в Латвии и других странах решало важную проблему занятости молодежи, которая возникла в связи с массовым закрытием многих предприятий.

Коммерциализация профессионального образования сопровождалась усилением конкуренции на рынке образовательных услуг, который в силу глобализации и развития информационных технологий стал «рынком без политических границ». В условиях повышения академической мобильности среди высших учебных заведений усилилась конкуренция за абитуриентов и студентов, которая не ограничивалась национальными рамками, а быстро из внутренней переросла во внешнюю. Показатель доли иностранных студентов стал одним из критериев внешней конкурентоспособности, как отдельных вузов, так и целых национальных систем образования. Внешняя конкурентоспособность обеспечивалась качеством образования, его стоимостной и языковой доступностью. Например, негосударственные высшие учебные заведения стран Балтии, в отличие от государственных вузов. стали активно реализовывать программы на русском языке, что способствовало привлечению «русскоязычных» студентов. Если в 1995–1996 учебном году в Латвии обучалось 648 зарубежных студентов, то через пять лет уже 7917 или в 12 раз больше. Свыше половины из них составляли студенты, постоянно проживающие в странах СНГ.

Среди причин трансформации национальных систем профессионального образования были как субъективные, обусловленные разработками новых «национальных» моделей развития, так и объективные. К последним можно отнести глубокие структурные изменения в экономике: деиндустриализация, закрытие отдельных предприятий, а то и целых отраслей промышленности, возникновение новых «полюсов роста», сервисная «революция» и др. Изменения в территориальной организации хозяйства способствовали сдвигам в территориальной структуре профессионального образования. Сдвиг производительных сил к морю в странах Балтии сопровождался усилением роли приморских городов: Клайпеды, Вентспилса и др. в си-

стеме подготовки кадров. Например, если в 1995 г. на Клайпеду приходилось 7,0% числа студентов Литвы, то спустя пятнадцать лет уже 9,0%. Одновременно несколько снизилось значение Каунаса (с 39,6 до 28,7%), Шауляя (с 8,2 до 6,8%).

Во втором десятилетии на постсоветском пространстве в развитии высшего образования условно можно выделить два этапа. Первый охватывал время от 2002 г. до вступления национальных экономик в мировой экономический кризис. Этот период в большинстве стран характеризовался положительной динамикой численности студентов, ростом расходов на высшую школу. Наиболее динамично с 2000 г. по 2005 г. развивались вширь системы высшего образования Литвы (рост в 2 раза), Казахстана (1,8), Таджикистана (1,7), России, Узбекистана и Армении (по 1,5), Украины и Молдовы (по 1,6). Более чем на 30% выросло число студентов в Латвии и Белоруссии. Менее значительный рост числа студентов имел место в Грузии, Кыргызстане, Азербайджане, Эстонии. Единственной страной с отрицательной динамикой в этот период стала Туркменистан, где в связи с реформами С.Ниязова, проведенными в 1999–2002 гг., число студентов вузов сократилось почти на треть.

По числу студентов на 10000 чел. населения Латвия и Литва в 2005 г. вышли на одно из первых мест в мире. Высшее образование наряду с туризмом, банковской сферой и транспортом стало рассматриваться как одно из перспективных направлений развития экономики. Вместе с тем, подобная политика развития высшей школы вширь, неоднократно подвергалась критике в СМИ этих стран. Начиная с 2006 г., число студентов в вузах Латвии неуклонно уменьшается. В 2011–2012 учебном году в Латвии в 59 вузах страны обучалось чуть более 97 тыс. студентов (74,0% к уровню 2005 г). Сократился до 475 чел. и показатель вовлеченности населения в высшее образование.

В Российской Федерации число высших учебных заведений и студентов достигло максимума в 2008 г., когда в стране насчитывалось 660 государственных и 474 негосударственных вуза. В дальнейшем число государственных и негосударственных вузов в стране сократилось в 2011 г. до 634 и 446 соответственно. За три года число студентов в вузах России сократилось с 7513 тыс. до 6490 тыс., или более чем на 1 млн. человек. Сокращение происходило как в государственных (11,4%), так и в негосударственных (12,5%) вузах. В Москве в 2011 г. численность студентов негосударственных вузов составила 66,6% к показателю 2008 г. Процесс сокращения числа высших учебных заведений и численности студентов в них в России продолжится и в дальнейшем. Наряду с демографическими проблемами причиной уменьшения численности студентов является снижение спроса на второе высшее образование в России и странах ближнего зарубежья. Число вузовских филиалов в стране достигло исторического максимума в 2010 г. (1668), после чего начался процесс их сокращения.

Во втором постсоветском десятилетии на смену экстенсивному развитию высшей школы в большинстве стран пришла политика концентрации, объединения нескольких вузов в крупные учебные заведения, которые имеют некоторые конкурентные преимущества перед небольшими вузами. Укрупнение вузов получило распространение от Казахстана на востоке до стран Балтии на западе. В Российской Федерации наряду с созданием региональных университетов, в результате объединения нескольких вузов и филиалов, приступили к формированию более крупных учебно-научных комплексов – Федеральных университетов. Располагая значительным потенциалом, такие учебные заведения, по мнению властей, могли стать одними из лидеров не только отечественной, но и мировой системы образования. В 2006 г. были открыты Сибирский в Красноярске (36,5 тыс. студентов в 2012 г.) и Южный в Ростовской области (46 тыс. студентов в 2010 г.) университеты. В связи со значительными инвестициями уже к 2010 г. оба университета по многим показателям входили в число ведущих вузов России, стали яркими «полюсами роста» на российском образовательном пространстве. В последующие годы федеральные университеты были образованы в Казани, Екатеринбурге, Владивостоке, Архангельске, Якутске, Калининграде и Ставрополе. Федеральные университеты рассматривались как «локомотивы» регионального развития. Формирование федеральных университетов – один из основных позитивных результатов российской политики в сфере высшего образования. Вместе с тем, эффект от их возникновения мог бы быть

и большим, если бы на стадии проектирования возобладал более комплексный подход. Судя по результатам, не все поставленные перед федеральными университетами цели, были достигнуты. В 2013 г. в перечень ведущих российских вузов, которым будет оказана поддержка для повышения глобальной конкурентоспособности вошли только Уральский, Дальневосточный и Приволжский (Казанский) федеральный университеты. В 2012 г. в числе 700 ведущих университетов мира по версии QS World University Ranking вошло только три, указанных выше, российских федеральных университета (в 2013 г. список пополнил Южный федеральный университет).

Несмотря на предпринятые меры, средние размеры вузов в 2010 г. были в большинстве постсоветских стран значительно меньше, чем в 1991 г., когда они входили в СССР. Исключение составили Белоруссия, Российская Федерация и Украина (см. табл. 1). В Белоруссии, несмотря на активную политику по созданию региональных университетов, сохранились и крупные специализированные вузы. В Грузии и Туркмении, несмотря на наличии в национальных системах высшего образования таких достаточно крупных вузов как Тбилисский государственный университет (более 30 тыс. студентов) и Туркменский государственный университет им. Магтымгули (около 5 тыс. студентов) в Ашхабаде, средний размер высшего учебного заведения был меньше 800 человек.

Развитие сети вузов в странах Балтии также сопровождалось значительным уменьшением среднего размера вуза. Ведущую роль в системах высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии, как и во времена СССР, играют крупные классические и технические университеты (в Рижском техническом университете – 14,5 тыс. студентов, Тартуском университете – 17,0 тыс. студентов, Таллинском техническом университете – около 14 тыс. студентов, Вильнюсском университете – 22 тыс. студентов, Каунасском технологическом около 16 тыс. студентов, столько же в Вильнюсском техническом университете им. Гядеминаса), то в большинстве открытых в постсоветское время новых вузах было менее 1000 студентов.

На развитие высшего образования определенное влияние оказал экономический кризис, начавшийся в 2008 г. Экономические трудности вызвали сокращение государственного финансирования высшей школы. В европейских постсоветских странах на развитие профессионального образования оказали влияние и негативные демографические процессы. Уменьшение численности молодежи способствовало сокращению численности студентов в России, Украине, Латвии, Молдове.

Таблица 1

Динамика среднего размера высших учебных заведений постсоветских стран с 1991 по 2010 гг.

	Средний размер вуза (тыс. студентов)	
	1991	2010
Российская Федерация	5,3	6,3
Украина	5,6	6,1
Белоруссия	5,6	8,1
Узбекистан	6,5	4,5
Казахстан	4,7	4,2
Грузия	5,4	*0,72*
Азербайджан	6,0	2,7
Литва	6,0	4,2
Молдова	4,7	3,3
Латвия	4,6	1,8
Киргизстан	4,8	4,1
Таджикистан	5,3	4,8
Армения	4,7	1,5
Туркменистан	4,7	0,76
Эстония	4,3	2,2

Рассчитано по: 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2010, Статистический сборник на CD-ROM. – М., 2011, сайтам государственных статистических служб стран Балтии.

Мировой кризис «ударил» по всем сферам общественной жизни. В большинстве стран постсоветского пространства в 2010 г. число студентов было меньше чем в 2005 г. Особенно существенно численность студентов сократилась в Грузии, Латвии. Экономический кризис не только способствовал снижению или «замораживанию» государственных расходов на высшее образование, но и негативно сказался на расходах граждан на образование. Кризис в экономике Белоруссии, достигший апогея в мае 2011 г., привел к снижению покупательной способности населения и спроса на платное образование в российских вузах. В итоге число первокурсников из Белоруссии в высших учебных заведениях Смоленска в 2011 г. сократилось в 3-4 раза по сравнению с предыдущим годом.

Во втором десятилетии продолжился процесс развития опорного каркаса образовательных пространств отдельных стран. Изменения в территориальной организации профессионального образования стран постсоветского пространства носили разнонаправленный характер. Это объяснялось проведением разной региональной политикой. В одних странах продолжилась пространственная централизация высшего образования. В других усилились дисперсные тенденции в развитии профессиональной школы. В одних странах продолжился процесс экстенсивного развития высшего образования: увеличилось число вузов и численность студентов в них. В других начался процесс сокращения численности, как вузов, так и студентов в них. Сокращение числа вузов осуществлялось в первую очередь, путем объединения нескольких учебных заведений. В России и других странах уменьшилось число негосударственных вузов. Например, в Эстонии с 2005 по 2012 гг. закрылось 4 негосударственных университета и 2 негосударственные высшие школы. В 2008 г. прекратил образовательную деятельность и вошел в состав Таллинского технического университета самый крупный эстонский негосударственный вуз – Университет Audentes [7].

Однако, в самих опорных каркасах системы образования изменения были незначительны и касались в основном роли отдельных вузовских центров в национальных системах высшего образования. Так в Казахстане заметно вырос вузовский потенциал новой столицы. С 2003–2004 по 2010–2011 учебный год при общем сокращении числа вузов по стране с 180 до 149, число высших учебных заведений в Астане выросло с 10 до 14. Глубокой реорганизации был подвергнут Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, который среди вузов Казахстана достиг наибольших успехов в повышении международного рейтинга. В 2009 г. в столице был открыт Назарбаев университет, который судя по стратегии и тенденциям развития должен в ближайшие годы войти в число ведущих университетов мира. Поддерживая развитие высшего образования в старой и новой столице, власти Казахстана уделяют внимание и другим крупным центрам высшего образования. В списке ведущих университетов мира Карагандинский и Южно-Казахстанский университеты. Как достижение образовательной политики Казахстана можно расценить лидерство вузов этой страны среди аграрных, лингвистических, педагогических учебных заведений постсоветского пространства согласно рейтингу QS в 2013 г. В вузах Казахстана особое внимание было обращено на интеграцию науки и образования. Для формирования и развития новых «полюсов роста» в образовательном пространстве широко использовался передовой зарубежный опыт организации университетов (Великобритания, США, Сингапур, Турция, Япония и др.).

Во втором постсоветском десятилетии изменения в территориальной организации высшего образования были вызваны и административно-территориальными преобразованиями. В 2009 г. глубокие изменения произошли в административно-территориальном устройстве Литвы, которая перешла на четырехступенчатое деление. Если в советское время высшая школа была развита только в пяти городах страны: в Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Шауляе и Паневежисе, то в 2010 г. во всех десяти уездах государства присутствовала подготовка кадров высшей квалификации. Среди новых центров относительно небольшие по численности населения центры уездов: Таураге, Тельшяй, Утена, Мариямполе, Алитус [6].

Среди стран наибольшие изменения в опорном каркасе образовательного пространства во втором постсоветском десятилетии произошли в Таджикистане. В этой самой бедной стране СНГ наиболее остро стоит вопрос связности и территориальной доступности. Для преодоления социального

отставания отдельных периферийных районов было принято решение открытия в них новых высших учебных заведений. В результате вузовские функции обрели относительно небольшие поселения Рашт (бывший Гарм), Чкаловск, Пенджикент. В мае 2013 г. Правительство Таджикистана приняло постановление об открытии университета на малой родине Президента Таджикистана Эмомали Рахмона – поселке городского типа Дангара Хатлонской области.

В конце второго постсоветского десятилетия в ряде стран (Россия, Украина, Казахстан, Латвия, Литва, Эстония и др.) была поставлена задача повышения конкурентоспособности национальных систем высшего образования и отдельных вузов. Стали разрабатываться меры и программы повышения глобальной конкурентоспособности и привлекательности вузов для зарубежных студентов. В большинстве стран постсоветского пространства с целью развития «полюсов роста» в национальном и международном образовательном пространстве была проведена стратификация вузов. В России были созданы федеральные университеты, национальные исследовательские университеты. Особый статус в российской системе высшего образования имеют Московский и Санкт-Петербургский государственный университеты. В 2013 г. в России на конкурсной основе были выявлены 15 вузов, перед которыми была поставлена задача войти к 2020 г. в число ста ведущих университетов мира. Для поддержки университетов-лидеров выделяются субсидии на сумму 9 млрд рублей.

Повышение глобальной конкурентоспособности, как правило, сводилось с необходимостью повышения места вузов в основных международных рейтингах. В числе ведущих вузов мира в 2012 г. было более 30 университетов России (13), Казахстана (8), Литвы (3), Украины (3), Азербайджана (2), Эстонии (1), Белоруссии (1) [9].

Год спустя в 2013 г. среди ведущих высших учебных заведений мира значительно выросло число университетов стран постсоветского пространства. В рейтинге университетов, составленном Международным рейтинговым агентством QS (Quacquarelli Symonds) в числе ведущих вузов мира было уже 42 университета постсоветского образовательного пространства, представляющих 8 стран, в том числе: 18 российских, 9 казахстанских, по 4 украинских и литовских, 3 азербайджанских, по 2 белорусских и эстонских, один латвийский. За год, наряду с расширением присутствия в списке, произошло и повышение рейтинга большинства представленных в нём вузов. Особенно повысился рейтинг казахстанских национальных университетов Аль-Фараби и Евразийского им. Л.Н. Гумилёва, которые переместились вверх сразу на 91 и 66 ступеней соответственно. При этом они обошли такие известные вузы как Московский государственный технический университет им. Н. Баумана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, МГИМО, уступая среди вузов постсоветского пространства только Московскому и Санкт Петербургскому университетам. Всего в 2013 г. в списке ведущих вузовских центров мира было представлено 24 города постсоветского пространства [10].

Вместе с тем, повышения глобальной конкурентоспособности высших учебных заведения недостаточно для насыщения высококвалифицированными кадрами различных сфер национальных экономик. Национальные и региональные интересы требуют повышения роли регионов в подготовке кадров. Значительные неравенства в качестве жизни в центре и на периферии создают объективные трудности для подготовки высококвалифицированных кадров для периферии в учебных заведениях центра.

Таким образом, с 1991 по 2011 г. в системе профессионального образования постсоветских стран произошли глубокие институциональные изменения, наряду с государственными возникли муниципальные и негосударственные, включая частные, учебные заведения. Изменения отраслевой структуры хозяйства способствовали трансформации отраслевой структуры образования. На смену отраслевой организации высшей школы, при которой ведущую роль играли специализированные вузы, пришла «региональная», при которой главную роль стали играть региональные и столичные университеты. Отдельные вузы, сохранив отраслевую принадлежность и «отраслевое» название, превратились в универсальные многопрофильные учебные заведения, осуществляющие подготовку кадров, как в своё время заметил классик отечественной географии Н.Н. Баранский «от геологии до идеологии».

Регионализация высшей школы, интеграция высшего образования с наукой может способствовать возникновению новых локальных научных сообществ.

Трансформация некогда единого образовательного пространства привела к появлению нескольких относительно автономных национальных образовательных систем. В отличие от конца 1980-х гг., несмотря на определенные позитивные достижения в 2010–2013 гг., положение постсоветских стран в мировом образовательном пространстве стало более периферийным.

Экстенсивное развитие профессионального образования сопровождалось снижением качества знаний, породило проблему «дипломированного невежества». В настоящее время в большинстве европейских постсоветских стран программами высшего образования охвачено более 80% выпускников общеобразовательных школ.

В территориальной структуре высшего образования изменения были связаны с массовой филиализацией, сдвигами в территориальной организации хозяйства, преобразованиями административно-территориального устройства. Практически повсеместно в национальных системах образования выросло значение столиц. Несмотря на значительное увеличение числа высших учебных заведений, не произошло глубоких изменений в опорном каркасе системы высшего образования. Абсолютное большинство новых вузов открывалось в уже сложившихся центрах высшей школы. Преобразования в системе образования проявились не столько на «анатомии», сколько на «физиологии» образовательного пространства [4].

Распад СССР вызвал значительные изменения в направлениях внешних учебных миграций. Дезинтеграция в сфере образования, разрушение сложившихся учебных связей способствовали диверсификации национальных систем высшего образования. Часть постсоветских стран в качестве основного направления развития выбрали курс на вхождение в единое европейское образовательное пространство, другие так и не приняли до настоящего времени решения относительно пути развития своего высшего образования.

Библиографический список

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2010, Статистический сборник на CD-ROM. – М., 2011.
2. Зернов В. Отечественная школа: грани¸ вехи, структуры / Негосударственные вузы в России: тенденции и перспективы. http://www.vestnikrf.ru/journal/post/576.
3. Катровский А.П. Территориальная организация высшей школы России: Монография.- Смоленск: Ойкумена, 2003. – 200 с.
4. Постсоветское пространство: двадцать лет перемен / Под ред. В.Л. Бабурина. Монография.– Смоленск: Универсум, 2013. – 300 с.
5. Development plan for the Estonian vocational education and training system 2009–2013. Tartu, 2009.
6. Lithuanian higher education system: state of the art. – Vilnius, 2009.
7. http://estonia.eu/about-estonia/society/estonian-educational-landscape.html.
8. http://www.olam.uz/poll/55.
9. http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2012.
10. http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2013.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (Москва)

РОССИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ СТОЛИЦАМИ: СПЕЦИФИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СДВИГОВ

Nefedova T.G., Treyvish A.I.

RUSSIA BETWEEN ITS TWO CAPITALS: THE SPECIFICS OF TERRITORIAL SHIFTS

Аннотация. *В статье рассмотрены меняющиеся пропорции и отношения двух столиц России, специфика находящегося между ними ареала (названного авторами межстоличьем), его современное состояние, социально-демографические проблемы и сдвиги за последние столетия.*

Abstract. *The article examines changing proportions and relationships of the two Russia's capitals, the specifics of an area located between them (called intercapital by the authors), its present condition, demographic and social problems, and shifts taking place during the last centuries.*

Ключевые слова*: Москва, Санкт-Петербург, межстоличье, сжатие пространства, очаг роста, дачники.*
Key words*: Moscow,Saint Petersburg, intercapital area, compression of space, hearth of growth, dachniks.*

Статья содержит первые итоги исследований по проекту Русского географического общества «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя» (после А.Н. Радищева)[1]. Напомним, что книга Радищева вышла в 1790 г., через 15 лет после казни Пугачева и на втором году Великой французской революции. Резкой критикой имперской бюрократии, сочувствием угнетенному народу и предупреждением о неминуемом бунте в отсутствие перемен автор навлек на себя гнев Екатерины II и был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Книга получила второе дыхание в советское время как смелое осуждение крепостнической России. Географический интерес к ней связан скорее с названием, чем с содержанием. Хотя главы привязаны к почтовым станциям, это вовсе не описание пути как такового. Радищев вел читателя из Петербурга не столько в Москву, сколько вообще в Россию. Сама местность его почти не занимала, он видел на ней социальные беды всей страны.

Мы же, как профессиональные географы, свое путешествие в 2013 г. считали экспедицией[2], поскольку ставили конкретные задачи наблюдения межстоличной жизни и ландшафтов, понимания местных проблем «снизу» и «сверху» в беседах с обывателями, предпринимателями, чиновниками, сбора недоступных в столицах данных. Обследование территории велось по двум векторам: историческому – от состояния при Радищеве и ранее до наших дней, и географическому – от точки (бывшего яма – почтовой станции и главы в книге Радищева) к поселению, району, области, пересекаемым автомобильной и железной дорогой между Москвой и Санкт-Петербургом.

Две столицы: конкуренция и монополия. Сравнение столиц – популярная литературная тема, открытая в середине 1830-х гг. Пушкиным и Гоголем. Им вторили Белинский, Герцен, Достоевский, М. Дмитриев, А. Белый, Ю. Тынянов, В. Шкловский и т.д. Классики часто шутили. Петербург у них – блестящий столичный тип, деловой педант, совершенный немец и мужчина (все женихи). Москва – ни на кого не похожая, то

[1] Автор идеи С.С. Артоболевский, руководитель проекта В.М. Разумовский.
[2] В составе Т. Нефедовой, К. Аверкиевой, А. Агирречу, Т. Бородиной, Ю. Веденина, О. Вендиной, А. Еремеева, А. Королева, А. Махровой, А. Неретина, В. Плужникова, С. Пчелкина, А. Трейвиша, А. Эпштейна. По материалам экспедиции готовится монография.

сонная, то по-русски, по-барски широкая и веселая, там все невесты. Пушкин любит Москву, но ему ближе Петербург, а Гоголю – Москва: он считал, что она нужна России, а Петербургу нужна Россия. Упадок Москвы Пушкин объяснял бедой 1812 года и возвышением Петербурга, оправдывая это тем, что две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом.

Обратимся к рядам данных о населении столиц (рис. 1). Они неплохо отражают их развитие, хотя скачки могло вызывать и расширение их черты. Постройка Петербурга тормозила рост Москвы (и других городов) полвека; когда же новая столица обогнала старую по размерам, они стали расти обе. К XIX в. Москва «разогналась», но тут грянул 1812 г. Бонапарт, кстати, говорил, что идти на Петербург – как целиться в голову России, на юг (Украину) – как схватить ее за ноги, а взяв Москву, он поразит ее в сердце. Подъем города из руин и пепла потребовал 15–20 лет и больших усилий.

К середине XIX в. он опять сократил отрыв, чему помог промышленный переворот 1830–40-х гг. с его машинами, особенно текстильными. По их внедрению лидировал Центральный район. Первые фабрики, как до них промыслы, кучно селились вокруг Москвы. Не в первый и не в последний раз ее поддержали плотное окружение, ремесленный навык, купеческой капитал. Для Петербурга отрасль-пионер этой волны индустриализации не так характерна. Его развитие на базе более сложных производств и железных дорог ускорилось с середины XIX в. В итоге же к XX в. страна получила два миллионных центра (третий в рамках РФ появился через 60 лет).

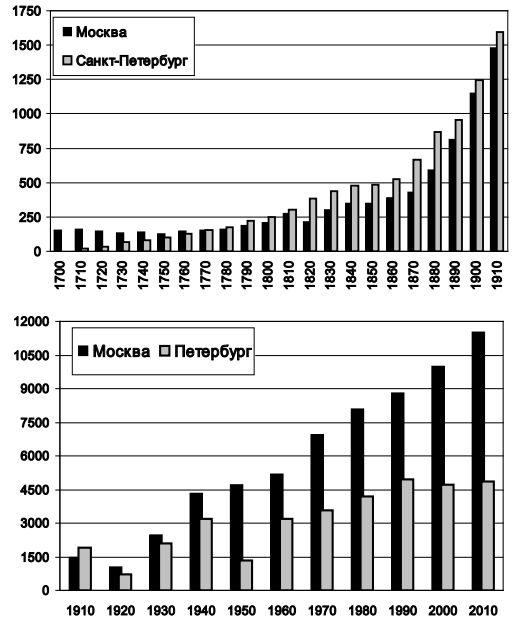


Рис. 1. Численность населения Москвы и Петербурга в 1700-1910 и в 1910-2010 гг., тыс. чел. (в границах городов на соответствующие даты)

Все два с лишним века Петербургского периода русской истории «двустоличность» – вопреки имперскому централизму – была важным свойством страны. С ней считались, она вошла в деловой, культурный и политический обиход (государей венчали в Москве, как прежде великих князей – во Владимире). Сельские отходники наполняли оба центра, часто в них оседая, хотя сословные порядки этому не потакали. Тогдашняя элита, как нынешние «питмосы», могла жить и на два столичных дома, меняя их по вкусу и нужде. Паритет столиц был России не в тягость, а шел ей на пользу. Они дополняли друг друга как Инь и Ян. Европейскость и окраинность инновационного, переимчивого Петербурга уравновешивала традиционная русскость и срединность Москвы, главного узла дорог на Русской равнине. Состязание (ведь если конкуренцию не доводить до острого конфликта, она лучше монополии) и сотрудничество двух непохожих столиц – светлая черта этого периода.

Правительство Ленина, объявив столицей Советской республики Петроград, уже в марте 1918 г. уехало в Москву. Мотивы просты и суровы: близость гнезд контрреволюции и удаленность от житниц – уязвимая позиция Питера с момента рождения, чреватая для него жестоким голодом при разладе системы разделения труда в стране. Уже в 1920 г. население Москвы «обогнало» питерское, точнее упало с довоенной поры вдвое, а не втрое, как в колыбели революции, где люди чаще гибли, эмигрировали. Основные потери обеим столицам принес, так сказать, обратный отход – бегство жителей в деревню ради выживания. При нэпе Москва возрождалась быстрее, а за годы первых пятилеток обошла Ленинград на миллион жителей. Ее реванш связан и с ростом индустрии, перестроенной из «ситцевой» в авто- и станкостроительную, электротехническую, и с тем, что из города делали витрину СССР. В обеих столицах ввели жесткий режим прописки, но при этом в Москву из Ленинграда перевели

академию наук, отдельных ученых, инженеров, артистов. По обеим столицам прошелся каток репрессий, нанеся особый урон старой – с ее большей долей «враждебных элементов» и меньшим притоком элит. Их и простых ленинградцев добивали почти 900 дней блокады. Ее снятие в январе 1944 гг. застало в городе 560 тысяч жителей – в 6 раз меньше, чем до войны. Свою прежнюю людность он восстанавливал четверть века, до середины 1960-х гг. А Москва в новых рубежах по МКАД, с площадью разом выросшей в 2,5 раза и населением – на 1/5 (на целый миллион, так как успели набрать вес пригороды), стала недосягаемой. Ее рост всячески ограничивали, но ощутимо замедлить не могли.

Постсоветские сдвиги не привели к смене столицы. Санкт-Петербургу вернули его старое имя, но не звание. Говоря о соотношении характеров двух гигантов и их жителей, следует признать, что к Москве вместе со статусом перешла часть тех свойств, которые в XIX в. считались петербуржскими. Она стала более деловой, суетной, формальной. Экономическое лицо Петербурга, как некогда Москвы, рядом с ней выглядит более индустриальным. Вместе с тем его называют то культурной, то криминальной столицей, причем порой эти несовместимые качества совмещаются: так, вся страна не первый год смотрит снимаемые там детективные сериалы. Город «застрял» вблизи 5-миллионной отметки, несмотря на то, что вобрал многие пригороды, включая самый крупный из них, Колпино. Его территория на время превысила московскую, охватив более весомую часть своей агломерации, чем Москва – своей. Эта агломерация обнимает почти все города Московской области, местами выходя за ее рамки, а Петербургская – 13–15% площади более обширной Ленинградской области. Агломерации выделяют по-разному, но очевидно, что первая возвышается над второй заметнее (до трех раз по населению), чем сама первопрестольная – над Петербургом.

Москва усиливает свои позиции, снова (как 400 лет назад) – почти монопольные, благодаря концентрации финансовых учреждений России (до 50%, тогда как в Петербурге – 3–4%) и капитала. Ее регион опередил соперника даже в роли окна в мир. Статистика приписывает ему 37% экспорта и 48% импорта страны, оформляемых его таможнями, хотя исходные и конечные пункты потоков отсюда часто далеки, а здешние дороги – и так сплошной «автопоезд», вечно забитый тысячами большегрузных фур. Регион привлекает более 60% всех иностранных инвестиций. По оценкам, в 2000-х гг. через Московский транспортный узел проходило до 2/5 всех грузоперевозок России и до 4/5 пассажирских, связавших ее с внешним миром. Москва удалена от морей, зато пассажирооборот трех ее аэропортов в 5–6 раз больше, чем у Пулково.

Межстоличье: форма и демографическая ситуация. Территория, которую мы называем *межстоличьем*, расположена, как следует из ее названия, между Москвой и Петербургом и «нанизана» на соединяющий их транспортный коридор. Но считать ее просто придорожной полосой нельзя. Дорог несколько, у каждой – своя трасса, хотя начало, конец и часть промежуточных пунктов совпадают. Будь это даже одна линия, зона ее влияния и тяготения к ней все равно выглядела бы не ровной полосой, а чем-то вроде суженного по краям лепестка. Ведь в главные центры сходятся пути разных направлений. Вблизи центров им (как и сетям поселений, предприятий, низовых районов) тесно, и там зоны их обслуживания сомкнуты, а в середине пути расширяются. Так мегаполисы образуют своего рода ромашки, лепестки которых срастаются со встречными, протянутыми от соседних гигантов (рис. 2). Те селения и прочие объекты, которые попадают в пригородах на стыки лепестков, а вдалеке – в зазоры между ними, трудно отнести без колебаний к одному магистральному направлению.

В нашем конкретном межстоличье «спорны» многие города, начиная с Пушкина и Павловска, пригородов Петербурга, входящих в его состав, но расположенных в развилке железных дорог и между автотрассами М-10 на Москву и М-20, идущей через Псков в Белоруссию. В Новгородской области это Старая Русса и Боровичи, в Тверской – Удомля, Осташков, Старица, Конаково. С другой стороны, влияние столиц в России таково, что можно считать межстоличьем и гораздо больший ареал, захватывающий части восьми областей, включая Вологодскую, Ярославскую, Псковскую, Смоленскую. Разные и взаимозаменяемые варианты коммуникаций тоже расширяют пределы межстоличья. Так, Петр I в 1711 г. указал слать подводы в строя-

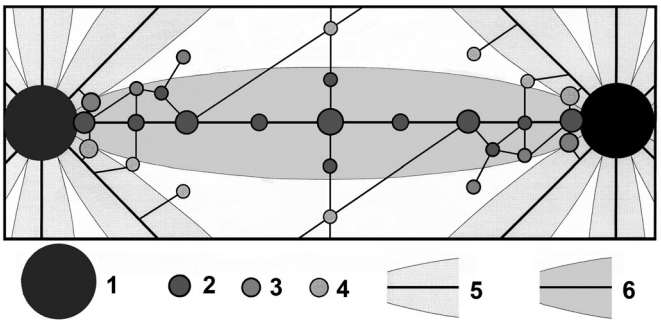


Рис. 2. Межстоличье как зона тяготения к магистрали. Условная схема

1 – Столицы. Центры межстоличья: 2 – бесспорные, 3 – вероятные, 4 – менее вероятные.
5 – Зоны-лепестки тяготения к магистралям. 6 – Зона примагистрального межстоличья

щийся Петербург не по разбитой ими прямой дороге, а через Волоколамск, Ржев и Старую Руссу. Водный путь от Вышнего Волочка издавна вел к Новгороду по р. Мсте через Боровичи, где суда волокли в обход порогов даже при наличии Вышневолоцкой системы. Мариинская система, более надежная, но кружная, «тянула» межстоличье далеко к северу. Теперь там проходит популярный у туристов теплоходный маршрут.

В этих условиях *понятие межстоличья становится многомасштабным*, выделять его приходится то в узких, то в более широких пределах. Тем не менее, оно сохраняет свои главные характерные черты в любых выбранных рамках.

Положение между крупными центрами одной страны служит признаком того, что в науке часто именуют *внутренней периферией* [Каганский, 2001, Нефедова, 2008, 2013, Родоман, 2012], а в обыденной русской речи – *глубинкой*. Ее общие свойства (сельский и полусельский ландшафт, образ жизни, тип хозяйства, нередко консерватизм и застой, но зато покой, размеренность, неприхотливость и выносливость) ярче всего проявляются при отсутствии значительных местных центров и удалении от региональных. Они присущи межстоличью в любом понимании. Однако оно включает участки столичных пригородов, которые глубинкой не назовешь. Так что в целом это область *резких контрастов между центрами и периферией*.

Скоростной транспорт, по развитию которого межстоличье выделяется на фоне страны, возмещает удаленность от центров скорее в теории. Он не очень-то доступен для здешних жителей с учетом наличных остановок, подъезда к ним по местным дорогам и, особенно, доходов населения при его возрастном составе, упадке и гибели предприятий-кормильцев сел, поселков, городков. Более того, введение скоростного сообщения между столицами часто ухудшает местное транспортное обслуживание из-за отмены маршрутов, сокращения частоты и скорости движения. Это подчеркивает принадлежность срединных местностей межстоличья к периферийно-глубинному типу и усиливает социальное расслоение его пространства. Недаром здесь возник и растет своего рода провал, очаг депопуляции, депрессии и демо-экономического опустынивания (рис. 3–6).

Межстоличье дает пищу для обеих трактовок вторичного сжатия пространства [Трейвиш, 2010]. Во-первых, коммуникационного, сближающего главные центры за счет облегчения пути между ними, но не малые поселения, для жителей которых пространство может и растягиваться. Во-вторых, локационного, вызванного забрасыванием земель и населенных пунктов, убылью постоянных жителей. В результате их «выкачивания» Москвой, Петербургом и региональными центрами демографическая ситуация между столицами оказалась самой катастрофической в стране. На северо-западе Европейской России смертность выше всего (рис. 6) при обычной низкой рождаемости, что ведет к ускоренной естественной убыли населения.

Вместе с миграционной убылью она создала между столицами зону сильнейшей депопуляции и повышенной демографической нагрузки на оставшееся трудоспособное население. В здешней сельской местности более половины домохозяйств состоит из

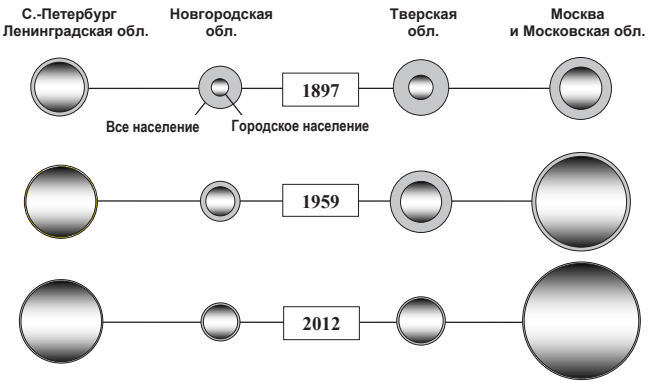


Рис. 3. Абсолютное и относительное демографическое «похудение» регионов между столицами особенно за счет сельского населения

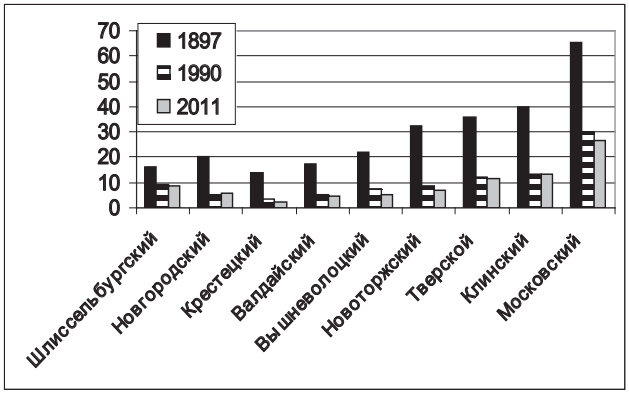


Рис. 4. Плотность сельского населения в 1897, 1990 и 2011 гг. по дореволюционным уездам, чел./км²

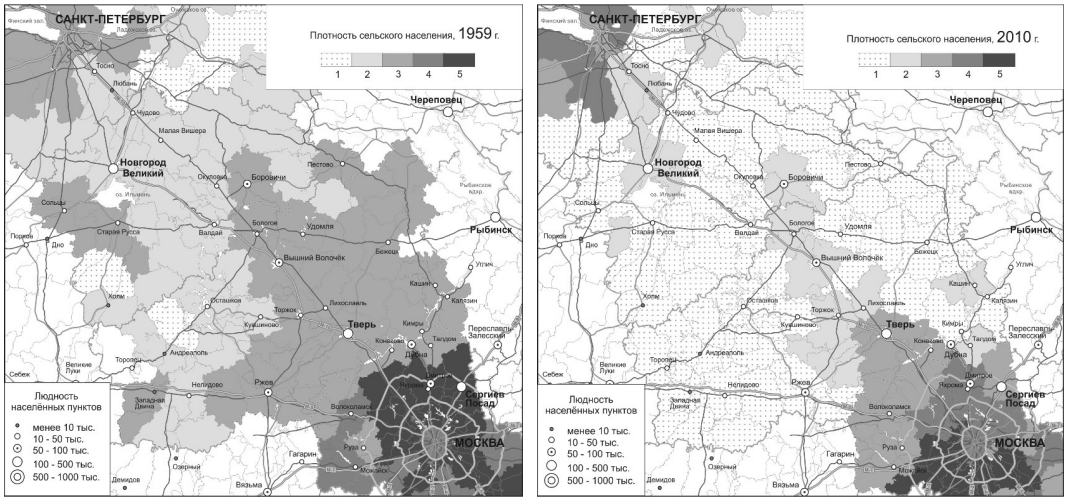


Рис. 5. Плотность сельского населения в административных районах, пересекаемых автомобильной и железной дорогами в 1959 и 2010 гг. по материалам переписей населения[3]

одного-двух человек, чаще всего пенсионеров. Продолжительность жизни в межстоличье, испытав в 1990-х и 2000-х гг. те же колебания, что и в целом по стране, остается ниже среднероссийской на несколько лет как у мужчин, так и у женщин.

[3] При составлении карты на 1959 г. использовались материалы Д.Н. Лухманова. Авторы благодарны К.В. Аверкиевой за помощь при составлении этих карт.

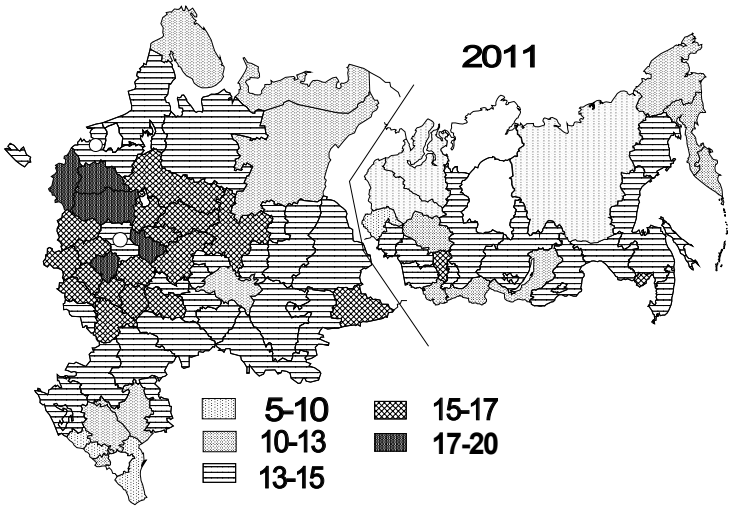


Рис. 6. Коэффициент смертности на 1000 человек, 2011 г.
Источник: Регионы России, 2012

В общем, процессы старения и деградации трудовых ресурсов в полосе между столицами зашли дальше, чем в других частях России. А вот в Московской и Ленинградской областях сложился иной тип демографической динамики: тоже с низкой рождаемостью, но зато с пониженной смертностью (табл. 1). За пределами столичных агломераций население, как правило, продолжает убывать и в XXI в., хотя меньшими темпами, чем в позднесоветское время. Увеличить численность сельского населения смогли лишь некоторые из межстоличных пригородов, например, Новгородский.

Ландшафтно-экономическая специфика межстоличья. Все межстоличье относится к той зоне европейской России, которую с советских времен зовут *Нечерноземной*. Вначале имевший узкий «почвенно-аграрный» смысл, этот термин позже получил более широкое звучание. С ним сопряжен комплекс социально- экономических проблем обширного пространства старого земледельческого освоения в лесной зоне, откуда традиционное хозяйство вместе с самим населением давно отступает. Запустение очевиднее там, где с «нечерноземностью» сочетается глубинность. Среди лесов и болот между столи-

Таблица 1

Некоторые демографические характеристики межстоличных регионов в 1990–2011 гг.

Характеристики	Год	РФ в целом	Ленинградская	Новгородская	Псковская	Тверская	Московская
Рождаемость на 1000 чел.	1990	13,4	11,0	12,3	11,9	11,5	10,2
	2000	8,7	6,7	7,5	7,4	7,5	7,2
	2011	12,6	8,6	11,3	10,5	11,0	11,0
Смертность на 1000 чел.	1990	11,2	12,5	14,1	15,1	14,9	12,2
	2000	15,3	18,8	20,1	22,3	21,6	10
	2011	13,5	14,7	18,4	19,4	18,7	14,1
Естественный прирост на 1000 ч.	1990	+2,2	-1,5	-1,8	-3,2	-3,4	-2,0
	2011	-0,9	-6,1	-7,1	-8,9	-7,7	-3,1
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин, лет	2000 2011	59 64	57 64	56 60	55 60	56 61	59 65
Ожидаемая продолжительность жизни женщин, лет	2000 2011	72 76	71 76	71 74	69 73	70 74	72 76
Лиц старших возрастов на 1000 трудоспособных, чел	2011	372	412	456	462	461	387

Источник: Регионы России, 2012.

цами нет широких ополий с их сравнительно плодородными почвами, примиряющими земледельца с изъянами Нечерноземья (полоса, где полесья часто чередуются с опольями, пересекает Русскую равнину южнее). Зато много воды и водоемов, расчленен и живописен рельеф: любая из трасс Москва – Петербург пересекает возвышенности, низменные равнины, большие речные долины.

Особая роль принадлежит расположенной на полпути Валдайской возвышенности – части главного европейского водораздела, откуда реки текут в Балтийское, Черное и Каспийское моря. Подъем до абсолютных высот 250–350 м с московской стороны плавен, но резок уступ к Приильменской низменности, лежащей на 150–200 м ниже. Валдай, хотя он и не горный хребет, влияет на климат, более континентальный к востоку и югу от него, чем к западу. Этот озерно-лесной край – ближайший к Москве массив ландшафтов такого типа, что повышает его рекреационную ценность.

Типичные для Нечерноземья тенденции между Петербургом и Москвой усилены природой и самими столицами, мощной поляризацией социальных ландшафтов, оттоком и военными потерями населения. Размер селений, живших хлебопашеством, здесь всегда был мал и повышался лишь в случае развития торговли, транспортного обслуживания, различных промыслов. Зато доля таких случаев выше, чем в основной земледельческой полосе России. Эти пункты при повсеместном разрежении поселенческой сети чаще всего доживали до наших дней, тогда как тысячи более мелких давно исчезли или исчезают.

Строительство железной дороги привело к появлению на ней станций и поселков при них, развитию ряда новых отраслей производства и обслуживания. Однако и в узких, и в широких местах между трассами новообразований было мало (рис. 7, табл. 2). Число официальных городов сто с лишним лет после издания Радищевым его книги увеличилось с 8 до 9 (близ Петербурга Царское Село и Павловск заменили уездную, но крошечную Софию). Колпино, Малая Вишера, Бологое (все – в западной половине межстоличья) не уступали некоторым городам по размеру, но таковыми не считались; тогдашняя политика в этом отношении была очень консервативна.

Это не мешало расти населению, которое увеличилось за XIX век в 5 раз, все-таки отставая от темпов его роста в самих столицах. Урбанизация XX века умножила число городов на обеих магистралях до 19, а с близлежащими – до 28. Прибавилось количество городских и значительных сельских пунктов (как правило, с 1 тыс. чел. и больше), вновь многократно выросло число их жителей. Но пик этого роста отмечен в позднесоветский период, а в постсоветский – рост в основном сохранился в пригородах столиц. В 2012 г. из 1,7 млн. чел. жителей притрассовых городов почти 0,9 млн. (более половины) приходилось на центры Ленинградской и Московской областей, 0,6 млн. – на Тверь и Новгород. И все они, даже вместе с жителями отдаленных от дорог значительных пунктов, сомнительных с точки зрения их принадлежности к межстоличью, составляют менее 13% взятого вместе населения двух столиц, тогда как в 1980-х гг. эта цифра приближалась к 16%.

В середине межстоличья, на Валдае, вместо одного большого имеется несколько средних и малых центров, в том чис-

Таблица 2

Население столиц и основных поселений межстоличья на избранные даты

Группы населенных мест		1790	1897	1959	1989	2012
Две столицы	Тыс. чел.	420	2304	7986	13427	16566
Официальные города при трассах	Тыс. чел.	32	150	733	1648	1697
	% к столицам	7,7	6,5	9,2	12,3	10,2
Города и др. значительные пункты при трассах	Тыс. чел.	40	210	922	1858	1908
	% к столицам	9,6	9,1	11,5	13,8	11,5
То же плюс города и пункты в стороне от трасс (по схеме)	Тыс. чел.	58	256	1068	2093	2114
	% к столицам	13,9	11,1	13,4	15,6	12,8
«Рассеянный город» на Валдае	Тыс. чел.	14	42	150	268	223
	% к столицам	3,3	1,8	1,9	2,0	1,3

Источники: данные ревизий, переписей и текущего учета населения, картографические и другие материалы, реконструкции и оценки авторов.

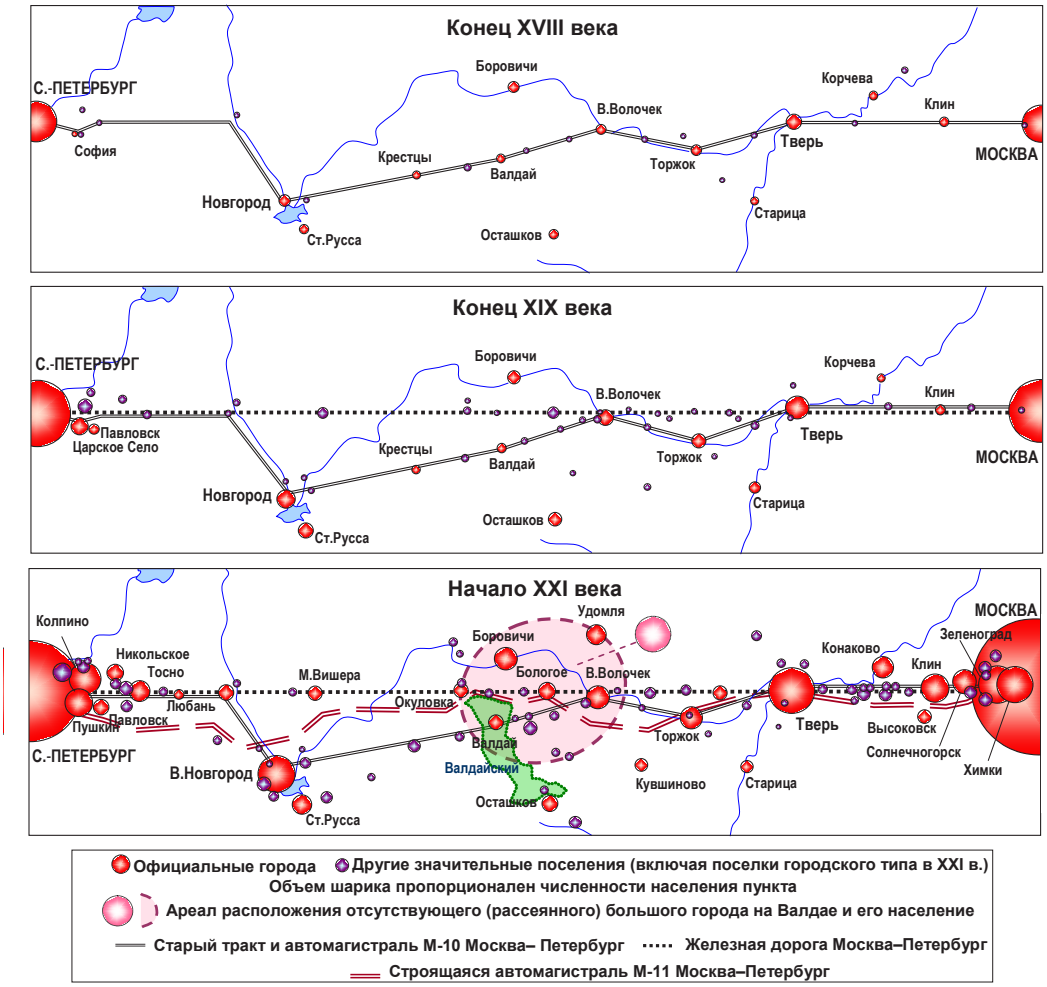


Рис. 7. Основные населенные места в межстоличье от Радищева до наших дней

ле 6 (с Осташковом – 7) городов, отстоящих друг от друга в среднем на 40-50 км (рис. 7). Транспортные, производственные, рекреационные, селитебные и другие функции так и не сложившегося срединного центра они делят между собой. При этом Боровичи – второй по размерам город в Новгородской области, а Вышний Волочек – третий в Тверской. Овал, отмечающий условное место этого ***рассеянного города*** (по аналогии с рассеянными центральными местами [Шупер, Эм, 2012]), занимает примерно 8,5 тыс. км². В городах и поселках живут там 223 тыс. чел., в том числе 188 тыс. в городах, что сравнимо с Великим Новгородом. Однако это население нестабильно. Его уже меньше, чем было в 1989 г. (268 тыс. чел., 233 тыс. в городах). И это всего лишь 1,3% населения двух столиц, причем цифра постоянно уменьшается.

То, что на водоразделе между Москвой и Петербургом – водоразделе в широком смысле (гидрологическом, транспортом, демографическом и т.д.) – нет большого центра, не так уж и плохо. Зато получается «экологичнее», чем даже на схеме поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана [Родоман, 2002 и др.]. Там заповедники приурочены к самым дальним от городских центров и магистралей углам. В нашем межстоличье через национальный парк Валдайский идет главная автодорога М-10 (но не железная и не новая трасса М-11). Впрочем, интересы природоохранной, рекреационной и производственной деятельности здесь сталкиваются то и дело.

В индустриальном отношении межстоличье никогда не было единым, распадаясь на два образования: Центральное и Петербургское. Правда, со второй половины XIX в.

вдоль главных дорог под влиянием растущего спроса плодились стекольные и фарфорофаянсовые заводы, предприятия по ремонту и производству транспортных средств, по переработке древесины, а также торфоразработки, опиравшиеся на повсеместные здесь ресурсы. Сегодня налицо упадок этих старых отраслей, включая текстильную в Тверской области. Стекольная промышленность осталась лишь на окраинах Московской области и в отдельных прижелезнодорожных поселениях (Лихославле, Спирово). При прежде крупных стекольных и фарфоровых предприятиях сохранились уникальные ведомственные музеи посуды и художественных изделий, но их судьба при новых владельцах туманна.

Остовы старых фабрик и «рабочих казарм» производят тяжелое впечатление. Часть из них продана, сдана в аренду строительным и прочим организациям, разрушается или перестраивается под новые нужды (как части текстильного Морозовского городка в Твери), но столь неспешно, что они надолго сохраняют вид и роль полюсов социального «дна», местных гарлемов и бронксов. На общем фоне упадка старых предприятий есть исключения вроде хлопчато-бумажного комбината в Вышнем Волочке, сумевшего после «очаговой» модернизации производства занять прочное место на рынке махровых полотенец.

Впрочем, не слабее и не легче впечатление от руин иного характера, которыми куда как богато все межстоличье. Например, от останков грандиозного комплекса аракчеевского военного поселения в Селищах на р. Волхов (Чудовский район Новгородской обл.), где, между прочим, служил гусар М.Ю. Лермонтов. Этот русский колизей поражает и былой мощью, и архитектурой, и уровнем нынешней разрухи.

Советское промышленное наследие отчасти сохранилось, но предприятия сильно сократили число занятых, вызвав резкий подъем реальной безработицы населения, не фиксируемой статистикой. Отсутствие рабочих мест и пониженные по сравнению со столицами и их пригородами зарплаты (рис. 8) формируют в глубинке огромную массу «новых отходников», работающих в недельном и месячном ритме в столицах или вокруг них.

Есть признаки новой промышленной активности, обычно связанной с приходом иностранных инвесторов или капиталов из столиц. Особенно много новых предприятий (пищевых, выпускающих строительные материалы, бытовую химию и т.п.) в Подмосковье, где к ним добавляются многочисленные логистические и торговые центры, быстро разрастающиеся кварталы многоэтажной застройки и коттеджных поселков. В Тосненском районе Ленинградской области, через который трасса подходит к Петербургу, картина примерно такая же и резко отличается от новгородской. С окраины г. Тосно в сторону северной столицы тянется многоэтажная застройка, формируется кластер новых промышленных предприятий машиностроительного и химического профиля. Появляются новые предприятия и в глубинке. Пионером было финское предприятие по производству шпона и фанеры в Чудово, за ним пошли австрийские и немецкие лесопильные заводы в

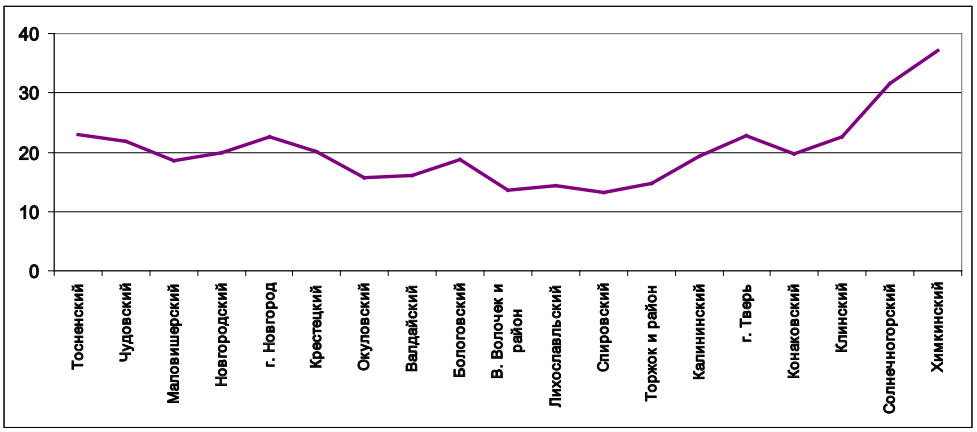


Рис. 8. Средняя зарплата в районах и городах вдоль полимагистрали Санкт-Петербург–Москва в 2011 г., тыс. руб. в месяц

Маловишерском, Новгородском, Крестецком районах, отдельные новые пищевые и даже кондитерские предприятия. Все это говорит о появлении отдельных очагов обновления промышленности, использующей преимущества положения между столицами.

Однако никакой урбанизированной супер-структуры типа мегалополиса между двумя российскими столицами нет и в обозримом будущем быть не может. Не заметно сближения, тем более смыкания пригородов Санкт-Петербурга и Новгорода. Если они и тянутся друг к другу, то не по прямой линии (хотя там давно прошла железная дорога Павловск – Юрьево), а через Чудово. И явно не дотягиваются, так как это более 180 км между центрами городов. Зато практически нет прогалов между Московской и Тверской агломерациями, там чередой сменяют друг друга поселки и села, часть из которых растет и строится. С недавних пор у рубежа двух областей с Тверской стороны реализуется масштабный градостроительный проект Большое Завидово, вся территория к востоку и северу от автодороги М-10 до южного берега Иваньковского водохранилища быстро заполняется разнотипной застройкой, создается рекреационная и планируется промышленная зона. Это яркий пример срастания смежных агломераций в рамках Центрального мегалополиса России [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012].

Население районов и не входящих в них городов на межстоличном профиле (без самих столиц) предстает в виде холмистой «равнины» с «вершинами» Твери и Новгорода, двумя краевыми «поднятиями» – пригородами Москвы и Петербурга – и небольшими в середине (рис. 9). Плотность сельского населения в целом повышается к Москве после Валдая. Сельское расселение здесь подчинено градиентам север-юг и пригород-периферия [Нефедова, 2013], но последний выражен гораздо ярче.

Пригородно-периферийные различия еще виднее по вводу жилья (рис. 10). Кроме недосягаемого Подмосковья, тут выделяются пригороды Петербурга, Новгорода, Твери и Валдая, окрестности которого давно стали популярной дачной зоной для столиц.

Роль дачников в межстоличье особенно велика. Прототипом дач были дворянские усадьбы, многие и называли их дачами. После 1785 г. получив от Екатерины II освобождение от обязательной службы, дворяне разъезжались по своим имениям. Между столицами таких имений было множество. Особенно популярны такого рода дачи стали после постройки железной дороги. Они чаще располагались недалеко от столиц, например, в Любани или в Саблино, под Петербургом. В некоторых имениях с целью получения доходов специально выделялись и продавались участки под дачи. Дачи москвичей в XIX в. начинались еще на территории современной Москвы, например, в Петровском-Разумовском или в Останкино, где снимали комнаты на лето постоянные

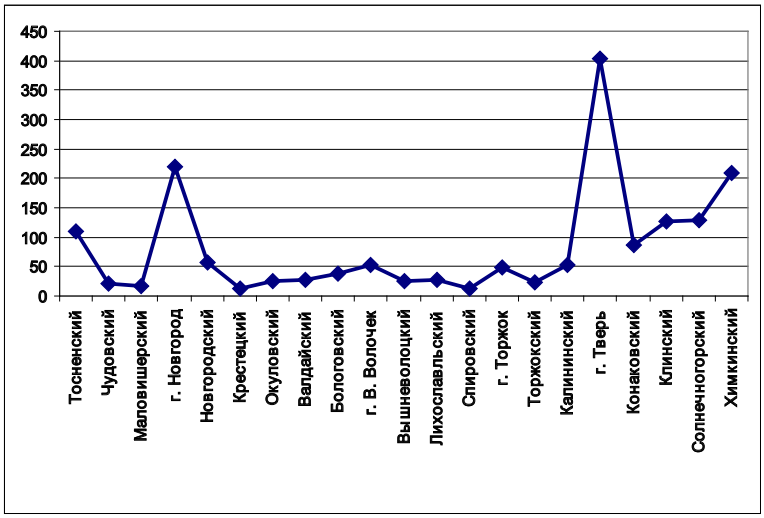


Рис. 9. Численность всего населения по районам и городам вдоль полимагистрали Санкт-Петербург–Москва в 2011 г., тыс. чел.

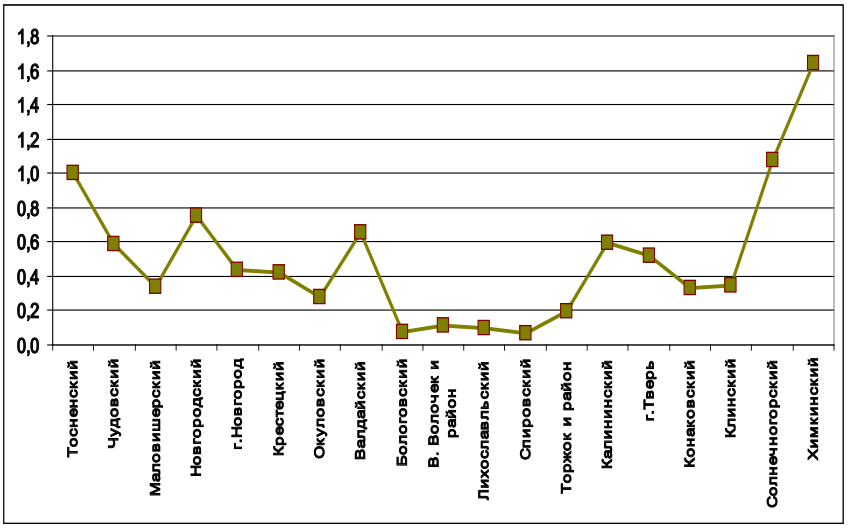


Рис. 10. Ввод жилья на душу населения по районам и городам вдоль полимагистрали Санкт-Петербург–Москва в 2011 г., кв. м/год

клиенты. Трудно сейчас представить, но на месте многоэтажек и многочисленных торговых центров города Химки также были тихие и уютные дачи. С конца XIX в. становится все больше дачников – разночинцев. Интеллигенция часто занималась на дачах и своим профессиональным делом. Известны Академические дачи художников к северу от Вышнего Волочка, возникшие на реке Мста в 1885 г. И сейчас используется не только эта творческая база, дома в окрестных деревнях скуплены художниками под дачи.

В XX в. состав дачников меняется. Все больше становится служебных государственных дач, которые практически бесплатно получали на время или в пожизненное владение партийные функционеры, генералы, хозяйственники, ученые, писатели, артисты. В середине века стали активно внедряться элементы собственности, купля-продажа строений (земля прилагалась). Однако для властной элиты тип государственных дач сохранился, в т.ч. и для главных государственных деятелей. Известны многочисленные дачи Сталина и дачи Путина на Валдае. Наибольшей популярностью помимо пригородов столиц, особо живописных мест вроде побережий Волги, Селигера и т.п. пользуется Валдай, где сомкнулись дачи москвичей и петербуржцев. В Валдайском краеведческом музее даже есть специальный зал, посвященный дачникам.

По мере удаления от столиц тип дач меняется. Коттеджные поселки и стародачные поселения, разбавленные многочисленными каменными вилами, сменяются обширными по площади бесстатусными поселениями, состоящими из садоводческих товариществ, выходящими за пределы Московской области. Они распространяются до 200–250 км, а далее москвичи и петербуржцы массово скупают дома в деревнях. В результате летнее население в этой депопулировавшей зоне за счет дачников в живописных и доступных местах увеличивается в несколько раз. Это позволяет сохранять дома и целые деревни, но не спасает традиционные отрасли.

Сельское хозяйство в межстоличье тоже тяготеет к пригородам. Его упадок в Новгородской, Псковской, Тверской областях обозначился с середины 1970-х гг., когда там перестали расти поголовье и продуктивность скота, урожайность основных культур, несмотря на вложения по программе развития Нечерноземья. Самый резкий спад произошел в 1990-х гг., когда государство прекратило поддержку убыточных хозяйств. И всякий, кто едет теперь из одной столицы в другую, не может не заметить огромные массивы заброшенных полей, отсутствие пасущегося скота. Но вывод о смерти сельского хозяйства, который часто делают на основе таких наблюдений, неверен. Погибли не все крупные агропредприятия, многие стали меняться. Ведь рядом рынки городов-гигантов, чьи пищевые предприятия требуют сырья. При почти повсеместном спаде в производ-

стве зерна, картофель из районов вдоль трассы не исчез (рис. 11), и не только в хозяйствах населения. То же произошло с молоком, хотя его объемы сократились. А производство мяса за счет свинины и птицы даже увеличилось (рис. 12). Кризис 1990-х гг. и затем структурная перестройка сельского хозяйства шли неравномерно. Сохранились предприятия двух типов: 1) в пригородах столиц, Новгорода и Твери, где есть финансовый и человеческий капитал, и 2) в глубинке – там, где глава колхоза или совхоза оказался эффективным менеджером.

В целом, при общем сокращении агропроизводства, ситуация была благополучнее в Ленинградской и Московской агломерациях, хотя там сельское хозяйство теснили жилая и дачная застройка, другие виды деятельности. Поэтому влияние Москвы на сельское хозяйство больше проявлялось на окраине агломерации, расширяясь до Конаковского района Тверской области. Тем самым агрозоны московского и тверского пригородов практически слилось. Но главное – приход в межстоличье мощных московских, питерских и даже юж-

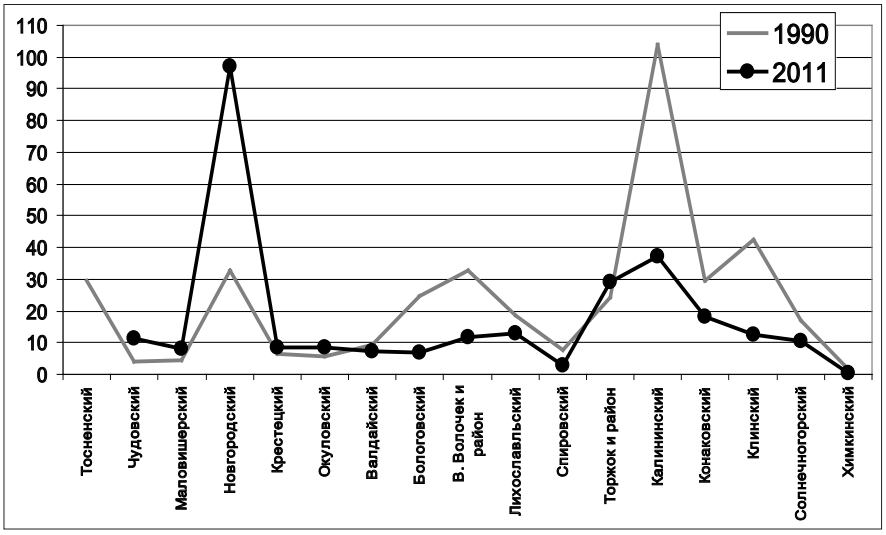


Рис. 11. Производство картофеля в районах вдоль полимагистрали Санкт-Петербург–Москва в 1986–1990 и 2009–2011 гг., тыс. т

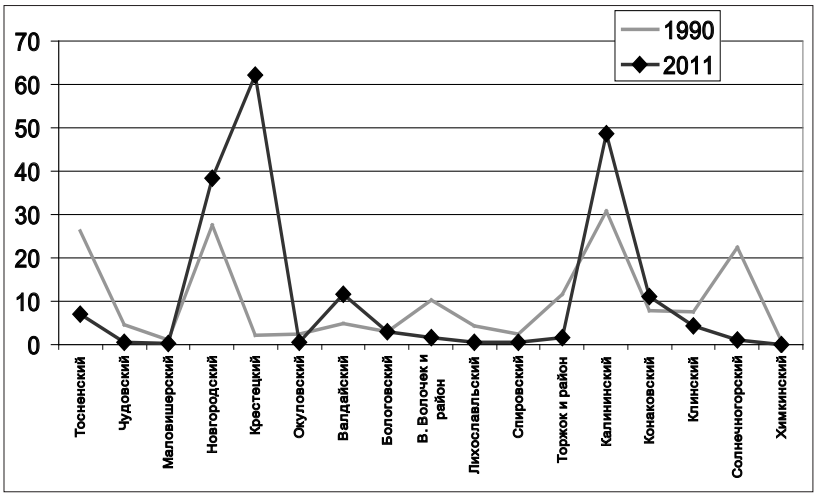


Рис. 12. Производство мяса в районах вдоль полимагистрали Санкт-Петербург–Москва в 1986–1990 и 2009–2011 гг., тыс. т

ных агрохолдингов. Благодаря им импульсы роста возникают и в глубинке, например в Крестецком районе Новгородской области (рис. 12). Деньги идут из столиц или с зернового юга, откуда везут и основные корма для скота, тогда как огромный столичный спрос способствует сохранению выпуска ряда видов продукции. Вот откуда этот парадокс: земля забрасывается, а производство может расти на базе новых структур и технологий, в т.ч. в молочном животноводстве – при стойловом, но беспривязном содержании скота в новых мегафермах или на полностью модернизированных комплексах. Потому и не видно пасущегося скота, распаханных полей. Агроландшафт в межстоличье становится другим.

Итак, в межстоличье ярко проявляется парадоксы сжатия пространства: столицы сближаются, а глубинка от них удаляется и к тому же депопулирует и деградирует. В ходе трехвековой истории появилась новая столица, потом ее вернули на прежнее место, а общее действие обеих как опустошителей расположенной между ними территории лишь нарастало. В то же время выплеск из них капиталов, появление иностранных инвестиций, связанных с мощным столичным спросом, создают своеобразный мелкоочаговый тип переосвоения полузаброшенного пространства. Пересекающему его путнику оно может казаться вторичной пустыней. Это и так, и не так. Тут есть природный и культурный потенциал, востребованный бизнесом и миллионами жителей – постоянных и сезонных (городских дачников), причем последние стали главным фактором ревитализации многих деревень. Конфликты интересов между интересами бизнеса, местных сообществ и охраны наследия при этом обостряются. Несмотря на выраженные пригородно-периферийные различия, все большую роль в развитии городов и сельской местности межстоличья, как и России в целом, играют субъективные факторы: личность руководителя, отношения властей разного уровня и типа, поведение отдельных людей и социальных групп. Это делает развитие ряда населенных мест неустойчивым и не всегда предсказуемым.

Можно сказать твердо, что мегалополиса, а тем более агломерации Москва – Петербург нет и не будет, что не так плохо в контексте упомянутой конфликтогенности. Единый срединный межстоличный центр исторически не сложился, а города и поселки, на которые он разделен (между которыми рассеян), испытывают упадок и теряют жителей. В юго-восточной четверти рассмотренного ареала отмечается явное срастание Московской и Тверской агломераций, особенно в ареале Большое Завидово, тогда как с Петербургской и Новгородской агломерациями этого пока не происходит.

Библиографический список

1. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
2. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2012.
3. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? Агломерация? Мегалополис? // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 517–518. – 1–19 августа. http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php
4. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–30.
5. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: URSS, 2013.
6. Регионы России 2012. Статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012
7. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002.
8. Родоман Б.Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка: модели и методы изучения. – М.: Эслан, 2012. – С. 41–48.
9. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М.: Эслан, 2010. – С. 16–31.
10. Шупер В.А., Эм П.П. Расширение Москвы: альтернатива с точки зрения центральных мест // Региональные исследования. – 2012. – № 4 (38). – С. 97–107.

Андреева А.В., Максимова Н.А., Лифанов А.А. (Смоленск)

РАЗВИТИЕ РЫНКА ИНТЕРНЕТ-ПРОВАЙДЕРОВ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Andreeva A.V., Maximova N.A., Lifanov A.A.

DEVELOPMENT THE MARKET OF INTERNET PROVIDERS IN THE SMOLENSK REGION

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу рынка Интернет-провайдеров и услуг, которые они предоставляют в Смоленской области. При анализе рынка провайдеров в Смоленске было выявлено двенадцать Интернет-провайдеров различных типов: федеральные – имеют сеть на всей территории России; межрегиональные – имеют филиалы не менее чем в двух регионах; региональные – работают только на территории Смоленской области. Большинство провайдеров, работающих в нашем регионе, относятся к федеральным. Динамичная конкуренция, регулярное снижение цен на доступ к сети, увеличение скоростей, расширение зоны покрытия приводят к росту пользователей Интернет в Смоленской области. По мнению специалистов, серьезных изменений на рынке в 2013 году не произойдет. Усилия провайдеров будут в большей степени направлены на увеличение ARPU собственной базы за счет роста проникновения услуг платного телевидения.*

Abstract. *This article is devoted to the analysis the market of Internet service providers which they provide in the Smolensk region. In the analysis the market of providers in Smolensk twelve Internet service providers of various types were revealed: the federal – have a network in all territory of Russia; the interregional – have branches not less than in two regions; the regional – work only at the territory of the Smolensk region. The majority of the providers working in our region - federal. Economic competitiveness, regular reduction prices, increase in speeds, expansion a cover zone lead to growth of Internet users in the Smolensk region. According to experts, serious changes in the market in 2013 won't happen. Providers efforts will be aimed at increasing ARPU due to the penetration of pay-TV services.*

Ключевые слова: *Интернет-провайдер, Интернет, услуги связи, анализ рынка услуг, информационные технологии.*

Keywords: *Internet-provider, Internet services, communication services, analysis services market, information technologies.*

По степени воздействия на мировую экономику Интернет может сравниться с революцией в области промышленности, оборудования, транспорта [2]. Эксперты считают, что технически Интернет сможет связать когда-нибудь до 600 млн компьютерных сетей [3]. Архитектура сети Интернет представляет собой сеть, соединяющую между собой большое количество быстродействующих компьютеров, по которой провайдеры перекачивают огромное количество данных. К опорной сети присоединяются континентальные магистрали, к которым подключаются национальные, затем региональные и локальные провайдеры [10].

Основой рынка Интернет-услуг являются компании-провайдеры. Российский рынок интернет провайдинга получил своё развитие в конце 1980-х – начале 1990-х годов. С 1982 г. начали создаваться ведущие на сегодняшний день интернет – провайдеры России, среди которых: РосТелеком, Eguant («Глобал Один»), ООО «Релком. Деловая сеть», Совинтел.

В 2000 г. рынок интернет провайдинга оценивался в 200–230 млн долл. в год, на сегодняшний день данная цифра возросла в несколько раз. По исследованиям Яндекса, проведённым в 2010 г., Москва по уровню развития рынка интернет-провайдинга в России занимает первое место, за ней следует Санкт–Петербург. За последние три года объем рынка информационных технологий в России увеличился более чем на 6 млрд долл. и достиг к концу 2012 г. уровня 7,5 млрд долл.

Но, несмотря на значительный рост, объем рынка информационных технологий в России остается достаточно скромным. В настоящее время доля рынка информационных технологий составляет всего 1,4% от ВВП нашей страны. Например, в США доля рынка информационных технологий составляет более 5% от ВВП и превышает 500 млрд долл. При этом российский рынок имеет существенную зависимость от импортного аппаратно-технологического обеспечения, в то время как рынок услуг информационных

технологий составляет около 30% от общего объема, а рынок программных продуктов – 14% [12].

Структура участников российского рынка информационных технологий существенно отличается от мирового рынка. По сравнению с западными странами, имеющими развитый рынок информационных технологий, показатели крупных российских компаний, работающих в сфере IT-технологий, очень малы. Например, средний объем выручки лидирующих индийских компаний, специализирующихся на продаже программного обеспечения и оказании IT-услуг, составляет в среднем 570 млн долл., а ирландских – 380 млн долл., что значительно выше среднего оборота аналогичных российских предприятий.

Недостаточное развитие рынка информационных технологий в России объясняется целым рядом факторов, оказывающих негативное влияние на широкое внедрение и эффективное использование информационных технологий в экономике, общественной жизни и государственном управлении [9]. Имеющиеся проблемы можно разделить на 4 группы: законодательные, институциональные, проблемы, сдерживающие рост внутреннего рынка и сдерживающие рост экспорта.

Но, несмотря на имеющиеся проблемы, рынок информационных технологий развивается и одной из IT-услуг является предоставление доступа к сети интернет. Повсеместному распространению интернета на какой-либо территории способствует развитие рынка интернет-провайдинга. С целью повышения своих конкурентных преимуществ компании внедряют новые информационные технологии, позволяющие повысить качество предоставления услуг доступа к сети интернет, снизить затраты [11]. Важным этапом при подключении к сети интернет для пользователя является правильный выбор провайдера, поставщика интернет-услуг, так как от этого выбора зависит качество соединения, объем предоставляемого интернет-трафика, материальные затраты, общий уровень сервиса. Подобные исследования, после заключения договора с провайдером, целесообразно периодически проводить для выявления изменений на рынке [6].

Предприятия, работающие в настоящее время на рынке Internet-услуг в Смоленской области, можно условно разделить на три группы компаний-провайдеров.

Компании-«связисты». Они ориентированы на крупных корпоративных клиентов. Ценовая политика таких предприятий связи направлена на «отсечение» индивидуальных пользователей, так как только у них сохранилась плата за регистрацию. В связи с тем, что компании-«связисты» имеют собственные каналы связи, они могут удерживать цены на выделенные линии для корпоративных пользователей ниже среднего по региону уровня.

Провайдеры, ориентирующиеся преимущественно на индивидуальных пользователей. В настоящее время большинство «независимых» провайдеров находится в заведомо проигрышном положении в отношении предоставления пользователям доступа по выделенным линиям. Компании этой группы используют активный маркетинг, службу поддержки пользователей, сервис на высоком качественном уровне, профессиональные WEB-порталы.

«Молодые» и «инновационные» компании. Новые фирмы-провайдеры, выходящие на рынок в настоящее время, вынуждены «завоевывать» свою нишу за счет предоставления более дешевых услуг из «стандартного» набора и активной рекламной политики. Данные компании предоставляют относительно дешевый и качественный доступ, активный маркетинг, четкое позиционирование на целевых группах [5].

Таким образом, за счет реализации программ инновационных преобразований и внедрения инноваций происходит формирование новых групп услуг, альтернативных «традиционному» доступу по выделенным линиям [1]. Не вызывает сомнения, что неизбежное снижение цен на услуги радиодоступа сделает этот вид сервиса чрезвычайно привлекательным для корпоративных пользователей. Так, в июне 2012 г. общий объем услуг связи в России и объем услуг связи населению выросли по отношению к июню прошлого года на 2,8% и 3,7% соответственно. Некоторое снижение темпов роста относительно мая связано с сезонностью. За полгода рост объема услуг связи составил 7,6%. Темпы роста были выше, чем в предыдущем – в 2011 г. рост за полгода составил лишь 2,6%.

Развитие отрасли обусловлено ростом инновационных сегментов рынка, в частности, услуг широкополосного доступа в интернет, IPTV и мобильной связи [7]. В первом полугодии 2012 г. услуги связи составили 19,5%

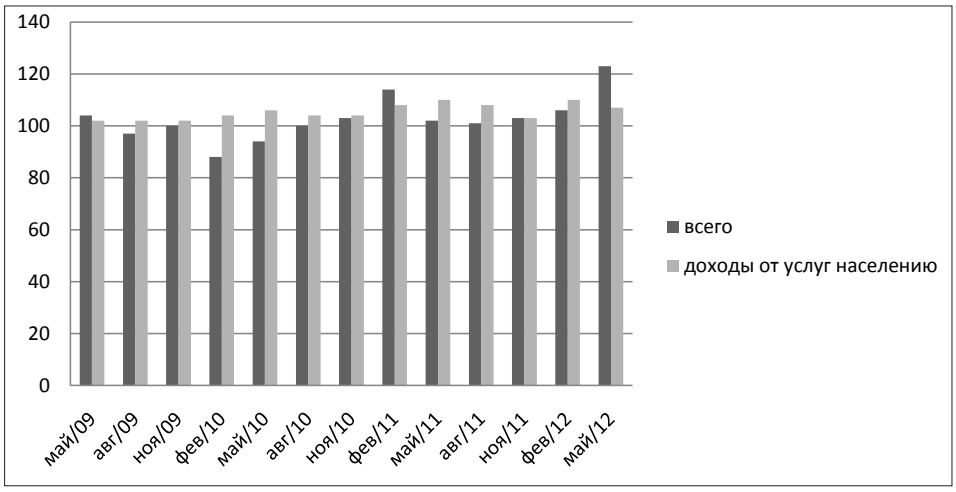


Рис. 1. Объем услуг связи в России

Таблица 1

Использование ИКТ

1	Удельный вес пользователей Интернет в общей численности населения, (%)	10
2	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств, (%)	9
3	Удельный вес населения, использующего Интернет для взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, в общей численности населения, (%)	30
4	Средняя стоимость доступа в Интернет для жителей региона, руб.	720
5	Число пунктов общественного доступа в Интернет в расчете на 10 тыс. человек населения	350
6	Среднее количество пользователей пунктов общественного доступа в Интернет, (чел. в мес.)	500
7	Доля организаций, использовавших Интернет, (%)	81,4

от общего объема услуг, оказанных населению, это соотношение не изменилось по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (рис. 1).

В табл. 1 представлены статистические данные по использованию ИКТ населением Смоленской области по данным на 2011–2012 г.

Как видно из таблицы, организации, использующие в своей работе интернет, составляют наибольший объем потребления услуг. Удельный вес пользователей интернет составляет всего лишь 10%, но в то же время удельный вес населения, взаимодействующего с органами государственной власти, составил 30%. Это свидетельствует о стабильном росте пользователей ИКТ среди населения Смоленской области. Далее приведены сводные данные Федеральной службы Госкомстата, позволяющие проанализировать основные показатели использования средств ИКТ и телекоммуникационных систем в Смоленской области (табл. 2) [8].

Из табл. 2 видно, что число пунктов коллективного доступа для выхода в интернет за последние два года осталось неизменным, а количество абонентов широкополосного доступа значительно возросло. Кроме этого, число компьютеров, подключенных к сети интернет в организациях, возросло на 18%, увеличилась доля организаций, имеющих подключение к интернету с максимальной скоростью передачи данных свыше 256 Кбит/сек, на 18% по сравнению с 2011 г. Все большее число организаций использует интернет с целью размещения заказов на товары, работы и услуги, так доля таких предприятий возросла на 14% по сравнению с предыдущим годом. Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что в Смоленской области доступ к сети интернет становится более доступным как для предприятий, так

Таблица 2

Показатели использования ИКТ в Смоленской области

	Наименование показателей	2011	2012
1	Число пунктов коллективного доступа, имеющих выход в сеть Интернет (ПКД), на конец отчетного периода (данные Минкомсвязи России)	0,3	0,3
2	Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (расчет по данным Минкомсвязи России, на конец года)	н.д.	10,7
3	Число персональных компьютеров (ПК), имевших доступ к Интернету, на 100 работников организаций	11	13
4	Доля организаций, имевших подключение к Интернету с максимальной скоростью передачи данных 256 и выше Кбит/сек	49,3	58,3
5	Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе организаций	18,9	23,2
6	Доля организаций, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете	29,8	34
7	Доля организаций, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по Интернету	14,4	14,2

и для населения. Динамичная конкуренция, регулярное снижение цен на доступ к сети, увеличение скоростей, расширение зоны покрытия приводят к росту пользователей Интернет в Смоленской области. Это влечет интенсивное развитие интернет-коммерции, расширение спектра предоставляемых государственных услуг посредством сети интернет, увеличение числа провайдеров и росте конкурентной борьбы между ними.

При анализе рынка провайдеров в г. Смоленске было выявлено 12 Интернет-провайдеров различных типов:

- федеральные – имеют сеть на всей территории России;
- межрегиональные – имеют филиалы не менее чем в двух регионах;
- региональные – работают только на территории Смоленской области.

Такие компании, как Домолинк, Ростелеком и ТТК, предоставляют доступ в Интернет своим пользователям по технологии ADSL, по технологии Ethernet доступ к сети обеспечивают девять Интернет-провайдеров, по технологии ВОЛС – шесть компаний. Большинство провайдеров, работающих в нашем регионе, относятся к федеральным (42%). Среди них Билайн интернет, МТС (ЗАО «КОМСТАР-Регионы»), Домолинк, Мегафон, Ростелеком.

Средний опыт работы компаний на рынке Интернет-услуг составляет 8–10 лет. Рассмотренный список компаний Интернет-провайдеров контролируют примерно 70–80% рынка. При этом не все компании вышли на рынок в середине 1990-х, то есть в момент формирования рынка Интернет-услуг, некоторые из них работали еще с конца 1980-х гг. как альтернативные операторы связи, другие появились в последние несколько лет как дочерние предприятия «Ростелекома», МГТС и других бывших госучреждений.

Оценить рынок провайдинга очень сложно даже в Москве, не говоря о регионах. Рынок Интернет-услуг России еще не освоен в полной мере и является перспективным.

Операторы связи отмечают, что в 2012 г. кардинальных изменений на телекоммуникационном рынке региона не произошло, свое развитие получили ранее наметившиеся тенденции, перечисленные выше. Серьезных изменений на рынке в 2013 г. провайдеры не прогнозируют. Усилия провайдеров будут в большей степени направлены на увеличение ARPU (среднего дохода на одного абонента) собственной базы за счет роста проникновения услуг платного телевидения [4]. В дальнейшем Интернет-рынок Смоленской области будет продолжать свое развитие. Рост числа пользователей, их потребностей, наличие конкурентной борьбы среди участников рынка будут провоцировать поставщиков услуг предлагать более качественные услуги и искать нестандартные решения.

Библиографический список

1. Бочаров А.А. Механизм влияния стратегического партнерства на инновационное развитие организации // Журнал правовых и экономических исследований. – 2009. – № 3. – С. 53–56.

2. Бугорский В.Н. Сетевая экономика. – М.: Финансы и статистика, 2007.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Месаркишвили А. Хищники против старожилов [Электронный ресурс] URL http://www.ksonline.ru/stats/-/id/1938/ (Дата доступа 11.10.2013).
5. Нагирная А.В. Информационно-коммуникативная открытость стран мира // Региональные исследования. – 2013. – №1. – С. 41–49.
6. Никитас Д.В. Изучение внешнего информационного обеспечения бизнеса в Смоленской области // Региональные исследования. – 2012. – №1. – С. 110–115.
7. Родионова И.А., Гордеева А.С. Особенности влияния информационных технологий на экономический рост и развитие стран мира // Региональные исследования. – 2011. – №3. – С. 135–140.
8. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации.
9. Русанова М.В. Проблемы и перспективы развития инновационной деятельности в региональных образовательных бизнес-структурах // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 112–116.
10. Стрелец И.А. Сетевая экономика. – М.: Эксмо, 2006.
11. Фокин М.В. Трансформация городского пространства и развитие конкурентных преимуществ города // Региональные исследования. – 2011. – №4. – С. 73–81
12. http://rg.ru/2011/08/02/it.html/ Стратегия – догонять! Российский ИТ-рынок вырос втрое, но по-прежнему отстает от развитых стран.

Аношкина Е.Л. (Пермь)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ

Anoshkina E.L.

DEVELOPMENT OF SOCIAL CAPITAL IN LARGE CITIES OF RUSSIA

Аннотация. *Цель статьи – провести определить тенденции развития системы крупнейших городов России. Выявлены существенные диспропорции в экономическом развитии, локализации центров принятия решений и связности между столицей и нестоличными крупнейшими городами. Представлен анализ политических и институциональных условий развития социального капитала городов как важнейшего фактора городского развития.*

Abstract. *Article aims to identify trends in the development of the largest cities in Russia. We revealed significant disproportions in economic development, localization centers of decision-making and the connection between the capital and large non-capital cities. Article presents the analysis of the political and institutional conditions for the development of social capital in cities as the most important factor of urban development.*

Ключевые слова: *крупнейшие города, городская система, социальный капитал города, экономические функции города.*
Keywords: *large cities, urban system, social capital, economic functions of the city.*

Россия в течение 2000-х гг. получила хорошие возможности для развития благодаря удачной внешнеэкономической конъюнктуре и макроэкономической стабилизации. При этом наблюдались высокие темпы экономического роста (средняя динамика ВВП составила 5–7% ежегодно). Однако, это не привело к положительной динамике в развитии городской системы, наблюдается не только демографическая стагнация, но и «функциональный упадок» крупнейших городов. Об этом свидетельствуют низкие показатели инновационной активности во всех городах, включая Москву. Для всех крупнейших российских городов характерны чрезвычайно низкие значения плотности экономической деятельности. По нашим оценкам плотность экономической деятельности в Москве достигает 150 млн долл. США/км^2, в Санкт-Петербурге – 65 млн долл./км^2, во всех остальных крупнейших городах – от 10 до 36 млн долл./км^2. Это существенно ниже, чем в крупнейших городах развитых и развивающихся стран.

Перед крупнейшими городами России сейчас стоят задачи, связанные с макроэкономическими целями, такими как ориентация на инновации, диверсификация экономики, повышение темпов экономического роста. В то же время, каждый крупнейший город должен найти свою идентичность и свою конкурентную стратегию для привлечения инвестиций, экономически выгодных функций и квалифицированные трудовые ресурсы.

Однако, городская система России может быть охарактеризована как стагнирующая. Так, 11 крупнейших российских городов (из 15) вошли в рейтинг 28 самых быстро вымирающих городов в отчете ООН [1]. Следовательно, существует противоречие между потенциалом и реальными тенденциями развития городской системы России, вызванные, возможно, нематериальными факторами. Рассмотрим причины стагнации городской системы, базируясь на концепции социального капитала.

Французский социолог P.Bourdieu (1985) выделил социальный капитал как одну из форм капитала наряду с экономическим капиталом и капиталом культурным [2]. Различие между человеческим и социальным капиталом состоит в том, что человеческий капитал несет индивидуальные выгоды, а социальный капитал несет выгоды всей социальной общности. Поэтому J.Colman (1998) считал необходимым найти способы усиления социального капитала через создание каких-то формальных институтов [3].

По мере развития концепции социального капитала были сформулированы подходы к изучению не только социального капитала, но и социального капитала территории и города. A. Caragliu, C. Del Boro, P. Nijkamp (2009) отмечали, что конкурентоспособность города зависит от социального капитала города, то есть способностью городского сообщества учиться, адаптироваться к изменениям внешней среды, производить инновации [4]. В свою очередь, Zielenbach (2000) видел эффект социального капитала, главным образом, в том, что индивиды с более высоким уровнем доверия друг к другу охотно включаются в деятельность, имеющую значение для развития территории, а не просто несущую индивидуальную выгоду [5].

Существуют консенсус среди многих исследований по поводу наличия прямой связи между социальным капиталом и экономическим развитием, способностью городской экономики к адаптации и диверсификации. Теоретическим обоснованием развития социального капитала города может быть институциональный подход, основанный на «теории договоров», что повышает защищенность, снижает вероятность конфликтов и позволяет распределить выгоду между властью, обществом и бизнесом от реализации городской стратегии.

Социологические теории и эмпирические исследования показывают, что основной городской стратегией в развитых странах остается экономический рост, для достижения которого создаются коалиции публичной власти и бизнеса. При этом рост межгородской конкуренции и необходимость борьбы за инвестиции заставляют политическую элиту города быть «более предпринимательской». Города активнее выходят на международную арену, расширяя интернациональные связи, и все менее полагаются на центральное правительство.

Е. Аношкина (2012) показала, что существует взаимосвязь между специфическим социальным капиталом и конкурентоспособностью города на примере крупнейших российских городов Перми и Екатеринбурга [6]. Специфический социальный капитал города понимается как способность города разрабатывать и реализовывать стратегию пространственного развития, привлекая внутренние и внешние ресурсы на территорию города. Поскольку управление ресурсами осуществляется центрами принятия решений, то была определена локализация центров принятия решений в финансовом секторе, бизнесе, государственном управлении, международных и межрегиональных взаимоотношениях. Кроме того изучались некоторые аспекты стратегического социально-экономического и градостроительного планирования рассматриваемых городов.

Используя предложенный подход, была определена локализация центров принятия решений в городской системе крупнейших городов, включая крупнейшие российские компании, банки, посольства и консульства, а также крупнейших бизнесменов (см. табл. 1).

Интегральная оценка размещения центров принятия решений показывает, что в Москве располагается 79% центров принятия решений, в Санкт-Петербурге – 10%, в Екатеринбурге – 3%. Во всех остальных крупнейших городах располагается не более 1% от общего количества центров принятия решений.

При этом роль Москвы в экономическом развитии страны остается невысокой, так наши расчеты показали, что доля ВВП на душу населения в столице превышает аналогичный показатель по стране в целом в 1,36 раза. Это меньше, чем в столичных городах и деловых центрах развивающихся стран (см. табл. 2).

Таблица 1

Размещение центров принятия решений в крупнейших городах

Город	Компании из региона в рейтинге самых ценных брэндов России	Банки из региона в рейтинге 100 крупнейших банков Forbes	Компании из региона в рейтинге 200 крупнейших непубличных компаний Forbes	Наличие в регионе производственных или офисных подразделений компаний из списка Forbes 2000	Посольства и консульства в городе (количество)	Люди из региона в рейтинге 200 крупнейших бизнесменов России
Москва	30	86	116	13	49	24
Санкт-Петербург	6	7	13	1	9	5
Новосибирск	1	1	0	0	1	0
Екатеринбург	0	2	6	0	3	2
Нижний Новгород	0	0	1	0	0	0
Самара	0	3	1	0	0	0
Омск	0	0	2	0	0	0
Казань	1	2	1	0	0	0
Челябинск	0	0	2	0	1	0
Ростов-на-Дону	0	1	3	0	0	1
Уфа	0	0	2	0	0	0
Волгоград	0	0	0	0	0	0
Пермь	0	0	2	0	1	1
Красноярск	0	0	0	0	0	0
Воронеж	0	0	1	0	0	0

Составлено по: http://www.interbrand.com/ru/knowledge/BestRussianBrands2010RU.aspx; www.forbes.ru/ratings; http://www.forbes.com/global2000/;http://www.forbes.ru/rating/sobytiya-package/lyudi/81208-200-bogateishih-biznesmenov-rossii-2012

Таблица 2

Доля ВВП на душу населения в крупнейшем городе в развивающихся странах

Город	Доля ВВП, %	Доля населения, %	Доля ВВП на душу населения превышение среднего значения по стране), %
Мумбаи	6,3	2	3,15
Кейптаун	20,3	7,7	2,63
Шанхай	2,9	1,4	2,07
Буэнос-Айрес	62,2	32,5	1,9
Сан-Паулу	19,5	10,5	1,86
Варшава	10,2	5,8	1,5
Рио-де-Жанейро	10,1	6,3	1,6
Москва	15	11	1,36

Собственные расчеты по данным [Син Цюань Чжан, 2011].

Таким образом, распределение экономических функций и центров принятия решений в городской системе не является сбалансированным, в том числе отсутствует явный город-лидер, способный выполнять инновационную и информационную функции. Это мешает крупнейшим городам интегрироваться в глобальную экономическую систему, так как неорганизованно их взаимодействие в экономических процессах на межрегиональном, национальном и международном уровне. Мы провели первичные исследования по связности системы крупнейших городов. Были собраны данные по количеству железнодорожных маршрутов, пассажирских авиаперевозок внутри страны и за рубежом во всех крупнейших городах (см. табл. 3).

Таблица 3

Связность крупнейших российских городов

Город	Количество ж/д маршрутов	Количество направлений авиарейсов внутрироссийские	Количество направлений авиарейсов международные	Количество гостиниц из мировых сетей 4 и 5 *
Москва	257	79	69	23
Санкт-Петербург	115	43	40	14
Новосибирск	49	20	9	1
Екатеринбург	69	17	14	1
Нижний Новгород	42	12	7	0
Самара	49	11	10	2
Омск	41	13	3	0
Казань	63	14	11	0
Челябинск	47	11	4	0
Ростов-на-Дону	65	8	11	1
Уфа	35	12	5	0
Волгоград	43	6	4	0
Пермь	36	9	8	1
Красноярск	26	17	4	0
Воронеж	37	6	5	0

Составлено с использованием: http://rasp.yandex.ru.

Мы считаем, что изменения в политической системе повлияли на распределение экономических функций в городской системе России. В течение 2000-х гг. произошла централизация политической системы, были приняты некоторые политические решения, которые повлияли на ситуацию в городской системе. Была построена так называемая «вертикаль власти», то есть во всех региональных и муниципальных законодательных и исполнительных органах власти подавляющее большинство составляют представители так называемой «партии власти» – Единой России. Представители этой партии голосуют «за» любой закон, инициированный Администрацией Президента России. Стало афоризмом высказывание экс-спикера парламента (2003–2011), чиновника «Единой России» Б.Грызлова: «Парламент – не место для дискуссий».

Политической практикой стали «ручное» управление и приоритет «точечных» решений по социально-экономическим вопросам в противовес правовым и законодательным решениям, Это привело к снижению статуса и реальных полномочий региональных властей и муниципальной власти. Примером «точечного» решения может быть решение вопроса пространственного планирования на уровне крупнейших городов и агломераций. Сам термин «городская агломерация» является нелигитимным в России, поскольку не отражен в федеральном законодательстве, что делает невозможным финансирование работ по территориальному и стратегическому планированию, градостроительному и инфраструктурному проектированию в отношении агломераций. В Москве нашли «выход» из этой ситуации путем присоединения части территории Московской области к Москве, увеличив территорию города в 2,4 раза.

В декабре 2004 г. был принят закон, запрещающий прямые выборы губернаторов российских регионов. Постепенно губернаторы, прошедшие ранее процедуру прямых конкурентных выборов, были заменены кандидатами, назначенными президентом России. Вслед за этим многие местные законодательные органы, возглавляемые «Единой Россией», приняли решения об отмене прямых выборов мэров крупнейших городов. Так в течение 2010 г. в ряде крупнейших российских городов (Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Пермь) были внесены изменения в Уставы городов, отменяющие прямые выборы мэров. При этом было проигнорировано мнение горожан, которые в большинстве были за сохранение прямых выборов.

Отмена выборов губернаторов и мэров крупных городов, ставшая политической практикой в современной России, исключает политические дискуссии и конкуренцию между альтернативными стратегиями раз-

вития регионов и городов, что приводит к накоплению ошибок в принятии решений и практическому исключению активных горожан из политической и общественной жизни. Кроме того, в ряде случаев регионами и крупнейшими городами управляют чиновники, не связанные с местными политическими и экономическими элитами.

Диспропорции в распределении экономических функций способствовал перенос центральных офисов крупнейших налогоплательщиков федерального уровня в Москву и Санкт-Петербург из тех регионов, в которых они фактически осуществляют свою деятельность. Причиной переноса офисов стало решение правительства страны о том, что крупнейшие налогоплательщики должны сдавать свою отчетность в 10 специальных инспекций, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге. Таким образом, в некоторых российских регионах существенно сократились доходы бюджета, а центры принятия решений были сконцентрированы в столичных городах.

Централизация политической системы в совокупности с авторитарными принципами создали предпосылки для остановки процессов формирования социального капитала в нестоличных крупнейших городах. В результате не формируются городские коалиции для экономического роста, что отражается в низких значениях показателей экономического развития городов. Следовательно, задачи повышения национальной конкурентоспособности и перехода на инновационную модель развития входят в противоречие с национальной политической системой.

В 2012–2013 гг. начался новый этап подавления социального капитала городов. Если законодательные инициативы в предыдущий период ограничивали в основном местные и региональные элиты, то в 2012–2013 гг. были приняты законы и проводились мероприятия против нового слоя городского сообщества, так называемого «креативного класса». Между тем во многом экономическое развитие базируется на «креативном классе» как источнике экономической жизнеспособности. Исходя из этого, многие исследователи советует муниципалитетам сосредоточиться на информации и творческом потенциале креативного класса, чтобы стимулировать экономический рост [8, 9].

Важно понимать, что без формирования социального капитала города обсуждение проблем локальной идентичности применительно к крупнейшим нестоличным городам будет носить несколько умозрительный характер. Потенциал крупнейших городов существенно шире, чем определение отраслевой специализации или позиционирование, связанное с историческими особенностями. Для сохранения России на карте как современного и конкурентоспособного государства необходимым условием является развитие системы крупнейших городов, способных выполнять экономические и цивилизационные функции современного города.

Библиографический список

1. http://www.unhabitat.org/pmss/listItemDetails.aspx?publicationID=3387
2. Bourdieu P. 1985. The social space and the genesis of groups. Theory and Society, 14, P. 723–744.
3. Colman J. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. – 1998. – Vol. 94. – P. 95–120.
4. Caragliu A., Del Boro C., Nijkamp P. Smart cities in Europe. – Amsterdam: University Amsterdam, 2009. – 15 p.
5. Zielenbach S. The Art of Revitalization: Improving Conditions in Distressed Inner-City Neighborhoods. – New York: Garland, 2000.
6. Anoshkina E. Urban competitiveness and agglomeration development: A case study of Perm and Yekaterinburg // Regional Science Policy & Practice, V. 4, Number 2, June 2012. – PP. 126–137.
7. Ледяев. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования. – http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1763/index.html
8. Florida, R. (2002). The rise of the creative class. – New York: Basic Books.
9. Glaeser E.L., Mare D.C. (2001). Cities and skills. – Journal of Labor Economics, 19(2). – P. 316–342.

Винокуров Ю.И., Рыбкина И.Д., Стоящева Н.В. (Барнаул)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ АЛЕЙ

Vinokurov Yu.I., Rybkina I.D., Stoyashcheva N.V.

TERRITORIAL ORGANIZATION OF WATER USE IN THE BASIN OF ALEI RIVER

Аннотация. *В статье рассмотрен новый подход к проблеме выделения региональных систем водопользования в границах речного бассейна с учетом его физико-географических условий. Предлагается полученные результаты использовать как инструмент оптимизации территориальной структуры водохозяйственной отрасли в бассейне р. Алей Алтайского края.*

Abstract. *The paper presents a new approach to the problem of specifying of regional systems of water use in the river basin with regard to its physical and geographical conditions. It has been suggested that the obtained results be used as a tool for optimization of the territorial structure of the water-management sector in the basin of r. Alei in Altai Krai.*

Ключевые слова: *речной бассейн, ландшафтный подход, водохозяйственная отрасль, системы водопользования, водообеспеченность населения, водопотребление и водоотведение, изъятие водных ресурсов, территориальная организация водопользования, река Алей.*

Keywords: *river basin, landscape approach, water-management sector, water supply systems, access to water supply, water consumption and water drain, water resources, percentage renewable water used, territorial organization, Alei river.*

Актуальность исследования и постановка задачи. Современное состояние проблем управления водными ресурсами и водохозяйственными системами в России таково, что следует констатировать определенный застой и стагнацию в развитии водохозяйственной отрасли в целом. В настоящее время широко используемый на практике проблемный подход признан фрагментированным и малоэффективным. Вместе с тем задачи, которые поставлены перед научным сообществом России в Водной стратегии РФ и ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса РФ на период до 2030 года», невозможно решить только методами гидрологического прогнозирования.

В качестве нового подхода мировая наука предлагает интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР), которое в свете концепции устойчивого развития территорий позволит более эффективно решать проблемы водообеспечения населения и экономики [8]. Преимуществом подхода ИУВР является возможность сочетанного решения вопросов экологии и охраны водных объектов, с одной стороны, и комплекса водохозяйственных проблем: вододефицита и нехватки вод питьевого качества – с другой.

Мы предлагаем использовать данный подход в рамках бассейново-ландшафтной методологии [2, 4], позволяющей выделить региональные системы водопользования (ВП), провести дифференциацию водохозяйственных проблем и методов их решения в зависимости от природно-экологических, бассейново-ландшафтных и социально-экономических характеристик региона. Такой подход апробирован нами на примере бассейна р. Алей с целью оптимизации территориальной структуры водохозяйственной отрасли и решения проблем водообеспечения населения и экономики.

Объект и предмет исследования. Река Алей является одним из крупнейших левых притоков р. Обь, в которую впадает в 60 км выше Барнаула. Длина реки – 858 км, площадь бассейна – 21,1 тыс. км^2. Среднегодовой расход в створе г. Алейска составляет 39,7 м^3/с.

Бассейн р. Алей относится к наиболее антропогенно преобразованным районам юга Западной Сибири, интенсивное освоение природных ресурсов которого началось еще в демидовские времена в связи с горнорудным производством. В довоенные и послевоенные годы в городах Рубцовске, Алейске, Горняке были созданы крупные промышленные предприятия машиностроения, горнодобывающей и пищевой промышленности [1].

Последовательное сельскохозяйственное освоение территории привело к тому, что к 1975–1980 гг. до 70 % поверхности водосбора было распахано. Хозяйственные преобразования включали вырубку лесов и

кустарников на водосборе, осушение болот, широкомасштабное орошение сельхозугодий.

Воды реки издавна используются в целях водоснабжения четырех городов (в том числе, питьевого, для крупнейшего в бассейне г. Рубцовска) и поселков, животноводческих ферм и значительных по площади участков орошаемого земледелия.

В условиях складывающегося дефицита водных ресурсов радикальными мероприятиями, обеспечивающими возможности орошения и водоснабжения территории бассейна, стало регулирование стока реки путем создания водохранилищ, самыми крупными из которых являются Гилевское (470 млн м^3) и Склюихинское (37 млн м^3).

Поскольку существует связь между природопользованием на водосборе и гидрологическим режимом реки, хозяйственная деятельность в бассейне Алея, зачастую, нерациональная, не могла не отразиться как на качестве его вод, так и на объемах стока. Отмечено, что за период с 1950 по 1985 гг. произошло сокращение поверхностного и подземного стока на 15–20% [3].

В настоящее время в связи с сокращением объемов промышленного производства прямое воздействие на речную систему существенно снизилось. Так, по данным 2 тп-водхоз, забор воды из поверхностных источников за период с 1991 по 2009 гг. сократился в 2,5 раза, объем сбросов в поверхностные водные объекты бассейна – в 3,3 раза. Однако несмотря на уменьшение объемов водозабора, наметившееся в 1950-е гг. сокращение годового стока реки продолжается и в настоящее время.

Современный водохозяйственный комплекс бассейна представлен водохозяйственными системами гг. Рубцовск, Алейск, Горняк, Змеиногорск, Чарышским групповым водопроводом, Алейской оросительной системой, гидротехническими сооружениями водохранилищ и прудов, обеспечивающими потребности населения и экономики в воде. Ежегодно на хозяйственно-питьевые нужды расходуется порядка 25% используемых водных ресурсов, на производственные цели – около 20%, на орошение – 45% и более, остальная часть приходится на сельскохозяйственное водоснабжение и прочие потребности.

Существующие водохозяйственные системы в бассейне не обеспечивают восполнения ресурса и удовлетворительного качества речной воды. Свидетельством этого являются участившиеся в последние годы случаи микробного загрязнения реки, нехватка вод питьевого качества, проблемы, связанные с недостатком поверхностных вод для целей орошения и обводнения пастбищ в пойме реки, обмеление и усыхание пойменных озер.

Качество воды в р. Алей остается неудовлетворительным и по гидрохимическим показателям: в районе гг. Алейска и Рубцовска ежегодно оценивается классом 3Б («очень загрязненная») – 4А («грязная» вода), превышение ПДК наблюдается по 9–10 из 12 рассматриваемых параметров.

Таким образом, существующие механизмы управления водохозяйственным комплексом (регулирование попусков водохранилищ, очищение сточных вод и др.) не могут обеспечить решение сложившихся водохозяйственных и водно-экологических проблем в бассейне.

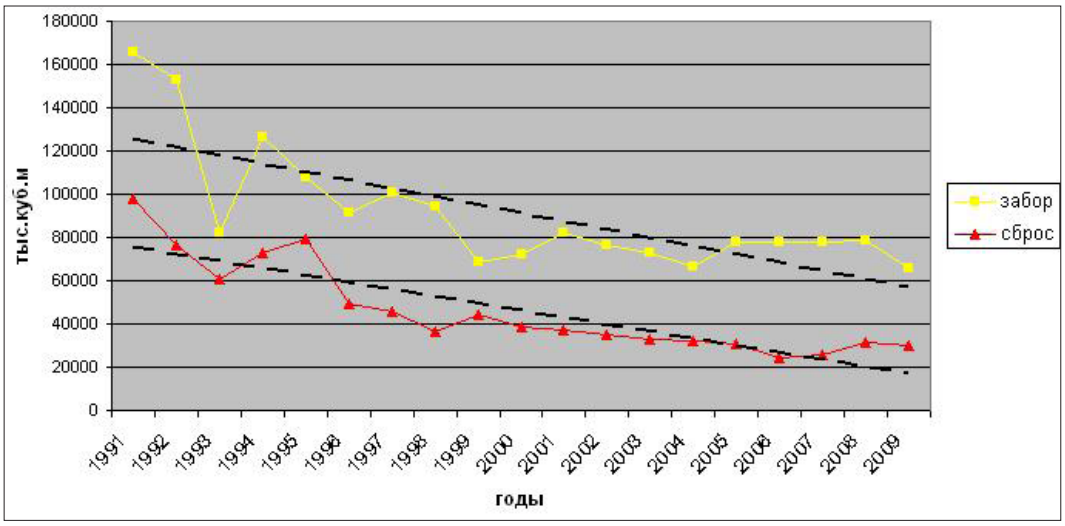
Научный подход и методы решения поставленной задачи

В рамках предлагаемого научного подхода основополагающим условием является выделение в бассейне реки региональных систем ВП. Под системами водопользования понимаются исторически сложившиеся формы использования водных ресурсов, нашедшие отражение в особенностях территориальной структуры водопользования, обусловленные природно-зональными чертами, уровнем и характером социально-экономического развития регионов, общностью культурных и национально-этнических условий проживания населения.

Формирование систем ВП имеет природообусловленный характер, их выделение происходит с учетом ландшафтной дифференциации территорий на основе бассейнового принципа. Основным показателем выступает удельная обеспеченность населения поверхностными и подземными водами в речном бассейне в пределах физико-географических провинций.

Характер формирования систем ВП существенно детерминирован действием антропогенных факторов, которые определяются видом целевого использования водных объектов, уровнем антропогенной нагрузки на водотоки и их водосборные территории, современным состоянием водных экосистем и качеством речной воды.

Управление системами ВП осуществляется как в пределах административно-тер-



риториальных образований, так и в границах водохозяйственных участков (ВХУ). Функционирование рассматриваемых систем зависит от сложившейся структуры хозяйственного использования территорий, расселения населения и особенностей развития водохозяйственной отрасли.

Применив методику Т.Г. Руновой с соавторами [7], адаптированную к особенностям аграрного природопользования [6] и в нашем случае – водопользования, в бассейне р. Алей были выделены *крупноочаговые*, *очаговые, линейные, линейно-площадные* и *дисперсные* системы ВП.

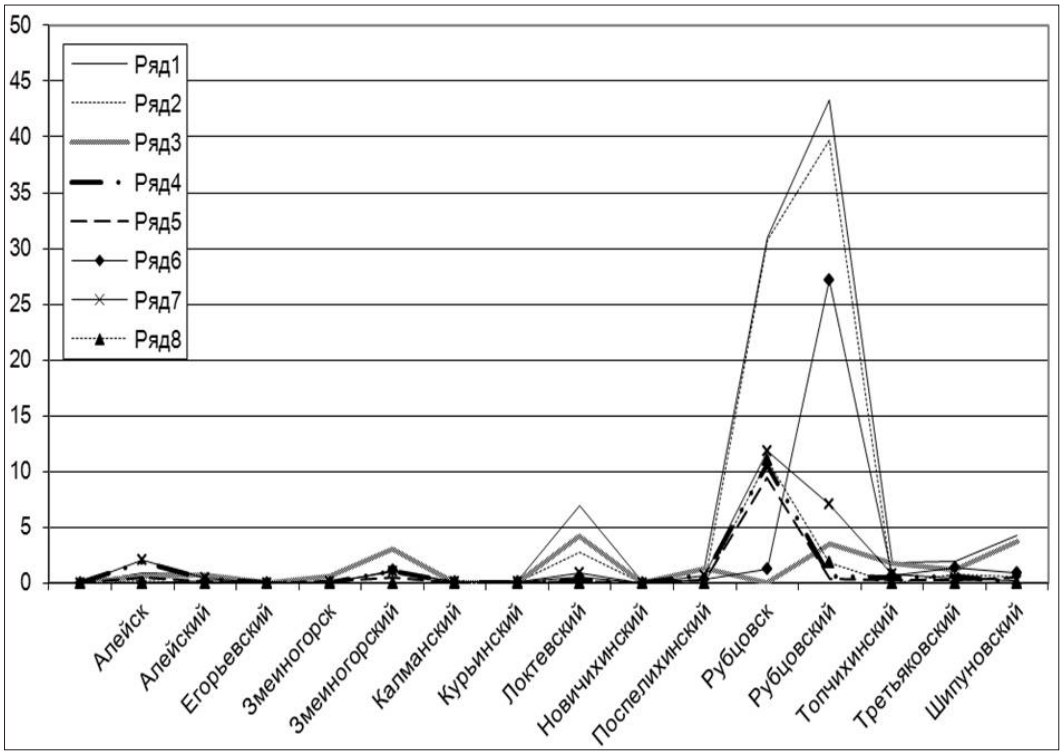
Крупноочаговые системы ВП формируются в пределах основных ареалов расселения населения, главным образом приурочены к узловым элементам демоэкономического каркаса регионов и входят в состав агломерационно-групповых форм размещения населенных пунктов, обеспечивая функционирование важных сфер жизнедеятельности городского пространства. Отвечая за добычу, использование и передачу воды в пределах крупных промышленных узлов и центров расселения населения, а также за сброс и очистку сточных вод на их территории, они включают в себя несколько крупных водохозяйственных систем и/или гидротехнических сооружений, отличаются высокой степенью обеспеченности населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности. Благоустройство жилого фонда населенных пунктов системами централизованного водоснабжения и водоотведения достигает 80–90% и более.

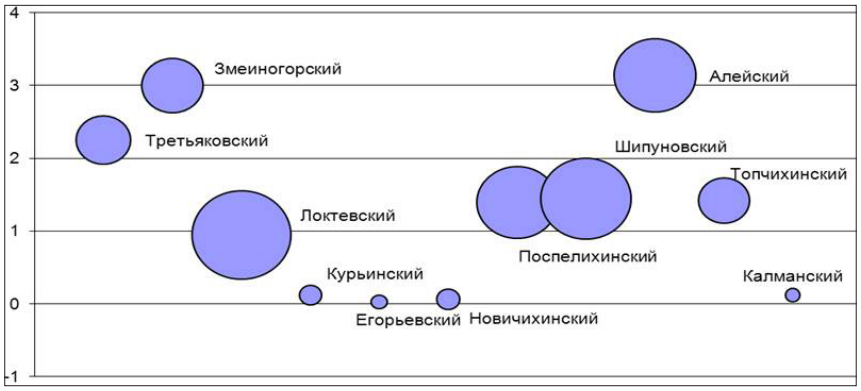
Очаговые системы связаны с центрами локальных систем расселения, используют воду в качестве сырья в производственных процессах, а также в целях потребления с передачей ее на значительно меньшие, чем крупноочаговые системы, расстояния. Отличаются наличием одиночных водохозяйственных систем и объектов инженерно-производственной инфраструктуры, приурочены к малым и средним городским поселениям с невысокой степенью обустройства системами централизованного водоснабжения и водоотведения (не более 50–70 %).

Линейные системы имеют исключительные функции на передачу воды и ее использование в хозяйственно-питьевых и иных целях. Представленные чаще всего линейными водохозяйственными объектами, такими как крупные групповые водозаборы и водопроводы, забирающими и транспортирующими воду на большие расстояния, они охватывают десятки населенных пунктов и имеют протяженность сотни и тысячи километров. Небольшие по протяженности линейные объекты (водопроводные и канализационные сети) могут входить в состав крупноочаговых систем, без выделения их в качестве самостоятельных систем ВП.

Линейно-площадные системы формируются при условии необходимости строительства водохозяйственных объектов для целей орошения, характеризуются определенной пропускной способностью и площадью орошаемых земель.

Существование *дисперсных* систем обусловлено наличием объектов водохозяй-





ственной инфраструктуры, таких как: водонапорная башня, уличная водопроводная сеть, водоразборные колонки, приуроченных преимущественно к сельским населенным пунктам. Использование воды в таких системах происходит, в основном, для хозяйственно-питьевых нужд населения без предварительной водоподготовки. В отдельных случаях расширение видов использования осуществляется благодаря уникальным природным свойствам воды, например, в рекреационных и бальнеологических целях.

Методически выделение систем ВП в бассейне р. Алей основывалось на учете абсолютных и удельных показателей, отображающих водоресурсный потенциал территорий и степень водохозяйственного обустройства муниципальных образований. Такие природообусловленные характеристики как удельная водообеспеченность подземными водами (тыс. $м^3$ на одного жителя) рассчитаны нами на основании удельных дебитов скважин (л/с) подземных горизонтов, выделяющихся в пределах Кулундинско-Барнаульского артезианского бассейна [5].

Водообеспеченность поверхностными водами определялась по показателям среднегодовых расходов р. Алей с привязкой к бли-

Таблица 1

Оценка степени изъятия водных ресурсов в бассейне р. Алей по ландшафтным провинциям

Провинции	Забор воды из источников, млн м³		Население, тыс. чел	Удельное водопотребление, тыс. м³ на человека		Доля изъятия водных ресурсов, %	
	поверхностных	подземных		поверхностных	подземных	поверхностных	подземных
Северо-Западная Алтайская	0,0	3,7	22,4	0,0	0,2	0,0	100,0*
Предалтайская	3,6	5,5	51,1	0,1	0,1	0,5	0,2
Южноприалейская	71,2	10,4	282,0	0,3	0,1	6,6	9,3
Верхнеобская	0,0	2,0	9,2	0,0	0,2	0,0	6,6

* в горных условиях разведка месторождений подземных вод осложнена и в последние годы не проводилась, поэтому данные прогнозных запасов отсутствуют.

жайшим гидропостам к местам пересечения реки с границами ландшафтных провинций. При этом для каждой провинции с использованием данных по слою стока (мм) высчитывался объем формирующихся в их пределах водных ресурсов, в том числе транзитной составляющей и ресурсов местного стока.

Для выделения крупноочаговых систем использовались такие статистические показатели (по форме 2тп-водхоз, предоставленной Верхне-Обским БВУ и предприятиями-водопользователями, расположенными в речном бассейне) как общий водозабор, забор воды из поверхностных водных объектов, забор воды из подземных источников, использование водных ресурсов на хозяйственно-питьевые нужды, использование водных ресурсов на производственные цели, использование водных ресурсов на цели орошения и с/х водоснабжения, общий сброс сточных вод, сброс загрязненных стоков и др.

При выделении очаговых систем применялись статистические и полученные расчетным путем показатели: протяженность водопроводных и канализационных сетей муниципальных образований бассейна, водоемкость валового регионального продукта, удельные показатели водопотребления и водоотведения и др.

Наличие линейных систем определялось объемами забранной и транспортируемой воды, общей протяженностью водопроводных и канализационных сетей в границах муниципальных образований бассейна р. Алей. Линейно-площадные системы характеризовались пропускной способностью построенных гидротехнических сооружений и площадью орошаемых земель исследуемой территории.

Выделение дисперсных систем основывалось на учете общих объемов водопотребления на хозяйственно-питьевые нужды в сельских населенных пунктах бассейна, а также результатов экспертных оценок состояния объектов водохозяйственной инфраструктуры, полученных авторами в ходе выполнения экспедиционных работ.

Результаты исследования. Бассейн р. Алей как репрезентативный географический объект, имеющий длительную историю хозяйственного освоения, обеспечен достаточным массивом разновременных данных, которые позволяют проводить комплексные научные исследования по проблемам территориальной организации водопользования.

Согласно схеме физико-географического районирования (Винокуров, Цимбалей, 2006), бассейн р. Алей расположен в четырех ландшафтных провинциях. А. Западно-Сибирская равнинная страна. I. Степная зональная область. Провинции: 1 – Южноприалейская, 2 – Предалтайская. II. Лесостепная зональная область. 3. Верхнеобская провинция. Б. Алтае-Саянская горная страна. III. Алтайская горная область. 4. Северо-Западная Алтайская провинция.

По удельной водообеспеченности выделяется Верхнеобская провинция – 117,2 тыс. м³ на 1 чел., из них 114,0 тыс. м³ – поверхностные водные ресурсы, представленные преимущественно транзитным стоком р. Алей.

Высокой обеспеченностью водными ресурсами характеризуются Предалтайская и Северо-Западная Алтайская провинции – соответственно, 15,8 и 20,0 тыс. м³ на одного человека, при этом подземная составляющая

для Северо-Западной Алтайской провинции отсутствует, т.к. нет данных гидрогеологической разведки для этой территории. Самая большая по площади и наиболее густонаселенная Южноприалейская ландшафтная провинция отличается низкими значениями удельной водообеспеченности – 4,2 тыс. м^3/чел., из которых 3,8 тыс. м^3 – поверхностные водные ресурсы.

В бассейне р. Алей нами определена одна крупноочаговая система – в г. Рубцовск, характеризующаяся наибольшими объемами водопотребления и водоотведения (как крупный промышленный центр Алтайского края с числом жителей 156,2 тыс. чел.), максимальными заборами воды для орошения. Благоустройство жилищного фонда Рубцовска системами централизованного водоснабжения и водоотведения достигает 80% и более.

На основе анализа таких показателей, как объемы водопотребления и протяженность водопроводных сетей в бассейне выделены четыре очаговых системы ВП, в том числе Шипуновская и Алейская очаговые системы, имеющие совокупно наибольшую протяженность водопроводных сетей благодаря действующему групповому водопроводу, который подает воду потребителям путем ее переброски из бассейна р. Чарыш. Благоустройство жилищного фонда г. Алейск и с. Шипуново системами централизованного водоснабжения превышают 50%.

К дисперсным системам ВП в бассейне р. Алей можно отнести, так называемые, межхозяйственные центры расселения Алейского, Шипуновского, Поспелихинского, Рубцовского районов, потребляющие свежей воды свыше 100,0 тыс. м^3/год в питьевых целях. Охват таких систем централизованным водоснабжением максимален в Алейском районе (95%) благодаря бесперебойному многолетнему функционированию локальных сооружений Чарышского группового водопровода.

Наиболее значимой линейной системой бассейна является Чарышский групповой водопровод, который осуществляет водоснабжение 67 сельских населенных пунктов и г. Алейск, и имеет протяженность свыше 680 км. Здесь также действует Алейская оросительная система, которую можно отнести к линейно-площадным системам, с максимальной пропускной способностью 39 м^3/с и площадью орошаемых земель 45 тыс. га на территории Рубцовского, Угловского, Егорьевского и Поспелихинского районов Алтайского края.

Сравнительный анализ водообеспеченности и потребностей населения в воде (по объемам существующих водозаборов с учетом переброски из бассейна р. Чарыш) в границах ландшафтных провинций позволил выявить участки с напряженной водохозяйственной ситуацией (табл.). Наиболее сложная обстановка сложилась в пределах Южноприалейской провинции, где изъятие ресурсов поверхностных вод достигает 6,6% (в расчете учитывались среднегодовые расходы реки), подземных – 9,3%. В пределах провинции ситуация усугубляется отсутствием крупных месторождений подземных вод питьевого качества на фоне возрастающих потребностей населения и экономики.

Целевое вмешательство в территориальные системы водопользования с целью их оптимизации требуется также в Северо-Западной Алтайской и Верхнеобской провинциях. Если в первой провинции водохозяйственная ситуация осложнена недостатком материалов гидрогеологической разведки и нехваткой существующих артезианских скважин для водоснабжения городских и сельских поселений, то во второй – проблемы возникают главным образом из-за значительных объемов изъятия запасов разведанных месторождений подземных вод питьевого качества и отсутствия крупных групповых водозаборов из поверхностных водных источников.

Заключение. Предлагаемый авторами подход и описанная в тексте методика выделения региональных систем ВП способствуют научному пониманию территориальной организации водопользования в речном бассейне и выступают инструментом оптимизации функционирования водохозяйственного комплекса в целом.

Данный подход апробирован на примере бассейна р. Алей, для которого получены расчетные материалы, позволяющие провести ранжирование водохозяйственных проблем муниципальных образований и наметить основные направления их урегулирования.

Библиографический список

1. Винокуров Ю.И., Малолетко А.М. Рациональное использование и охрана природных ресурсов в бассейне р. Алей // Природные ресурсы бассейна реки Алей, их охрана и рациональное использование: Сборник. – Иркутск, 1980. – С. 3–36.
2. Винокуров Ю.И., Цимбалей Ю.М. Региональная ландшафтная структура Сибири: монография / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вод. и экол. проблем; Мин-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Алт. гос. ун-т», Геогр. фак. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – 95 с.
3. Генеральная схема комплексного использования и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей. Оптимизация природопользования в бассейне р. Алей. – Фондовые материалы ИВЭП СО РАН. – Барнаул, 1986. – 194 с.
4. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Монография. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. – 163 с.
5. Гидрогеология СССР. – Т. XVII. – Кемеровская область и Алтайский край. Западно-Сибирское геологическое управление / под ред. М.А. Кузнецова, О.В. Постникова. – М.: Недра, 1972. – 399 с.
6. Красноярова Б.А. Территориальная организация аграрного природопользования Алтайского края. – Новосибирск: Наука, 1999. – 161 с.
7. Рунова Т.Г., Волкова И.Н., Нефедова Т.Г. Территориальная организация природопользования. – М.: Наука, 1993. – 208 с.
8. The Dublin Principles for Water as Reflected in a Comparative Assessment of Institutional and Legal Arrangements for Integrated Water Resources Management. By Miguel Solanes and Fernando Gonzales-Villareal. TEC Background Paper No. 3, Global Water Partnership, Stockholm, Sweden, 1999.

Горкина Т.И. (Москва)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ[1]

Gorkina T.I.

MODERN PERIOD OF THE DEVELOPMENT OF BANKING SYSTEM IN RUSSIA

Аннотация. *В статье рассмотрен и описан современный этап развития банковской системы РФ. Показана степень концентрации банковского капитала по федеральным округам. Рассмотрены основные тенденции развития российской банковской системы и ее роль в мировой банковской системе.*

Abstract. *The article observes and describes the modern period of the development of banking system in Russia. The degree of concentration of bank capital by federal districts is shown. The main tendencies of the development of Russian banking system and its role in world banking system are observed.*

Ключевые слова: *банковская система, глобализация и интернализация банковской системы, региональная структура банковской системы РФ.*

Key words: *banking system, globalization and internalization of banking system, regional structure of Russian banking system.*

Банковская система (БС) России свою историю ведет с середины XVIII в. За это время она прошла сложный путь, состоящий из следующих этапов. Первый этап – период создания казенных банков (середина XVIII в. – 1860 г.); второй – (1860–1917 гг.) – период развития и совершенствования; третий – формирование новой «социалистической» банковской структуры (1917–1930 гг.); четвертый – функционирование «социалистической» БС (1932–1987 гг.); пятый – развал «социалистической» системы и формирование современной рыночной БС (1988 г. по настоящее время). Во время пятого этапа БС пережила два крупных мировых финансовых кризиса, сильно повлиявших на ее развитие и функционирование. В данной статье будет рассмотрен период, пришедшийся на время после окончания активной фазы мирового финансового кризиса 2008 г.

В ходе финансового кризиса 1998 г. БС России понесла огромные потери, ее активы снизились на 10% от докризисного периода, а собственный капитал банков уменьшился на 20%. Объем совокупных банковских активов БС России соответствовал лишь 10% активов Deutch Bank. По размеру собственного капитала ведущие российские банки среди

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

финансовых институтов мира занимали места где-то между четвертой и восьмой сотней. Такая маломощная БС была не в состоянии поддержать подъем в реальном секторе и удовлетворить спрос на инвестиционные ресурсы. В начале 2000-х гг. предприятия на 85% инвестировались за счет собственных средств, доля банковских кредитов была очень мала – приблизительно 3% в общем объеме основного капитала.

По мнению банкира А. Костина в это время БС выполняла лишь техническую функцию финансового посредника между рынком капитала и производством. Она была не в состоянии стать локомотивом хозяйственного подъема, т.к. не могла регулировать переток из капиталоизбыточных секторов в капиталодефицитные, т.е. не отвечала экономическим потребностям страны. Причины этого следующие: низкий уровень капитализации банков – 90% банков имел капитал менее 10 млн. долл., а треть из них – менее 1 млн. долл.; низкая эффективность управления активами; слабое государственное регулирование не только БС, но и всей экономики в целом; отсутствие платежеспособного спроса на кредитные ресурсы; отсутствие эффективных инвестиционных проектов.

По мере роста реального сектора экономики улучшалось финансовое положение БС за счет увеличения оборотов денежных средств предприятий. Часть этих платежей, особенно зарубежных, проходит через корреспондентские счета, открытые сторонними банками, за счет чего увеличиваются комиссионные доходы БС.

БС с начала 2000-х гг. после прохождения активной фазы кризиса все в большей степени стала приобретать черты развитой системы по сути проводимых операций. Растущие потребности в кредитах вызвали увеличение сети небанковских кредитных учреждений.

БС России, как и в большинстве стран, состоит из Центрального банка (ЦБ), системообразующих и региональных банков, а также небанковских кредитных организаций, к которым относятся брокерские и дилерские фирмы; инвестиционные и пенсионные фонды; лизинговые, страховые и финансовые компании; кассы взаимопомощи и ломбарды. ЦБ является федеральной собственностью, он независим в своей деятельности от правительства, хотя работает в тесной связи с ним, в частности, при разработке экономической политики. ЦБ России образует единую централизованную систему с вертикальной структурой управления. Национальные банки республик являются территориальными учреждениями ЦБ, не имеющие статуса юридического лица. Они не имеют права принимать решения, носящие нормативный характер.

Основными целями, которыми следует ЦБ, стали, во-первых, защита и обеспечение устойчивости рубля как по его покупательной способности, так и его курса по отношению к иностранным валютам, т.е. защита и обеспечение устойчивости денежной системы страны; во-вторых, развитие и укрепление БС и регулирование деятельности кредитных организаций; в-третьих, обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования системы расчетов. На его счетах хранятся средства федерального бюджета, субъектов федерации и государственных внебюджетных фондов. Также он осуществляет выплаты по государственному долгу страны, который в 2011 г. составлял 489 млрд. долл. ЦБ выполняет функции банкира, финансового консультанта и агента правительства РФ.

К началу финансового кризиса 2008 г. БС России характеризовалась следующими чертами. Во-первых, ей была присуща высокая территориальная концентрация – большая часть банков была сосредоточена в Москве. Во-вторых, в БС преобладали мелкие и средние банки, преимущественно универсальные. Практически не была развита сеть специализированных банков, например, ипотечных. В-третьих, кредитование экономики в лице трех агентов – государство, предприниматели и население – по своим объемам далеко отстает от БС ведущих стран. Кредитование населения по существу осуществляет только Сбербанк, а кредитование предприятий занимает сравнительно небольшое место в операциях коммерческих банков. В-четвертых, в соответствии с мировой тенденцией банки увеличили число своих филиалов в России и за рубежом, что позволило работать без посредников. Кроме этого, очень быстро росло число небанковских кредитных учреждений, часто работающие без государственной регистрации и лицензии. За их деятельностью осуществляется слабый контроль как со стороны государства, так и со стороны ЦБ.

БС в период между кризисами все активнее применяла методы работы, характерные для международных финансовых организаций и БС ведущих стран. В 2009 г. предполагалось введение в РФ международной оценки достаточности капитала на основе международных стандартов «Базель-2», но из-за кризиса введение этой системы было отложено на неопределенный срок, тем более, что кризис выявил недостатки этой системы управления банковскими рисками. В России в посткризисный период будет внедряться скорректированная программа «Базель-2» по минимальным требованиям к капиталу банков, осуществлению надзорного процесса и рыночной дисциплины.

В посткризисный период БС России на фоне БС экономически успешных стран выглядела, как видно из таблицы 1, следующим образом. При сравнении с этими странами Россия по ряду относительных показателей, кроме активов БС к ВВП, выглядит достаточно хорошо. По многим показателям она сопоставима с большинством представленных в таблице стран. При сравнении показателей в абсолютных величинах видно отставание БС России от ведущих стран, хотя разрыв между ними постепенно уменьшается. Так, активы БС по сравнению с посткризисным периодом начала 2000-х гг. возросли. Они составляют уже не 10% от уровня Deutsche Bank, а 40% и почти 90% от активов Bank of America, замыкающего десятку крупнейших банков мира [2]

Преодоление кризиса и стабилизация БС в посткризисный период стали возможными благодаря государственному регулированию по рефинансированию банков, а также в какой-то мере и возобновлению притока денежных средств от населения. Отрицательно на БС действует ухудшение качества кредитов, выразившиеся в росте объемов просроченных кредитов как со стороны юридических лиц, так и физических лиц.

В посткризисный период банки с целью получения доходов и покрытия расходов, связанных с текущей деятельностью и покрытием убытков по просроченным кредитам, большую часть своих свободных ресурсов направляли на операции на валютных и фондовых рынках, которые являются в значительной мере ликвидными и волатильными.

Государственная поддержка системообразующих предприятий реального сектора и стабилизация на российском финансовом рынке создали условия для восстановления роста банковских кредитов, что дает банкам возможность увеличить свои доходы, получаемые от кредитования. Активизация деятельности предприятий реального сектора эконо-

Таблица 1

Банковские системы в разных странах мира [5]

Страна	Активы банков по отношению к ВВП, %	Число банков на 100 тыс.чел.	Активы в 5 крупнейших банках, %	Активы в государственных банках, %	Активы в иностранных банках, %
Австралия	155	0,2	77	-	13
Бразилия	105	0,1	71	44	18
Великобритания	607	0,5	68	26	18
Германия	124	2,3	25	32	12
Индия	80	0,01	38	74	7
Италия	204	1,3	66	0,1	18
Канада	195	…	86	-	…
Китай	189	0,02	63	…	…
Россия	75	0,7	48	41	18
США	84	2,1	47	-	…
Франция	368	1,1	87	2	12
Швейцария	548	4,2	67	16	12
Индонезия	47	0,1	50	38	34
Израиль	148	0,2	94	-	3
Нидерланды	469	0,5	84	14	…
Нов. Зеландия	205	0,4	84	3	95
Сингапур	676	3,2	39	-	71
ЮАР	130	0,1	92	-	28

мики дает банкам возможность увеличивать комиссионные доходы, получаемые от обслуживания текущей деятельности этого сектора. На активизацию деятельности банков также влияют и государственные программы по поддержке малого и среднего бизнеса, ипотечного кредитования, сохранению и развитию моногородов на базе промышленных предприятий, создание наукоемких и инновационных предприятий и т.п. Все эти программы, по мнению их разработчиков, будут способствовать выведению РФ на новый технологический уровень, что позволит снизить удельный вес сырьевой экономики. В этом процессе будет возрастать значение БС как основного поставщика заемного капитала для претворения в жизнь этих программ.

ЦБ в целях повышения финансовой устойчивости БС рассматривает вопрос о дополнительной капитализации банков за счет государственных средств. Такое широкое участие государства в банковской деятельности предполагает усиление контроля за банками и ужесточение условий их функционирования. Вливание государственных средств в БС вызвало увеличение доли государства в частных и акционерных банках. Это похоже на национализацию крупнейших банков, но возврата к «банковскому социализму» не будет, т.к. после 2010 г. начался постепенный уход государства из БС. Участие государства в БС может быть эффективным, как это видно на примере Индии и Китая. В Китае 99% банковского сектора является государственным, крупнейшие банки страны входят в первую сотню крупнейших корпораций мира, опережая Газпром и другие ведущие естественные монополии РФ. В Индии в конце 1960-х гг. была создана система государственных банков, что обеспечило рост инвестиций до 10% в год. В Японии в послевоенные годы через государственные банки все накопления населения вкладывались в развитие национальной экономики.

Все предпринимаемые ЦБ и правительством меры дают основание предполагать, что к 2015 г. БС решит проблемы, вызванные финансовым кризисом 2008 г. Ее активы должны возрасти в 2–3 раза по сравнению с 2009 г. Одновременно будут продолжаться мероприятия, направленные на повышение ее конкурентноспособности путем значительных внутренних инноваций. Однако на такой благоприятный прогноз могут повлиять как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним можно отнести рост бюджетных расходов, иногда не всегда обоснованный, что может вызвать перегрев российского финансового рынка. К внешним – ухудшение финансового положения в Еврозоне и т.п. Чтобы удержать финансовое равновесие на российском рынке ЦБ будет вынужден увеличить ставки по кредитам, что негативно отразится на реальном секторе.

В финансовом секторе РФ в 2011 г. было занято 1,9% самодеятельного населения, что значительно меньше, чем в ведущих странам мира (в %): Германии 3,5; США 5,0; Великобритании 4,2; Франции 3,2; Швеции 2,2. В финансовой сфере наблюдается самая высокая в экономике средняя зарплата – 42,4 тыс. руб. при средней по стране в 18,6 тыс. руб. Для сравнения приведем данные по некоторым другим областям. Так, в образовании средняя зарплата составляет 13,3 тыс. руб., в здравоохранении 14,8 тыс. руб., строительстве 18,1 тыс. руб.

Мировой финансовый кризис 2008 г. в значительной степени повлиял на БС. Общее число банков по сравнению с началом кризиса сократилось с 1126 до 958 к середине 2013 г. Общая характеристика БС представлена в таблице 2. Тенденция сокращения банков сохранится и в дальнейшем не только по причине слияния и поглощения, но и в связи с деятельностью ЦБ по совершенствованию, развитию и повышению устойчивости БС. [3]

Несмотря на меры, предпринимаемые банками по расширению своей деятельности в регионах, Москва остается несомненным лидером в банковской сфере, аккумулируя в банках, зарегистрированных и/или имеющих штаб-квартиры на своей территории, основной банковский капитал. После кризиса 1998 г. доля региональных банков стала расти, но этот процесс оказался недолговечным, т.к., преодолев последствия кризиса, московские банки стали активно проникать на локальные рынки. Эта тенденция продолжилась и после кризиса 2008 г. Основные финансовые потоки в виде кредитов как в рублях, так и в иностранной валюте идут через Москву, далеко оставляя за собой второй по значению и величине финансовый центр РФ Санкт-Петербург. При таком развитии ситуации в БС вполне можно предположить, что в ряде регионов, не говоря уж об отдельных центрах, вообще не останется местных банков. Об уникальном положении Москвы в БС России го-

Таблица 2

Основные показатели банковской системы России по федеральным округам в 2013 г.

Округ	Активы кредитных организаций				Кредиты, зарегистрированные в данном регионе			
	Рубли		Иностранная валюта		Рубли		Иностранная валюта	
	млн руб.	в % к итогу	млн руб.	в % к итогу	млн руб.	в % к итогу	млн руб.	в % к итогу
Центральный	34302	87,7	11740	94,0	24501	88,4	8317	95,4
в т.ч. Москва	33855	86,6	11700	93,7	22224	80,2	8300	95,2
Северо-Западный	1159	3,0	324	2,6	732	2,6	185	2,1
в т.ч. СПб	1030	2,6	308	2,5	645	2,3	179	2,0
Южный	243	0,6	15	0,1	176	0,6	7	0,1
Северо-Кавказский	54	0,1	4	X)	35	0,1	1	x)
Приволжский	1366	3,5	115	0,9	927	3,3	54	0,6
Уральский	965	2,5	147	1,2	662	2,4	85	1,0
Сибирский	500	1,3	100	0,8	303	1,1	52	0,6
Дальневосточный	504	1,3	48	0,4	383	1,4	17	0,2
Россия, всего	39093	100,0	12493	100,0	27719	100,0	8718	100,0

x) менее 0,01%.

ворят также и удельные показатели деятельности БС, представленные в таблице 3.

Приведенные удельные показатели были рассчитаны по методике ЦБ. Они отражают положение на российском финансовом рынке. Показатель «банковские активы на 1 банк региона» выражает не только уровень концентрации банковских активов, он характеризует конкретную конкурентную борьбу на общероссийском уровне без учета территориальных границ. Показатель «банковские активы на 100 тыс. чел.» отражает масштаб операций местных банков и степень их ориентации на денежные ресурсы населения. Показатель «банковские активы на 1 млрд. руб. доходов населения» характеризует эффективность использования банками региона его финансовых потоков. При высоком коэффициенте использования это дает возможность проникновения в другие регионы. Показатель «количество банков на 1 млрд. доходов населения» показывает уровень банковской конкуренции. При сравнении этих показателей по федеральным округам видно, какое исключительной положение занимает Москва в БС России. Занимающие второе и третье место Уральский и Дальневосточный округ – финансовые доноры страны с мощ-

Таблица 3

Удельные показатели деятельности банковской системы России по федеральным округам в 2013 г.

Округ	Банковские активы, приходящиеся на 1 банк региона, млн руб./банк	Банковские активы, приходящиеся на 100 тыс. чел., млн. руб.	Банковские активы, приходящиеся на 1 млрд руб. доходов населения, млрд. руб.	Количество банков, приходящихся на 1 млрд доходов населения, ед.
Центральный	60,1	0,90	31	513
в т.ч. Москва	65,6	3,25	68	1012
Северо-Западный	16,6	0,08	4	233
Южный	5,3	0,10	2	460
Северо-Кавказский	1,1	0,01	x)	250
Приволжский	13,0	0,04	2	177
Уральский	21,9	0,07	3	147
Сибирский	9,8	0,02	1	132
Дальневосточный	21,9	0,08	3	115
Россия	40,8	0,27	1	258

x) Менее 0,01 млрд. руб.
Рассчитано по [2, 3].

Таблица 4

Количество банков России по федеральным округам в 2008–2012 гг., ед. [2]

Округ	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Снижение за 2008–2012 гг., %
Центральный	632	621	598	585	572	-13
в т.ч. Москва	555	543	522	514	502	-12
Северо-Западный	81	79	75	71	65	-2
Южный	118	115	113	47	45	-2
Северо-Кавказский	-	-	-	57	56	-1
Приволжский	134	131	125	118	114	-1
Уральский	63	58	54	51	45	-6
Сибирский	68	68	62	56	55	-2
Дальневосточный	40	36	31	27	26	-1
Россия, всего	1136	1108	1058	1012	978	-34

ной добывающей промышленностью – далеко отстают от Москвы.

Для преодоления последствий финансового кризиса происходит ужесточение требований по минимальному размеру уставного капитала, который для банков составляет 180 млн руб., а для кредитных организаций – 90 млн руб. Эти требования приводят или к банкротству банков, или к слиянию и поглощению мелких банков крупными банками. Этот процесс особенно заметен в федеральных округах, хотя наиболее значительное снижение числа банков произошло в Москве. О темпах снижения числа банков в регионах дает представление табл. 4. По мере увеличения ставки уставного капитала все больше банков прекращают свою деятельность. Только в мае-июне 2012 г. прекратили свою деятельность два банка – «Уральский трастовый банк» в Ижевске по причине нарушения законов и «Московский объединенный банк развития» по признакам банкротства. В 2012 г. только 643 банка имели уставной капитал, который соответствует требованиям ЦБ, т.е. меньше 70% зарегистрированных банков. По мнению представителя ЦБ А.Улюкаева практически всю кредитную работу ведут 200 крупных и средних банков. Кредиты банков возросли за 2000–2010 гг. в целом с 30,6 до 595,8 млрд руб., из которых на долю иностранных банков приходилось в 2010 г. 25% [4].

Концентрация банковских активов идет высокими темпами. Активы банков в этот период росли во всех группах, кроме самых мелких. Удельный вес пяти крупнейших банков вырос за два года на 3%. В тоже время произошло снижение долей в других группах банков, что отражено в табл. 5.

Рассмотрим структуру БС по другому показателю – уставному капиталу, доля которого в банковских активах в целом по РФ составляет 40%. По данным таблицы 6, составленной на основе данных ЦБ России, можно сказать, что наиболее быстро и стабильно после финансового кризиса 2008 г. рос удельный вес банков с уставным капиталов в 150–300 млн руб. В других группах рост был или более умеренный, или происходило снижение удельного веса. Особенно сильно снизился удельный вес в группах с уставным капиталом от 3 до 60 млн руб. В 2012 г. только 643 банка из почти тысячи существующих банков имели уставной капитал, соответствующий требованиям ЦБ. Такая концентрация в банковской сфере обусловлена общим экономическим ростом, глобализацией финансовых рынков и дальнейшей интернационализация бизнеса. Объем сделок на международном финансовом рынке постоянно растет, увеличившись с 2003 г. по 2006 г. с 1,3 трлн. долл. до 2 трлн долл. В этом процесс участвует и Россия, хотя по масштабам она далеко отстает от многих стран-участниц финансового рынка. Рост международного сотрудничества необходим для исключения возможностей повторения финансовых кризисов. Усилия международных финансовых организаций направлены на то, чтобы сделать мировую БС менее подверженной как локальным, так и глобальным кризисам, а национальные БС – более эффективными, устойчивыми и прозрачными, минуя риски и барьеры на пути международной банковской деятельности.

В табл. 7 приведены данные о 20 крупнейших банков страны, в которых сосредоточены 87% активов БС. Большинство из них имеют штаб-квартиры в Москве.

Таблица 5

Концентрация активов в банковском секторе России в 2011–2013 гг. [2]

Группа	2011 г.		2013 г.	
	млрд руб.	Доля от итога, %	млрд руб.	Доля от итога, %
Первые 5	16,1	47,7	25,4	50,9
6–20	7,1	20,9	9,5	19,1
21–50	3,9	11,6	5,7	11,5
51–200	4,6	13,7	6,4	13,0
201–500	1,6	4,7	2,2	4,5
Более 501	0,5	0,4	0,5	1,1
Итого	33,8	100,0	49,8	100,0

Таблица 6

Распределение банков по уставному капиталу в 2008–2012 гг, %

Размер уставного капитала	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Свыше 10 млрд руб.	–	–	2,0	2,2	2,2
От 1 до 9,9 млрд руб.	–	–	12,1	13,1	14,6
От 500 до 999 млн руб.	–	–	10,3	10,2	11,7
От 300 до 499 млн руб.	26,6	30,6	33,1	9,7	10,3
От 150 до 299 млн руб.	21,8	22,9	23,8	24,7	26,9
От 60 до 149 млн руб.	18,2	17,5	19,3	21,9	20,3
От 30 до 59 млн руб.	14,2	12,6	11,1	9,7	6,3
От 10 до 29 млн руб.	10,6	8,9	6,7	4,5	4,2
От 3 до 9 млн руб.	5,4	4,6	3,6	2,3	1,8
До 2,9 млн руб.	3,3	2,8	2,5	1,7	1,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 7

Крупнейшие банки России на апрель 2013 г. [6]

Банк	Активы, млрд. руб.	Банк	Активы, млрд. руб.
1. Сбербанк России	14,0	11. Промсвязьбанк	0,7
2. ВТБ	4,4	12. Райффайзенбанк	0,6
3. Газпромбанк	3,2	13. Уралсиб	0,4
4. Россельхозбанк	1,7	14. Транскредитбанк	0,4
5. ВТБ 24	1,6	15. Банк «Санкт-Петербург»	0,4
6. Банк Москвы	1,5	16. АК Барс	0,4
7. Альфа-Банк	1,3	17. МДМ Банк	0,4
8. ЮниКредит Банк	0,8	18. Русский стандарт	0,3
9. Росбанк	0,7	19. Хоум Кредит Банк	0,3
10. Номос-Банк	0,7	20. Московский кредитный банк	0,3

Таблица 8

Размещение банков по городам России, ед. [6]

1. Москва 372	7. Самара 14	13. Волгоград 3
2. Санкт-Петербург 160	8. Краснодар 12	14. Красноярск 3
3. Махачкала 20	9. Нижний Новгород 12	15. Тюмень 3
4. Казань 18	10. Уфа 11	16. Челябинск 2
5. Екатеринбург 16	11. Саратов 8	Всего 674 банка
6. Ростов-на-Дону 16	12. Пермь 4	

Среди банков преобладают коммерческие и акционерные банки. В полной собственности государства остались только Сбербанк и Россельхозбанк и банк ВТБ, активы которого на 75% принадлежат государству. Особое положение занимает Внешэкономбанк, который считается государственной корпорацией и работает не по банковской лицензии, а на основании закона № 82 Федерального законодательства. Размещение банков по ведущим экономическим центрам представлено в табл. 8.

Таблица 9

Индекс концентрации финансовых потоков по федеральным округам в 2011–1013 гг.

Федеральный округ	1.01.2011 г.	1.01.2012 г.	1.01.2013 г.	1.06.2013 г.
Центральный	522	530	532	538
в т.ч. Москва	469	474	477	487
Северо-Западный	63	64	66	66
Южный	42	42	43	43
Северо-Кавказский	51	52	47	45
Приволжский	105	103	100	99
Уральский	46	42	41	41
Сибирский	50	50	50	48
Дальневосточный	24	24	22	22
Россия	100	100	100	100

Для более полной картины размещения БС по территории страны приведем также индекс концентрации финансовых потоков, рассчитанный по методике ЦБ, в табл. 9.

Значение Москвы как единого распределительного финансового центра в последние не только годы, но даже месяцы все усиливается на фоне постоянно снижающихся потоков капитала в других округах. Исключение составляет только Северо-Западный округ, где несколько увеличился финансовый поток, проходящий через Санкт-Петербург. Возможно, это связано с передачей ему части столичных функций.

Такая высокая территориальная концентрация в банковской сфере усиливает процесс формирования, начавшийся после кризиса 1998 г., в стране системы, состоящей из финансовых центров и финансовых «захолустьев». Эти два типа могут соседствовать в границах одного и того же района. Формирование финансовых центров и рынков, охватывающих все крупнейшие районы и центры страны, должно создать «финансовый мост» между ними для свободного перелива капитала для более полного использования ресурсного и экономического потенциала. Однако этому мешает тяготение к Москве как к главному финансовому центру России [1].

В нестабильной бизнес-среде, характерной для России, важна интернализация БС, что будет не просто способствовать успешной работе национальных компаний, а часто станет вопросом выживания их в жестких условиях мирового рынка. Концентрация активов в БС способствуют повышению ее эффективности, качеству работы и т.п. в условиях потенциальной нестабильности мировой экономики.

Успешная интеграция БС России в мировую финансовую систему возможна лишь при учете требований, предъявляемым банкам со стороны международных организаций. В этом случае увеличатся финансовые потоки иностранного капитала в БС России. Это приведет, с одной стороны, к приходу зарубежных банков, которые составят серьезную конкуренцию российским банкам, с другой стороны – в БС страны придут новые финансовые технологии и бизнес-модели, используемые за рубежом. Наибольшие конкурентные преимущества будут иметь универсальные банки, позволяющие удовлетворять запросы самых разных клиентов.

Как уже отмечалось, БС России уже сейчас имеет черты развитой БС, исходя из операций, проводимых ее кредитными учреждениями. Москва, ведущий финансовый центр России, имеет все шансы стать международным финансовым центром, т.к. она имеет все присущие мировым финансовым центрам компоненты (БС с иностранными филиалами, биржи, рынок золота и т.п.). С развитием национальных финансовых центров в других регионах, приведенных в табл. 8, и созданием «финансового моста» между ними, на следующем этапе развития БС Россия может стать, используя свое геополитическое положение, частью трансконтинентального моста между Европой, Азией и Северной Америкой. В случае реализации такого сценария развития финансового рынка РФ образуется финансовое кольцо северного полушария: Токио–Нью-Йорк–Лондон–Франкфурт-на-Майне–Санкт-Петербург–Москва–Ростов-на-Дону–Екатеринбург–Владивосток–Токио.

Библиографический список

1. Горкина Т.И. Финансовая основа современного мирового хозяйства // Экономическая география мирового развития XX век – СПб.: Алетейя, 2003. С. 314–334.
2. Обзор банковского сектора Российской федерации. Аналитические показатели – 2013. № 127. Интернет-версия.
3. Обзор банковского сектора Российской федерации. Аналитические показатели – 2013. № 129. Интернет-версия.
4. Российский статистический ежегодник 2011. – М., 2011.
5. Bank Regulation and Supervision in 180 Countries from 1999-2011. – Cambridge, 2013 – 112 p.
6. www.banki.ru

Каспшицкая Т.В. (Москва)

МЕХАНИЗМЫ СОКРАЩЕНИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРА

Kaspshitskaya T.V.

MACHINES CONTRACTION OF INTRARIGIONAL DIFFERENTIATION ON EXAMPLE KHANTY MANSI AUTONOMY REGION – UGRA

Аннотация. *В статье рассмотрен опыт Швеции, Канады, США для определения основных мероприятий сокращения внутрирегиональной дифференциации. Сделан вывод о том, что для сокращения внутрирегиональных различий муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа–Югра необходима система мероприятий по внедрению инновационных технологий, особенно для преобразования сельской экономики, развитию транспортной инфраструктуры одновременно с информационно-коммуникационными технологиями, модернизации профессионального образования и использованию агломерационных факторов.*

Abstract. *In the present work investigated experience of Sweden, Canada, United States of America for determining base proceeding for contraction of intraregional differentiation. It is concluded that for contraction of intraregional differentiation municipalities of Khanty Mansi autonomy region–Ugra had proceeding system: enrooting innovation techonologyes especially for rural economy; development of through-passage infrastructure concurrent of communicatory techonologyes; modernization of professional education and using conurbation factors.*

Ключевые слова: *Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, внутрирегиональная дифференциация.*
Keywords: *Khanty Mansi autonomy region – Ugra, intraregional differentiation.*

По экспертным оценкам, ежегодные потери Российской Федерации от неэффективной пространственной организации оцениваются в 2,25–3,0% ВВП в год [10]. Слабые связанность и взаимодействие регионов в существующей пространственной конфигурации выражаются в том, что внутри страны возрастает разрыв в темпах роста экономики между отдельными субъектами Федерации. Внутри региональная дифференциация в социально-экономическом развитии муниципальных образований субъекта Российской Федерации разрушает единое экономическое пространство региона.

Изучение дифференциации муниципальных образований субъекта Российской Федерации – очень сложный и неоднозначный вопрос, так как в каждом субъекте РФ на межмуниципальные контрасты развития влияют различные факторы.

В ранее проводимых автором исследованиях эмпирически подтверждена дифференциация в социально-экономическом развитии муниципальных образований в динамично развивающемся Ханты-Мансийском автономном округе – Югра [9].

Выработать единый механизм сокращения внутри региональной дифференциации невозможно, в силу объективных факторов географического расположения. Но изучив положительный зарубежный опыт, возможно найти синергию различных механизмов для сглаживания внутри региональных различий муниципальных образований отдельно рассматриваемого субъекта Российской Федерации. Для исследования зарубежного опыта

автором выбраны развитые страны, стабильно развивающиеся длительное время: Швеция, США, Канада.

Для успешного социально-экономического развития любой страны важно развивать такие сферы, как инновации, образование и сельское хозяйство.

Развитие сельского хозяйства прослеживается в приоритетах развитых стран. В Швеции развитие сельского хозяйства ориентировано на внутреннее потребление. За счет собственного производства Швеция удовлетворяет 85–90% своих потребностей в продовольствии [4]. Развитие сельского хозяйства в стране осложнено природно-географическим положением и затратным характером в сравнении с более южными странами, поэтому особое внимание уделяется применению новых технологий в механизации труда, повышению продуктивности основного поголовья и повышению урожайности сельскохозяйственных культур за счет активного использования удобрений.

Аграрная политика шведского правительства включает в себя:

- оказание помощи фермерам в северной части Швеции (субсидирование для поддержания приемлемого уровня цен);
- предоставление субсидий молодым фермерам;
- субсидирование сельскохозяйственных предприятий в менее престижных районах;
- материальную поддержку фермеров, активно участвующих в мероприятиях по охране окружающей среды и сохранению сельского ландшафта [1].

Аграрный комплекс в Соединенных Штатах Америки также занимает одно из приоритетных мест в государственной политике на протяжении многих лет, потому что обеспечивает стратегический приоритет – продовольственную безопасность страны [5]. Многолетняя практика стимулирования аграрного сектора в США показывает, что без нее мелким семейным фермерским хозяйствам просто не выжить. Поэтому Правительство США активно работало над совершенствованием стимулирующих мер в аграрной сфере экономики страны. Уже в 1990-е гг. фермер США получал компенсационные выплаты при падении рыночных цен на отдельные виды продукции. Особое внимание властей сконцентрировано на поддержке мелких ферм в связи с тем, что пришло осознание того, что семейные фермы являются не только важной составляющей сельского производства, но и основной составляющей сельского сообщества. Для развития сельских территорий США была реализована программа предпринимательских зон, куда могли войти сообщества с высоким уровнем бедности. Механизм стимулирования состоял во введении в этих зонах льготных режимов налогообложения, запрет на некоторые правовые нормы в области трудового и экономического законодательства, устранение ограничений на минимальную заработную плату [5].

Аграрная политика Канады основана на государственном регулировании сельских районов путем реализации комплекса региональных программ в области сельскохозяйственного развития и социального регулирования [6]. Основные направления аграрной политики в Канаде реализуются в формах регулирования производства и сбыта сельхозпродукции, развития производственной и социальной инфраструктуры, регулирования инвестиционного процесса, стимулирования инноваций, развития сельских районов, стимулирования экспорта продукции и аграрного протекционизма. Используются следующие инструменты воздействия на аграрный сектор:

- стабилизация цен и установления квот на производимую продукцию;
- страхование урожая;
- кредитование фермеров;
- кредитование инноваций и другие меры.

Участие правительства Канады в регулировании аграрного рынка страны по сравнению с США принимает бо́льшие масштабы: программа поддержки цен включает более широкий набор сельскохозяйственной продукции и имеет высокий уровень поддержки [6].

Зарубежный опыт подтверждает, что успешное развитие сельскохозяйственного производства, сохранение сельского ландшафта и фермерского уклада жизни населения зависят от активных мер государственного регулирования.

Образование – важная составляющая в социально-экономическом развитии каждой страны. В Швеции образованию населения уделяется особое внимание: жители страны занимаются образованием и самообразова-

нием на протяжении всей своей жизни. Правительство Швеции акцентирует внимание в образовательных программах шведских школ на профессиональную ориентацию учеников. В средней школе ученики должны иметь от 6 до 10 недель практики по профессиональной ориентации [3]. Особое внимание уделяется образованию взрослых граждан Швеции, которое в последние годы ориентировано на учет спроса местного рынка труда. В высших образовательных учреждениях существуют учебные программы, нацеленные на местные потребности и условия [3]. Образование взрослых стало активно расширяться с конца 1960-х гг., поэтому для реализации этих целей был введен взнос с фонда оплаты труда предпринимателей.

Шведская модель образования предусматривает получение качественного образования на всей территории всей страны. Институты образования гибко ориентированы на внутренние потребности рынка труда, возможна реализация индивидуальных программ обучения в любом регионе страны, что особенно ценно для социально-экономической ситуации в регионах для реализации политики полной занятости населения.

Американская модель образования включает в себя профессиональную подготовку рабочей силы как в государственных институтах образования (формальная система профессионального образования), так и в частных учебных центрах, а также подготовку кадров на рабочих местах. В 1980–х гг. была поставлена задача оснащения школ компьютерами и эффективного их использования. Профессиональная подготовка кадров рабочих профессий проводится в старших классах средней школы и затем продолжается в специализированных учреждениях образования. Специальные программы профессионального обучения в средней школе ориентированы на выбор будущей конкретной профессии (различные технические специальности, дизайн, медицина, бизнес и др.) и развивают навыки, необходимые в повседневной жизни (домоводство, промышленные и сельскохозяйственные навыки). Крупные частные компании понимают, что без подготовки кадров для своих нужд невозможно эффективно работать, поэтому особое внимание уделяется подготовке и переподготовки кадров – как в частных учебных центрах компании, так и на своих рабочих местах. Комплексный подход к профессиональному образованию и переподготовке кадров позволяет сохранять баланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда развитых стран.

Зарубежный опыт показывает, что правительства развитых стран принимают активное участие в таких важных сферах экономики, как сельское хозяйство, образование, путем использования различных финансовых инструментов с учетом специфики своей страны. Зарубежный опыт невозможно полностью реализовать в Российской Федерации, так как существуют специфические особенности развития, но отдельные инструменты, регулирующие важные сферы экономики, нужно использовать в отечественной региональной политике.

Для сокращения внутрирегиональных различий муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры необходима разработка системы мероприятий.

Учитывая, что в автономном округе основная форма расселения – населенные пункты с численность населения от 20 тыс. чел. до 50 тыс. чел., необходимо использовать агломерационные факторы в муниципальных районах и городских округах автономного округа как механизм создания единого экономического пространства, снижения нормативных правовых барьеров на экономически объединенных территориях, в пределах транспортной доступности.

Необходима модернизация профессионального образования в муниципальных образованиях автономного округа с учетом потребностей рынка труда территории; внедрение в систему общего образования начальной профориентации в выпускных классах.

Требуется развитие транспортной инфраструктуры одновременно с информационно-коммуникационными технологиями, внедрение аутсорсинга в муниципалитетах, что позволит повысить транспортную доступность, грузовой обмен, мобильность бизнес-сообщества и развитие малого и среднего предпринимательства.

Необходимо внедрять инновационные технологии, особенно для преобразования сельской экономики, что позволит более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, проводить активную политику развития сельского хозяйства в муниципальных образованиях в соответствии с климатическими условиями.

Данный набор конкретных мер позволит сгладить внутрирегиональные различия и сформировать единое экономическое пространство для бизнеса, укрепить внутрирегиональные связи, повысить качество жизни местного сообщества. Приоритет инновационного развития сельской экономики позволит обеспечить продовольственную безопасность населения Ханты-Мансийского автономного округа.

Агломерирование городских округов и муниципальных районов автономного округа в настоящем исследовании трактуется как создание периферийных агломераций внутри Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Агломерирование городских округов и муниципальных районов автономного округа в зоне транспортной доступности позволит интенсифицировать производственные, трудовые, культурно-бытовые и рекреационные связи, создать концентрацию промышленного производства и трудовых ресурсов.

Создание сети агломераций внутри автономного округа откроет новые возможности для ведения бизнеса, предпринимательства, снимет отдельные барьеры в доступе к земельным ресурсам и инфраструктуре муниципальных образований, входящих в агломерацию. Необходимо использовать агломерационный эффект для распространения инноваций на территории муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югра предлагаем провести агломерирование городских округов и муниципальных районов в одной зоне транспортной доступности (табл. 1).

Агломерирование муниципальных образований автономного округа подразумевает формирование единых нормативных правовых актов, регулирующих деятельность малого и среднего бизнеса, рынка жилья, рынка труда, кредитных организаций, учреждений социальной сферы, органов местного самоуправления [14]. Кроме того, агломерации будут способствовать внутрирегиональной полицентричности, многополярности развития территории автономного округа [14]. Важное значение для дальнейшего развития имеет единая финансово-экономическая политика на территории всей агломерации [12], которая позволит выровнять площадку для ведения бизнеса и даст возможность обучения местного сообщества муниципальных образований автономного округа.

Правовая самостоятельность городских и сельских поселений внутри муниципального района автономного округа ведет за собой принятие самостоятельных нормативных правовых актов, регулирующих земельные, имущественные отношения, различные правила и регламенты. Это повлияло на утрату целостности экономического пространства территории муниципальных районов автономного округа, сказалось на развитии малого и среднего предпринимательства. Межмуниципальное сотрудничество в рамках отдельной агломерации позволит уменьшить правовые барьеры, отрегулировать земельно-имущественные отношения, усилить хозяйственные связи.

Для реализации агломерирования городских округов и муниципальных районов автономного округа необходимо внести изменения в федеральный закон № 131-ФЗ в части передачи полномочий по земельным и имущественным вопросам от городских и сельских поселений на уровень муниципального района [7]. Это позволит муниципальным районам совместного с городскими округами выстроить единое правовое поле в части регулирования земельных и имущественных отношений, снять правовые барьеры для ведения бизнеса в единой агломерированной территории автономного округа. Агломерирование муниципальных районов и городских округов необходимо для дальнейшего развития их внутриагломерационного экономического пространства. Городские округа автономного округа более развиты в социально-экономическом плане, поэтому при выравнивании правового поля сработает процесс диффузии инноваций, которые распространятся на остальную территорию муниципальных районов.

Для усиления агломерационного эффекта необходимо регулярное обновление и строительство качественных автомобильных дорог на территории автономного округа, «чем большей пропускной способностью они обладают, тем более регулярно, круглогодично, работают, тем лучше условия для проявления агломерационного эффекта» [14].

Важная задача, которую необходимо решить органам исполнительной власти автономного округа в ближайшее время, – это модернизация профессионального образования в

Таблица 1

Агломерирование муниципальных районов и городских округов Ханты-Мансийского автономного округа – Югра

№	Муниципальные районы	Городские округа	Расстояние, км
1	Кондинский район (административный центр – пгт.Междуреченский)	г.Урай	120
2	Советский район (административный центр – пгт.Советский)	г.Югорск	30
3	Нижневартовский район (административный центр – г.Нижневартоск)	г.Лангепас	100
		г.Мегион	30
		г.Покачи	164
		г.Радужный	
		г.Нижневартовск	–
4	Сургутский район (административный центр – г.Сургут)	г.Сургут	–
		г.Когалым	239
5	Ханты-Мансийский район (административный центр – г.Ханты-Мансийск)	г.Ханты – Мансийск	–
6	Нефтеюганский район - (административный центр – г.Нефтеюгаск)	г.Нефтеюгнск	–
		г.Пыть-Ях	52
7	Октябрьский район – (административный центр – пгт.Октябрьское)	г.Нягань	50 нет дороги круглогодичного действия
8	Белоярский район (административный центр – г.Белоярский)	–	–
9	Березовский район (административный центр – пгт. Березово)	–	–

муниципальных районах. Очень важно, чтобы каждый житель автономного округа «получил образование, выходящее за рамки средней школы» [16]. Для решения этой задачи «важно развивать систему общедоступных техникумов и окружных колледжей» [16]. Не каждый сельский житель автономного округа ввиду финансовых, социально-психологических и других ограничений имеет возможность обучаться вдали от своего места жительства.

В настоящее время в автономном округе функционирует сеть профессиональных образовательных учреждений различного звена. Основная доля учебных заведений расположена в крупных городах автономного округа (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Ханты-Мансийск). Для дальнейшего социально-экономического развития «повышение квалификации трудоспособного населения становится единственно правильным способом что-либо предпринять» [15]. Поэтому ставится задача местных властей обеспечить доступность профессионального образования, тем самым повысить уровень образованности трудовых ресурсов для вовлечения их в экономическую жизнь территории. Создание оптимальной системы колледжей в автономном округе позволит решить проблему диспропорции спроса и предложения, сложившуюся на рынке труда. Учитывая масштабы территории и сложную транспортную схему автономного округа, предлагаем в муниципальных районах открыть центры общественного обучения при библиотеках, прикрепленные к близлежащим профессиональным учебным заведениям для дистанционного обучения граждан, которые не могут выезжать за пределы своего населенного пункта. Модернизация профессионального образования муниципального района заключается в формировании специализированных программ обучения, университетских исследований, направленных на решение проблем ведущей отрасли автономного округа, на преодоление многолетних диспропорций в подготовке кадров [14].

Правительство Российской Федерации предпринимает усилия по поддержке малого и среднего бизнеса. Но предпринимательская активность населения, особенно сельских территорий, очень низкая. Это связано с низкой образованностью трудоспособного населения, опасениями начинать собственный бизнес и др. «Для малого предпринимательства характерна нехватка формального экономического образования» [15]. Для повышения предпринимательской активности населения в ближайшем будущем необходимо дополнить образовательные программы

старших выпускных классов общеобразовательных средних школ основами экономики, предпринимательства для обучения навыкам организации и ведения самостоятельного бизнеса. Нужно готовить выпускников сельских школ к самостоятельной организации собственного дела. Для повышения активности трудоспособного населения старшего возраста необходимо повышать доступность бизнес-инкубаторов в муниципальных районах автономного округа, активизировать информационные услуги для граждан по организации бизнеса. Кроме того, необходима совместная работа центров занятости населения, профессионального учебного заведения и работодателей автономного округа для согласования спроса и предложения рабочей силы на рынке труда автономного округа.

Для социально-экономического развития территории важное значение имеет транспортная инфраструктура, от которой зависят производственные, хозяйственные связи, товарообмен, внутренняя миграция населения и другие социально-экономические связи. Например, создание в Соединенных Штатах системы шоссейных дорог сгладило многие региональные различия, облегчив передислокацию компаний в регионы с низкой стоимостью рабочей силы [16]. Это было сделано в рамках целевой программы по развитию Национальной системы шоссейных дорог между штатами [11].

На сегодняшний день транспортный каркас Ханты-Мансийского автономного округа недостаточно развит для эффективного перемещения грузов и населения. Для перспективного развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югра необходимо завершить создание транспортного каркаса и разветвленной сети автомобильных дорог внутри автономного округа. Для реализации этого положения необходимо дать финансовый приоритет сфере строительства автомобильных дорог, частично за счет частных инвестиций в создание платных участков автомобильных дорог на трассах федерального и регионального значения, например: Ханты-Мансийск – Нефтеюганск – Сургут – Тюмень, Сургут–Нижневартовск, Ханты-Мансийск – Урай – Междуреченский – Нижняя Тавда.

Не менее важное значение в социально-экономическом развитии автономного округа имеет информационно-коммуникационная инфраструктура, которая обеспечит доступ и миграцию передового опыта в муниципальные районы автономного округа. Общие информационно-коммуникационные стандарты создают равные условия для ведения бизнеса и хозяйственной деятельности.

Для создания единого информационного пространства на территории автономного округа предлагается за счет средств бюджета автономного округа в рамках целевой программы «Информационное общество Югры на долгосрочный период» обеспечить прокладку оптоволокна с достаточной пропускной способностью на всей территории автономного округа для обеспечения высокоскоростным интернетом муниципальных районов. В небольших населенных пунктах автономного округа предлагается ввести субсидирование по возмещению выпадающих доходов организаций, предоставляющих доступ в интернет по тарифам городских округов, в связи с ограниченным количеством потребителей услуг.

Создание доступной информационной среды является одной из важных составляющих успешного социально-экономического развития как автономного округа в целом, так и его отдаленных территорий. Развитие внешнего аутсорсинга видится автором в сфере разработок инновационной технологии производств, а также технологической поддержки связей местного бизнес-сообщества, в том числе предприятий сельскохозяйственной специализации, с крупными специализированными ресурсными компаниями. Развитие внутреннего аутсорсинга возможно нефтяными компаниями, крупными лесопромышленными организациями автономного округа. Развитие транспортной и информационной сетевой инфраструктуры автономного округа необходимо для объединения экономического пространства, снятия барьеров для бизнес-сообщества и сокращения различий в социально-экономическом развитии муниципальных образований автономного округа.

Инновационное преобразование сельской экономики является основным механизмом устойчивого развития сельскохозяйственных территорий. Под инновационным преобразованием сельской экономики муниципальных образований понимается комплексное развитие территории с тесным сотрудничеством сельскохозяйственного производства и интеллектуального капитала в сельскохозяйственной отрасли, использование сельскохозяйственными производителями инно-

вационных технологий для более высокой производительности труда и производства продукции высокого качества.

Формирование в сельском хозяйстве современной инновационной среды включает в себя внедрение ресурсных и энергосберегающих технологий; использование инновационных подходов к управлению агропромышленным комплексом; стимулирование участия сельскохозяйственного бизнеса в научных экспериментах. Кроме того, необходимо стимулировать спрос сельхозпроизводителей на уже существующие инновации (удобрения, оборудование, высокопроизводительную технику и другие ресурсы) [8].

Сельское хозяйство пока не привлекает частного инвестора по ряду причин: оно часто не является прибыльным видом деятельности, имеет сезонный характер и набор определенных рисков, не зависящих от качества ведения данного хозяйства. Поэтому инновационное преобразование сельской экономики возможно начать только при мощном бюджетном участии.

Во-первых, необходимо провести популяризацию сельского образа жизни среди молодежи и активизировать профессиональное обучение трудовых ресурсов сельским навыкам и компетенциям за счет бюджетных средств.

Во-вторых, активизировать строительство новой инфраструктуры на селе так как существующая инфраструктура, сохранившаяся с 1950–1970-х гг. устарела физически и морально [2].

В-третьих, необходимо приобретение и создание современных инновационных технологий сельскохозяйственного производства [17].

В-четвертых, необходимо поддерживать развитие малого предпринимательства на селе и развитие агротуризма.

Кроме вышеназванных мер, необходимо создать систему страхования рисков, возникающих в сельском хозяйстве. Это мероприятие позволит снизить риски и обеспечить определенную стабильность [8]. Нужно поощрять долгосрочные вложения в повышение квалификации работников, инновации и материальные активы путем налоговых стимулов для организаций и компаний.

Социально-экономическая внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований субъекта Российской Федерации может быть сглажена в результате внедрения этих механизмов в региональную политику субъекта Российской Федерации.

Библиографический список

1. Агропромышленный комплекс Швеции и его техническая база. Сост. А.М. Ганелин – М.: ВНИИТЭИагропром, 1991. – 94 с.
2. Василенко С.А. Развитие АПК муниципального района: экономический аспект / Дисс. … канд. экон. наук. – Воронеж, 2007. – 188 с.
3. Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. – М.: Мысль, 1991. – 189 с.
4. Герчикова И.Н. Экономика Швеции. – М.: Изд-во «Межд. отношения», 1963. – 285 с.
5. Государственная экономическая политика США: современные тенденции / Институт США и Канады РАН. – М.: Наука, 2002. – 348 с.
6. Государство и экономика Канады. Отв. ред. Л. А. Баграмов.– М.: Наука, 1986. – 317 с.
7. Закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «О местном самоуправлении в Российской Федерации».
8. Карпусь Н.П. Совершенство направлений и механизма стимулирование инновационной активности агробизнеса в регионах России // Региональная политика: теория и практика. – 2011. – № 7 (190). – С. 19–24.
9. Каспшицкая Т.В. Внутрирегиональная дифференциация в социально-экономическом развитии городских округов и муниципальных районов в динамично развивающемся субъекте Российской Федерации (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) (рукопись). – М., 2013. – 17 с.
10. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации [Электронный ресурс] – www.minregion.ru./openFile.ashv/razv.doc?AttachID=184
11. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 2003. – 368 с.
12. Любовный В.Я. Городские агломерации России: проблемы развития и регулирования // Проблемы развития агломераций России. – М.: КРАСАНД, 2009. С. 17–33.
13. Мильнер Б.З. Рецензия: Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. – М.: ИНФРА-М, 2008. –352 с. // Вопросы экономики. 2009. № 1. – С. 152–154.
14. Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: URSS, 2009. –544 с.
15. Портер М. Конкуренция. – М. [и др.]: Вильямс, 2005. – 602 с.
16. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. – М.: АСТ Хранитель, 2006. – 603 с.
17. Шевченко И.В., Воронина Л.А., Александрова Е.Н. Роль инновационной системы вуза в модернизации экономики российского региона (на примере Краснодарского края) // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 1 (184). – С. 2–6.

Рязанов В.А. (Москва)

ПАССАЖИРОПОТОК АЭРОПОРТОВ РОССИИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РЕГИОНОВ СТРАНЫ

Ryazanov V.A.

PASSENGER AIR TRAFFIC OF RUSSIAN REGIONAL AIRPORTS AS AN INDICATOR OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS

Аннотация. *Статья посвящена современному состояние региональных пассажирских авиаперевозок в России и исследованию, которое было проведено с использованием инструментария Центра экономического моделирования и прогнозирования IT-компании «Прогноз». В рамках исследования были построены регрессионные эконометрические модели и сделан прогноз динамики пассажиропотоков с использованием региональных прогнозов компании и логистических трендов. Исследование позволяет уверенно говорить о пассажиропотоке аэропортов как надежном индикаторе социально-экономического состояния регионов страны.*

Abstract. *The article is devoted to present state of regional passenger air transportation in Russia and to the research that was performed with the use of tools of Center of economic modeling and forecasting of IT Company Prognoz. During the research regression econometric models were created and the forecast of passenger traffic via regional airports was composed using Company's regional forecasts and logistic curves. The research statistically confirmed that passenger air traffic is a correct indicator of socio-economic situation in a region.*

Статья посвящена современному состояние региональных пассажирских авиаперевозок в России и исследованию, которое было проведено по материалам открытых источников с использованием инструментария Центра экономического моделирования и прогнозирования российской IT-компании «Прогноз». В рамках исследования проводился анализ динамики пассажиропотоков крупнейших аэропортов России (по 60 из более чем 100 ныне существующих). Для семи пилотных аэропортов (городов Екатеринбург, Волгоград, Анапа, Барнаул, Волгоград, Чита, Магадан и Владивосток) были построены регрессионные эконометрические модели и сделан прогноз динамики пассажиропотоков до 2014 г. с использованием региональных прогнозов компании, а также до 2025 г. с помощью построения тренда на основе логистической кривой. Последний позволяет оценить потенциал возможного роста пассажиропотоков при сохранении текущих тенденций. Исследование показало тесную связь пассажиропотоков с социально-экономическим развитием соответствующих регионов.

Актуальность. Развитие пассажирских авиаперевозок отражает экономическое развитие и благополучие того или иного территориального сообщества – страны, региона или города. Транспортная подвижность людей, их вовлеченность в экономические и информационные связи с внешним миром служат мерилом не только качества жизни, но и того положения, которое сообщество занимает в более сложной социально-экономической системе, будь то страна или мир в целом.

Использование математических методов в региональных исследованиях имеет богатую традицию, однако наиболее известными среди них являются методы геометрические (штандорты, определение сбытовых зон, оптимальной структуры сетевых объектов, моделирование транспортных потоков, диффузии инноваций и другие). С развитием вычислительной техники в 1950-е гг. эти методы приобрели большую популярность [3], однако с 1970-х гг. интерес к ним заметно уменьшился и сейчас их использование является редкостью. Между тем, в экономической науке применение математических методов на протяжении многих десятилетий является обязательным компонентом практически любого исследования. Это эффективный инструмент выявления тех или иных закономерностей развития экономических систем, в том числе в региональной экономике.

Математическим методам анализа авиационных перевозок посвящено большое количество различных исследований и публикаций, однако они касаются преимущественно прикладных вопросов, связанных с коммерческой эффективностью деятельности авиаперевозчиков. Сравнение динамики социально-экономического развития и динамики пассажир-

ских авиаперевозок проводится обычно лишь на страновом уровне, в качестве факторов рассматриваются душевой ВВП, либо среднедушевые доходы населения [4].

Косвенные индикаторы социально-экономического состояния отдельных территорий (автомобилизация, пользование интернетом, покрытие территории сотовой связью и др.) широко используются в географических исследованиях [5]. Это позволяет восполнить пробелы монетарного учета благосостояния населения и попытаться оценить материальную составляющую качества жизни. Пассажиропотоки аэропортов в качестве такого индикатора в недавних географических исследованиях не рассматривались. Между тем, для авиационного бизнеса (авиакомпаний и операторов аэропортов) анализ и прогнозирование спроса на авиаперевозки имеют решающее значение для производственного и финансового планирования.

Динамика пассажирских авиаперевозок. Первые регулярные пассажирские авиарейсы начались в России, как и в других странах мира, в начале 1920-х гг., однако в силу ряда причин авиаперевозки долго не могли стать услугой массового спроса. Если в США они приобрели этот статус уже в 1950-е гг., а в Западной Европе в 1960-е, то в России эра массовой авиации началась лишь в середине 1970-х гг., причем при активных стимулирующих мерах государства. «Аэрофлот» получал топливо и новые самолеты по фиксированным плановым ценам, что позволяло устанавливать достаточно низкие тарифы. В отличие от зарубежных авиакомпаний [1], которые сравнительно поздно оценили преимущества дотирования региональных перевозок для общего увеличения пассажиропотока, «Аэрофлот» всесторонне поддерживал немагистральные авиаперевозки. Это обеспечивало высокий пассажиропоток и делало авиационный транспорт доступным и удобным даже для жителей небольших и удаленных городов. Пассажирские аэропорты были построены практически во всех региональных центрах, вторых городах областей, а также в значимых промышленных центрах. Советская авиационная промышленность до начала 1980-х гг. играла существенную роль в мире и производила практически весь спектр самолетов разной дальности и вместимости.

Экономический кризис начала 1990-х гг. и разделение «Аэрофлота» на отдельные региональные авиакомпании, возникшие на базе бывших авиаотрядов монополии, привело к резкому снижению объема авиаперевозок и коренному изменению маршрутной сети, к сокращению значимости внутренних рейсов и повышению роли международных. С переходом к рыночным отношениям резко выросла зависимость объема авиаперевозок от социально-экономического состояния городов и регионов. Доступная централизованная статистика по объемам авиаперевозок через отдельные аэропорты представлена с 1995–1996 гг. Она собирается Росстатом, Транспортной клиринговой палатой и Ассоциацией «Аэропорт». Данные публикуются Ассоциацией, а также отдельными аэропортами. Публичная статистика охватывает практически все крупные аэропорты страны [7].

В отличие от экономики страны в целом, которая испытала сильный спад в первые пореформенные годы, объемы авиаперевозок продолжали сокращаться вплоть до начала 2000-х годов, а затем начали расти темпами опережающими рост экономики. Динамика падения пассажиропотока (1996–2000 гг.) позволяет выявить островки региональной стабильности 1990-х гг., среди которых курортные Сочи и Анапа, Норильск, Новый Уренгой и некоторые другие нефтегазовые города, включая Южно-Сахалинск, а также Екатеринбург и Казань, Калининград и Санкт-Петербург.

Первый период экономического роста (2000–2004 гг.), хотя и был инициирован ростом цен на нефть, вынес на гребень конъюнктурной волны далеко не только нефтяные регионы. Лидерами деловой активности в те годы были и металлургические, и машиностроительные, и портовые регионы. Вперед вырвались Новосибирск, Краснодар, Владивосток, Красноярск, Пермь, Архангельск, Томск. Аэропорт Кемерово за четыре года увеличил пассажиропоток в 2,5 раза, хотя рекорды роста в те годы ставили и многие малые аэропорты, где в 1990-е гг. авиаперевозки практически прекратились и в дальнейшем начали стремительно расти с низкой базы. Бум авиаперевозок отражал и небывалый подъем деловой активности, который сочетал еще остающийся перестроечный оптимизм с конъюнктурными успехами. Для многих регионов развитие аэропортов, создание «континентальных хабов» становилось символом их успешного будущего. В авиации эти годы – «золотой век» региональных авиакомпаний (бывших авиаотрядов советского «Аэрофлота»), которые в полной мере использовали преимущества ограниче-

ния конкуренции в «домашних» аэропортах, сравнительно низкую стоимостью топлива и стремительно выросший спрос на деловые и туристические авиаперелеты.

С либерализацией внутреннего рынка и удорожанием нефти ситуация коренным образом изменилась. Ряды лидеров роста в 2004–2008 гг. пополнили аэропорты многих нефтегазовых регионов (Уфа, Пермь, Нарьян-Мар, Волгоград, Астрахань, Оренбург, Самара), а также отстающие из предыдущей волны – Мурманск и Челябинск. Характерно, что островки стабильности 1990-х при стремительном росте цен на нефть уже не показывали выдающихся темпов роста. Потолок количественного роста, видимо, уже был ими достигнут ранее, а для качественного нужна иная структура занятости и экономики. Показателен пример детского города-курорта Анапы, пассажиропоток которого, согласно проведенным исследованиям, крайне зависим от состояния нефтяной и, особенно, металлургической отрасли страны, поскольку организованный летний купально-пляжный отдых детей сохраняется как часть социальной реальности в первую очередь в сырьевых моногородах.

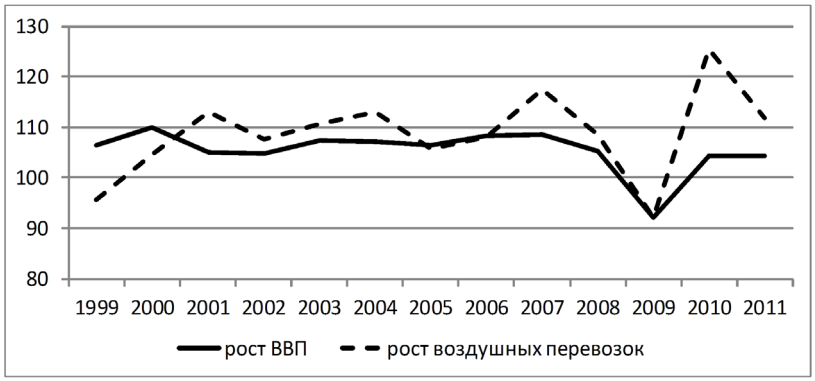
Аэропорты этих городов наиболее болезненно пережили кризис 2008–2009 гг., пассажиропоток там сокращался на 30% и более и до сих пор не восстановился. В более крупных нефтяных и металлургических столицах ситуация была менее драматичной, однако Самара, Уфа, Казань, Нижний Новгород, Саратов, Волгоград, Пермь, Челябинск, Оренбург и Сыктывкар из лидеров роста перешли в категорию «хорошистов» падения. Крайне болезненным кризис оказался для Екатеринбурга и Новосибирска, двух крупнейших региональных субцентров с двумя крупнейшими нестоличными аэропортами, но они быстро оправились от него.

Современное состояние авиаперевозок в России. Подведем краткие итоги развития пассажирских авиаперевозок за два десятилетия. Их динамика на протяжении последних десяти лет опережает темпы роста ВВП (рис. 1), что лишний раз говорит о слабом насыщении спроса и большом потенциале роста авиаперевозок в стране. Аналогичную динамику в 1990-х показывали такие стремительно развивавшиеся страны как Бразилия и Турция, а также Германия, где, как и в России, важным фактором роста международных авиаперевозок стало падение «железного занавеса» [4].

Международные авиаперевозки в России растут намного быстрее внутренних, и их доля в общем объеме за последние десять лет выросла с 50 до 60%. Международный авиационный траффик России является эндогенным: россияне летают за рубеж намного чаще, чем иностранцы в Россию. Только на туристические чартерные рейсы приходится около четверти всех международных авиаперевозок в стране. При этом на долю Москвы и Санкт-Петербурга все еще приходится 78% всех международных авиаперевозок, хотя прямые зарубежные рейсы все активнее открываются и из региональных аэропортов. Более трети всех зарубежных перевозок российских авиакомпаний приходится на три туристских направления (Турция, Египет, Таиланд) [8].

Внутренние перевозки еще более «москвоцентричны», чем международные, доля Москвы и Санкт-Петербурга здесь составляет 82%, а на прямые рейсы между другими городами страны приходится всего 18%. Наибольший пассажиропоток (более 1 млн пассажиров) в 2011 г. был на линиях из Москвы в Краснодар, Сочи, Екатеринбург. Показательна доля Москвы в российском пассажиропотоке региональных аэропортов. У сибирских и дальневосточных аэропортов она составляет около 50%, тогда как у аэропортов Урала и других регионов Европейской России около двух третей. Среди крупных аэропортов печальное лидерство по этому показателю, которое свидетельствует о неразвитости сети маршрутов, держат Волгоград (95%), Ростов-на-Дону (89%), Пермь, Челябинск, Казань и Минводы (более 80%). В Сибири непривычно большую долю московского направления имеет не выполняющий каких-либо межрегиональных функций Омск (76%) [7, 8].

Крупнейшие маршруты собственно региональных перевозок находятся в зоне Севера и на Дальнем Востоке. Это Хабаровск–Южно-Сахалинск (0,18 млн), Тюмень–Салехард, Владивосток–Южно-Сахалинск, Красноярск – Норильск. Для местных аэропортов эти перевозки имеют большое значение; в Южно-Сахалинске и Салехарде их доля в общем пассажиропотоке составляет 40%, в Норильске – четверть. Примерно четверть составляет доля Санкт-Петербурга и во внутренних перевозках Калининграда и Архангельска, где северной столице непросто конкурировать с Москвой. Позиции нестоличных регионов сильны только в авиационном бизнесе. Круп-



нейшие независимые исходно региональные авиакомпании (новосибирская «Сибирь», тюменский «ЮТэйр» и екатеринбургские «Уральские авиалинии») перевозят около 20% всех пассажиров в России и около 40% пассажиров внутренних рейсов, причем их доля на рынке растет. Они располагают третью всех магистральных воздушных судов в России.

Большинство же региональных авиакомпаний, символов местной «самости» начала 2000-х гг., либо исчезли, либо были куплены. В 2008–2011 гг. прекратили деятельность «домашние» авиакомпании аэропортов Красноярска, Самары, Омска, Калининграда, Махачкалы, Минеральных Вод, Хабаровска, Волгограда. Лидерами роста пассажиропотока, помимо двух столиц, являются Екатеринбург и Новосибирск, а также Красноярск, Хабаровск, Владивосток (не в последнюю очередь за счет приготовлений к саммиту АТЭС 2012 г.), Краснодар, Казань и Нижнекамск, Астрахань и Архангельск, Омск и Ростов. Деловая активность и связанные с ней авиаперевозки концентрируется не просто в крупнейших городах страны, а в тех из них, где максимальным является платежеспособный потребительский спрос, где за двадцать лет сформировалась сервисная, нересурсная экономика с присущей ей высокой транспортной подвижностью людей. «Просыпаются» и некоторые долго «дремавшие» города, например, в Ставрополе пассажиропоток за три послекризисных года увеличился вдвое.

Анализ и прогнозирование пассажиропотоков. Региональные различия в авиационной подвижности людей в России крайне велики. При этом центр-периферийная модель авиаперевозок как растущей, рыночной услуги не в полной мере объясняет соотношение темпов роста и уровня условной транспортной подвижности населения. Согласно модели, чем дальше от целевого, зрелого уровня, тем выше темпы роста, а чем ближе к нему, тем они ниже. Для большинства регионов страны, где была возможность выполнить такой анализ [7, 9], модель работает и общий тренд укладывается в классическую кривую обратной пропорциональности. Однако аэропорты некоторых городов оказываются существенно ниже даже такого тренда – подвижность населения там все еще не очень велика, но темпы ее роста уже упали. Это Челябинск и Иркутск, бедные и малопривлекательные для инвесторов Чита, Барнаул и Благовещенск. Однако основной массив «отстающих» формируют аэропорты городов Урало-Поволжья.

Официальная экономическая статистика здесь далеко не всегда фиксирует то замедление деловой активности, которое отражает пассажиропоток аэропортов. Так, например, Башкирия, Саратовская и Оренбургская области оправились от кризиса, если судить по динамике ВРП, куда быстрее, чем Россия в целом, однако пассажиропоток их аэропортов пока свидетельствует об обратном. Статистика аэропортов Волгограда, Самары и Перми не противоречит данным Росстата. Бурный рост пассажиропотока аэропортов Татарстана вполне соотносится с хорошими экономическими показателями региона, а вот в Астраханской области число пассажиров растет вопреки официальной статистике, которая, похоже, слабо учитывает местные экономические и социальные реалии [10].

Причины поволжской депрессии известны. Стагнирующие нефтедобыча и нефтепереработка, неконкурентоспособные машинострои-

ительные предприятия, которые государство «выручало» в кризис, не лучшая база для экономического роста. Информационная шумиха вокруг Тольятти, жителей которого предлагали спасать от безработицы путем переселения в другие города [6], превратила Поволжье из региона возможностей в регион проблем, не очень привлекательный для инвесторов.

Между тем, именно объем инвестиций в основной капитал – ключевой выявленный нами фактор регрессионных моделей, который влияет на пассажиропоток большинства российских аэропортов, причем как крупных (аэропорт Екатеринбурга Кольцово), так и сравнительно небольших (аэропорт Барнаула «Михайловка»). Однако если в первом аэропорте от этого фактора статистически зависит около половины пассажиропотока, то во втором – три четверти. Это согласуется с мнением авиационных экспертов, что в мире в среднем на долю деловых пассажиров приходится около 70% всех перевозок, хотя очевидно, что для стран с разным уровнем жизни этот показатель заметно различается [2].

Примерно такой же статистический вклад инвестиций (причем инвестиций накопленных) в пассажиропоток аэропорта Волгограда «Гумрак», который в послекризисные годы быстро отреагировал на отсутствие в области новых инвестиционных проектов. Найти традиционные полюса промышленного роста в этом регионе трудно – поднять нефтедобычу на старых месторождениях непросто, металлургия не оправилась от кризиса, химические предприятия фактически дорабатывают ресурс оборудования, некогда сильное машиностроение давно легло на бок. Не является Волгоград и межрегиональным центром, единственный тяготеющий к нему сосед – слабая Калмыкия. Однако, похожий на него по всем позициям Омск и кризис пережил легче и развивается динамичнее. То ли дело в большем удалении сибирского города от Москвы, то ли в специфике всего Урало-Поволжья, которое на протяжении индустриального столетия с середины XIX до середины XX в. было на острие экономического роста, но с тех пор отошло на вторые и третьи роли.

Логистический тренд позволяет оценить долгосрочный потенциал роста показателя, ту величину, которой он может достигнуть, если принципиально ничего не изменится. Напомним, что логистическая кривая описывается выражением:

$$P(t) = \frac{KPo\ \exp rt}{K + Po(\exp rt - 1)}$$

Здесь P – пассажиропоток, t – натуральный ряд, Po, K и r – параметры кривой. Ключевым из них является K, поскольку он определяет предел роста показателя. Как показало исследование, размер аэропорта играет здесь второстепенную роль; и в маленькой Чите и в большом Екатеринбурге пассажиропоток может вырасти в полтора раза. Во Владивостоке при нынешней динамике он вырастет более, чем вдвое. В Барнауле и Волгограде при отсутствии позитивных изменений пассажиропоток, наоборот, стабилизируется на величине, которая меньше нынешних показателей. Впрочем, даже чемпионам роста вряд ли удастся сильно сократить отставание от лидеров по подвижности населения, даже если в эту гонку не будут вмешиваться демографические факторы. Приморский край при сохранении нынешних тенденций когда-нибудь сможет обойти нынешний Санкт-Петербург с областью, а вот Свердловской области сделать это не удастся, аэропорт Кольцово вытянет коэффициент подвижности населения лишь на уровень нынешнего Хабаровского края и некоторых северных городов. Забайкальский край с аэропортом Читы Кадала и вовсе сможет обогнать разве что нынешних аутсайдеров, даже если будет привлекать в полтора раза больше пассажиров, чем сейчас.

Малые аэропорты Европейской России. Особенно сложная ситуация в тех регионах, аэропорты которых не попали в исследование из-за того, что публичной статистики об их деятельности нет. Пассажиропоток этих аэропортов (а их десятки) минимален, маршрутная сеть ограничивается Москвой и, изредка, Санкт-Петербургом и Сочи, а перспективы связаны с желанием (или нежеланием) авиакомпаний дотировать убыточные рейсы. Авиакомпаний, которые специализируются именно на этом бизнесе, в Европейской России всего две – «Ак Барс» и «Руслайн». Покрывать убытки от региональных рейсов за счет увеличения загрузки магистральных, как это делают крупные авиаперевозчики в США и Западной Европе, они не могут. Магистральным же авиакомпаниям в России региональные рейсы малоинтересны. Это превращает их в дорогую премиальную услугу, транспортная подвижность жителей регионов, в массе своей регионов весьма небогатых, остается низ-

кой. Как показывает, например, опыт Кирова, даже большая численность населения и отсутствие поблизости аэропортов-конкурентов не гарантируют развитие авиаперевозок в регионе при низком платежеспособном спросе и слабой деловой активности. Кировский аэропорт «Победилово» обслуживает регион, где живут более 1,4 млн человек, но на порядок уступает аэропортам «Бегишево» и «Оренбург», хинтерланды которых примерно такие же. Причина в социально-экономическом состоянии регионов: в Кировской области за 1995–2010 гг. валовой региональный продукт увеличился лишь на 20%, тогда как ее южные соседи за те же годы почти удвоили ВРП. Но, главное, Татарстан и Оренбургская область привлекают инвестиции, тогда как Вятку инвесторы пока обходят стороной.

В то же время, практически все региональные центры Европейской России с малыми аэропортами находятся в зоне тяготения более крупных международных авиаузлов регионов-соседей, которыми пользуются платежеспособные пассажиры. Местные власти редко устраивает такая ситуация и они прилагают все усилия к тому, чтобы «локализовать» пассажиропоток в своих границах. Однако для развития авиаперевозок и повышения их финансовой доступности как услуги стоило бы поступить наоборот – максимально упростить, а если нужно, то и организовать специальное автобусное сообщение до ближайшего крупного, пусть даже и «чужого» аэропорта с приемлемыми тарифами. Развивать же местные терминалы целесообразно только тогда, когда спрос на авиаперевозки станет массовым. Примерно по такой модели развивался аэропорт Бегишево в Татарстане, который выживает и динамично растет в окружении трех гораздо более крупных конкурентов, по такой же модели развивается аэропорт Ставрополя.

Однако в большинстве случаев региональные власти не только отказываются учитывать изменившиеся с советских времен условия, не стремятся «подключаться» к объективно более развитым узлам, но еще и конкурируют друг с другом. Так, с аэропортом Казани заведомо бесперспективно «борются» аэропорты Йошкар-Олы и Чебоксар, с аэропортом Минвод воздушные ворота Нальчика, Владикавказа и Назрани, а в Черноземье со слабым аэропортом Воронежа конкурируют сразу пятеро соседей в Белгороде, Старом Осколе, Липецке, Тамбове и Курске. Сделай местные региональные власти ставку на один аэропорт, в районе с населением в 7 млн. человек авиационная подвижность населения не была бы одной из самых низких в стране.

Основные выводы. Россия остается страной с опережающими темпами роста авиационных перевозок, спрос на них остается далеким от насыщения. Темпы роста пассажиропотоков региональных аэропортов хорошо отражают динамику местного социально-экономического развития. Ключевым выявленным статистически значимым фактором, который определяет пассажиропотоки аэропортов, является объем инвестиций в основной капитал. Уровень авиационной подвижности населения в регионах страны отличается на порядок, до 2025 г. различия между регионами сгладятся, но останутся существенными. Среди старо-освоенных районов наиболее слабую динамику в последние годы демонстрирует Урало-Поволжье, что связано со структурными социально-экономическими проблемами территории. Регионам Европейской России с низкой авиационной подвижностью населения полезна кооперация для концентрации перевозок в крупных аэропортах и снижения тарифов.

Библиографический список

1. «Аэрофлот» приземлил «Росавиа» // Эксперт. – 2010. – № 5.
2. Борисов Ф. Портрет регионального пассажира // Авиатранспортное обозрение. – 2012. – № 134.
3. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966.
4. Комаристый Е.Н. Информационно-модельный комплекс для исследования рынка гражданских авиаперевозок. – Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2006.
5. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. – М.: Новый Хронограф, 2009.
6. Шергина Н. Проще простоя // Огонек. – 2010. – 1 марта.
7. http://www.airport.org.ru/ap.xls Статистика авиаперевозок
8. http://www.ato.ru/files/attached_materials/ obzor-rynka-aviaperevozok-bukalova.pdf_Букалова М.В. Обзор рынка авиаперевозок РФ, 2012.
9. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2011-2012.xls Численность постоянного населения регионов России на начало 2012 года.
10. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/din98-10.xls Динамика ВРП регионов России.

Смирнов И.П., Фомкина А.А. (Тверь)

СРЕДНИЕ ГОРОДА В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Smirnov I.P., Fomkina A.A.

MIDDLE CITIES ARE IN THE SYSTEM OF SETTLEMENT TO CENTRAL RUSSIA

Аннотация. *Статья посвящена роли средних городов в системе расселения Центральной России. Проанализирована урбанистическая структура нестоличных регионов Центральной России и ее изменения за последний межпереписной период. Рассмотрена реализация функции контроля территории городами разных типов.*

Abstract. *The article is devoted to the role of medium-sized cities in the settlement system of Central Russia. The urbanistic structure of regions of the Central Russia and its changes during the last inter-census period were analyzed. The realization of control functions for various types of urban areas was analyzed.*

Ключевые слова: *урбанистическая структура, средние города, система расселения, Центральная Россия, субцентр, экономические микрорайоны.*

Keywords: *urbanistic structure, medium-sized cities, settlement system, Central Russia, sub-centers, economic districts.*

В классической художественной литературе часто встречается словосочетание «город N». В таком городе можно было встретить гоголевского ревизора или влюбиться в тургеневскую девушку. Утаивание названия города можно объяснить не только и не столько желанием конфиденциальности, сколько намерением подчеркнуть сходство города N с другими городами и показать, что ситуация, описанная для данного населенного пункта, типична для других городов. В нашем случае город N – это средний город Центральной России. Типичные его свойства не ограничиваются лишь численностью населения, позволяющей относить поселение к этой категории. У большинства средних городов схожие функции, схожая социально-экономическая ситуация, схожие проблемы и перспективы. Центральная Россия (ЦР) в данном случае рассматривается в границах Центрального федерального округа.

Средние города выступают звеньями опорного каркаса расселения для огромной территории страны. Они занимают промежуточное положение между крупными и малыми городами, являясь проводниками урбанизации, обслуживая население и хозяйство окружающей территории. По мнению Н.А. Луневой [3], именно эта категория городов выступает в роли опорных центров региональных систем расселения и, соответственно, они являются ядрами экономического, демографического, социального и культурного тяготения окружающей территории.

В Центральной России половина средних городов имеет статус исторических поселений, являясь тем самым центрами духовности, традиций, народных промыслов и ремесел, оставаясь наряду с малыми городами «оплотом» того, что в последнее время обозначают словосочетанием «культурный код» русского народа. При этом, несмотря на большое значение исторического наследия, средние города во многих регионах имеют важные функции промышленных центров. Экономическая база этой категории городов более дифференцирована по сравнению с малыми, в основном это многофункциональные центры с преобладанием машиностроения. Наиболее четкий портрет экономического состояния средних городов России принадлежит Н.В. Зубаревич [1], она выделяет несколько общих черт, характерных для этой категории городов: сохранившаяся промышленная специализация и, как следствие, высокая индустриальная занятость, большая доля бюджетников, слабо развитый малый бизнес. Страна «работяг» или «синих воротничков», «вторая Россия» – так Н.В. Зубаревич определяет жителей средних городов.

Центральная Россия – самый освоенный и заселенный регион нашей страны. На территории ЦР находится 229 городов, более половины которых относятся к категории малых. Лидерами по количеству городов являются Владимирская (23), Тверская (23), Калужская (22) области. Средних городов на территории ЦР – 27, в них проживает каж-

дый восьмой житель изучаемой территории. Средние города играют важную роль в системе расселения всех областей ЦР, восполняя своими функциями недостаток больших городов. На каждый средний город приходится приблизительно по 6 малых.

В исследовании рассматриваются 27 городов, из которых 20 относятся к средним по общепринятой классификации – их людность по данным переписи 2010 г. находится в пределах от 50 до 100 тыс. чел. В группу средних отнесены также 7 городов, численность населения которых в недавнем прошлом превышала 50 тыс. чел., но в настоящий момент ниже этой отметки. При этом их роль в обслуживании населения и поддержании окружающей территории осталась прежней [4]. Именно поэтому они включены в исследование и рассматриваются в качестве средних. Очевидно, что Московский регион требует специального изучения, поэтому города Московской области в данной работе не рассматриваются. Объектом исследования являются средние города нестоличных регионов Центральной России. Следует также отметить, что в данном исследовании города с населением свыше 100 тыс. чел. не подвергаются дифференциации по размеру и носят общее название «больших».

В динамике численности населения, несмотря на общую положительную динамику, можно четко выделить два временных периода. Первый – с 1970 г. по 1989 г., когда большинство городов увеличивали свою людность. На этом общем фоне выделяются 2 города – г. Вичуга (Ивановская обл.) и г. Вышний Волочек (Тверская обл.), которые имеют давние потери населения – с 1970 г. и 1979 г. соответственно. Второй период – с 1989 г. по 2010 г., когда у большинства городов прослеживается противоположная тенденция. Так, лишь у трех городов в рассматриваемый период показатели динамики численности населения имеют положительные значения. Это города Губкин, Россошь, Донской. В Донском отмечено резкое увеличение численности населения после присоединения в 2005 г. города Северо-Задонска. У двух городов – Лиски и Железногорска – рост численности населения продолжался до 2002 г. Причем в Железногорске население увеличилось по сравнению с 1970 г. в 3 раза, что, скорее всего, связано со строительством Михайловского горно-обогатительного комбината.

В общей численности населения городов нестоличных регионов ЦР на 2010 г. преобладают большие города, доля которых с 1970 г. увеличилась. Также отмечается некоторое увеличение доли средних городов – с 11% до 13% (рис. 1). Несмотря на большое число малых городов, их суммарная доля в численности населения городов довольно скромная – всего 11%, и за сорокалетний период она не изменилась. Самые значительные изменения произошли в доле субсредних городов, которая сократилась с 21% в 1970 г. до 13% в 2010 г. При этом число субсредних городов уменьшилось, соответственно, с 68 до 54 (рис. 2). Таким образом, отмечается «размывание» группы субсредних городов.

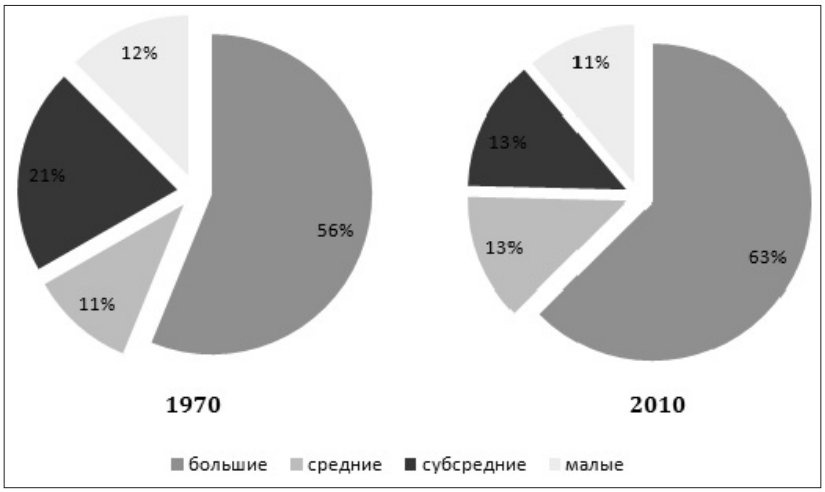


Рис. 1. Доля городов разной людности в численности городского населения нестоличных регионов Центральной России в 1970–2010 гг.

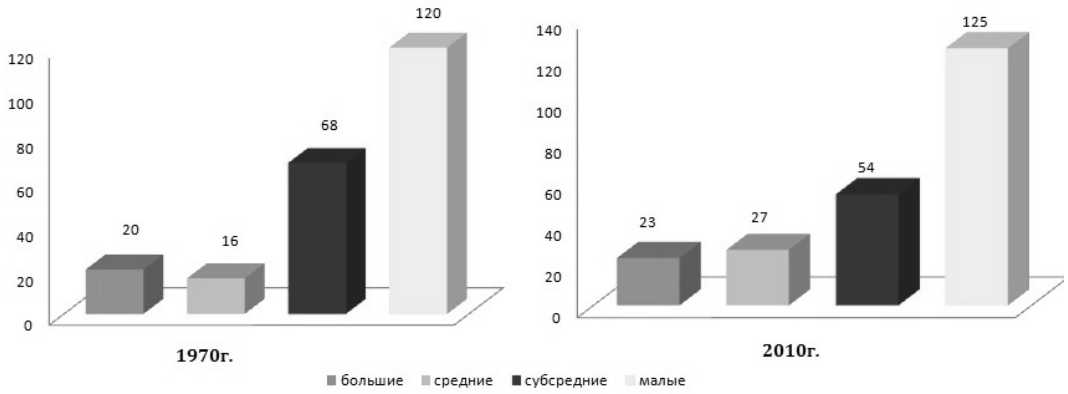


Рис. 2. Число и доля городов разной людности в структуре городской сети нестоличных регионов Центральной России (1970–2010 гг.).

Большая часть населения городов во всех нестоличных регионах Центральной России проживает в городах с людностью более 100 тыс. чел. (рис. 3). Особенно высокой долей больших городов отличаются Ярославская, Липецкая, Орловская, Рязанская области, где 3/4 населения городов проживает в городах людностью более 100 тыс. чел. На общем фоне выделяются области, в структуре населения городов которых велика доля средних городов (24–31%) – Смоленская, Тверская, Тамбовская, Тульская, Ивановская, именно в этих регионах средние города берут на себя роль организаторов территории, обслуживают малые города и сельскую местность, выполняют ряд функций больших городов. Отдельную группу составляют области с высокой долей малых городов в общей численности населения городов (20–22%): Калужская, Костромская, Владимирская и Брянская. Это регионы, где более 2/3 городов относится к категории малых.

Для городского расселения нечерноземных регионов ЦР характерна мелкоселенность, когда в структуре городской сети преобладают малые города. Больше всего малых городов в Калужской (16), Владимирской (15) и Тверской областях (13). Почти во всех черноземных областях наибольшую группу составляют субсредние города – Тамбовская, Липецкая, Воронежская, Белгородская области. Наибольшее количество средних городов отмечается в Смоленской, Тульской, Тверской, Ивановской и Воронежской областях (рис. 4).

Для выявления территорий, подконтрольных средним и субсредним городам, использовано микроэкономическое районирование Е.Е. Лейзеровича [2]. В основе этого дробного социально-экономического районирования лежит объединение муниципальных районов в экономические микрорайоны, базирующееся на пространственных связях между центром и окружающей его территорией, которые, в свою очередь, определялись по конфигурации дорожной сети. Все выделенные экономические микрорайоны являются узловыми, имеют выраженный центр и тяготеющую к нему территорию (рис. 5). Города-центры экономических микрорайонов (ЭМ) выполняют важные функции по обслуживанию и поддержанию окружающих территорий.

Большая часть экономических микрорайонов нестоличных областей возглавляется большими городами. Практически все города людностью от 100 тыс. чел. являются центрами экономических микрорайонов, исключение составляет лишь город Обнинск Калужской области. Под контролем больших городов находится 2/3 населения и почти половина всех муниципальных районов нестоличных областей Центральной России. Средние города также имеют высокий потенциал контроля окружающей территории, каждый третий город данной категории является центром экономического микрорайона. Близость значений средних и субсредних городов позволяет рассматривать эти группы вместе. Две эти категории городов контролируют 46% территории,

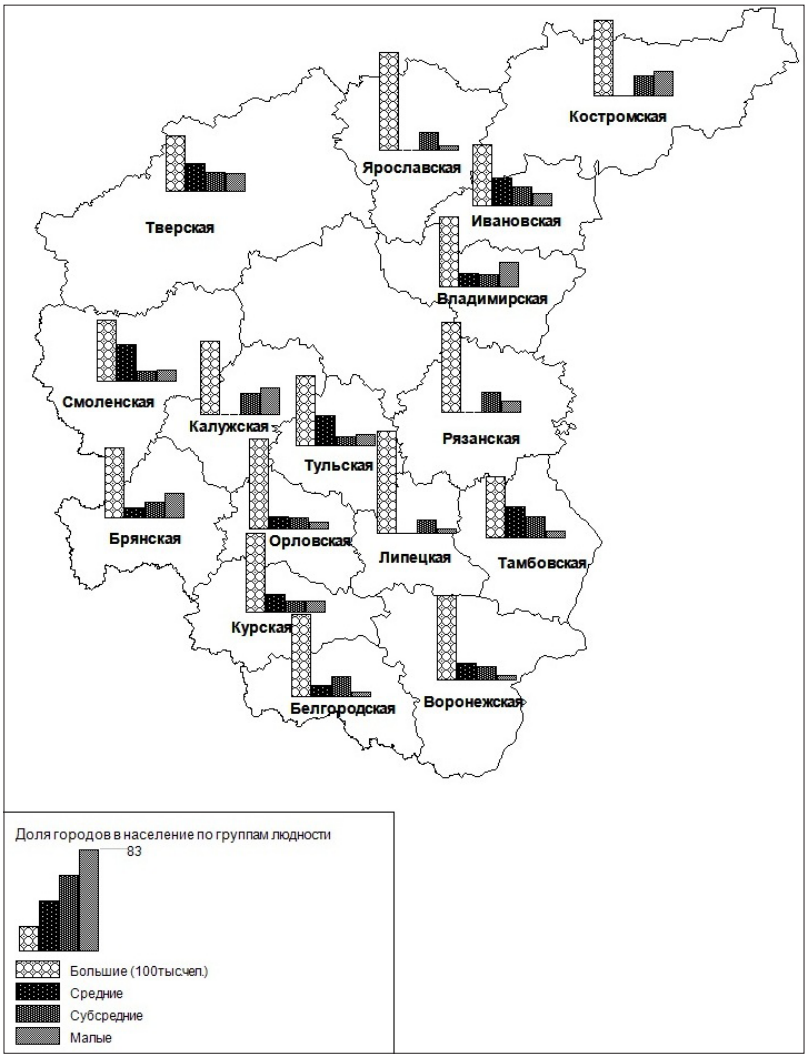


Рис. 3. Доля городов разной людности в общей численности населения городов нестоличных регионов Центральной России (2010 г.)

41% муниципальных районов и 26% населения, что говорит о значительной роли средних и субсредних городов в организации территории (табл. 1).

В среднем, в состав экономических микрорайонов, возглавляемых средними городами, входит от 3 до 6 муниципальных районов. Исключение составляет Гусь-Хрустального ЭМ (Владимирская обл.), в составе которого всего один муниципальный район. В данном исследовании муниципальные районы рассматриваются как единые территориальные образования, включая все административные единицы, попадающие в контур их границ. Максимальное число муниципальных районов в своем составе имеют Вяземский (Смоленская обл.) и Клинцовский (Брянская обл.) ЭМ. Данные наблюдения подтверждают особую роль средних и субсредних городов как внутриобластных центров (рис. 6).

Все регионы Центральной России моноцентричны, так как ни в одной области нет второго города, близкого по размерам к областному центру. Различаются областные системы городов по числу больших, средних, субсредних и малых городов, которые выполняют функции субцентров. В данном исследовании субцентрами считаются города, дублирующие функции областного центра [5]. Анализ функций городов разных типов по организации и контролю территории позволяет разделить регионы Центральной России на три группы (табл. 2).

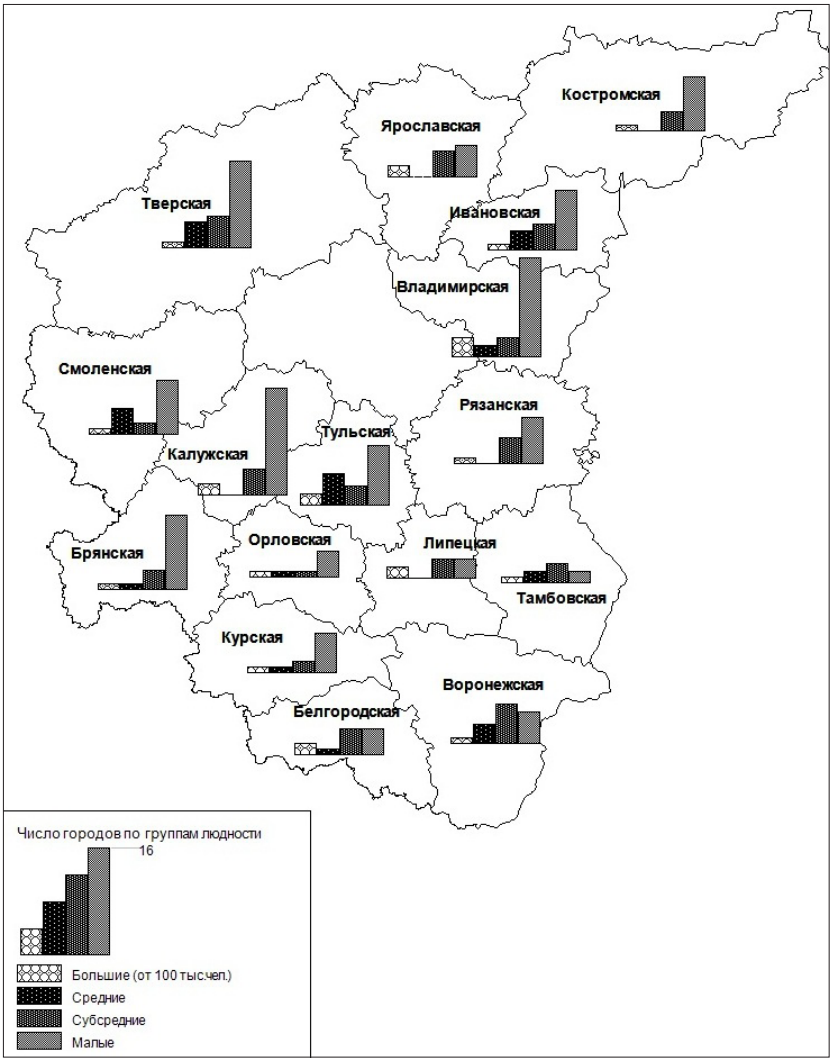


Рис. 4. Структура городской сети нестоличных областей Центральной России по числу городов разных групп людности (2010 г.)

В первую группу вошли области, в системе городского расселения которых роль субцентров выполняют большие города. К этой группе относятся Владимирская, Тульская, Липецкая и Ярославская области. В этих областях большие города вместе с областным центром контролируют большую часть муниципальных районов.

В третью, самую малочисленную группу, вошли регионы, где роль субцентров выполняют малые города. Таких регионов два, причем около половины муниципальных районов в них контролируют областные центры – 46% в Ивановской области и 53% в Орловской.

Проведенное исследование подтверждает значение средних и субсредних городов в системах расселения нестоличных регионов Центральной России. Под их контролем находится 41% муниципальных районов, а там, где нет больших городов, средние и субсредние города выполняют функции субцентров. Именно эти категории городов организуют территорию половины (36) экономических микрорайонов Центра.

Анализ изменений в урбанистической структуре нестоличных регионов Центральной России позволяет говорить о тенденции поляризации городского расселения: увеличивается доля больших городов, а также число и доля малых. Часть средних и субсредних городов теряет население, происходит «размывание» данных групп.

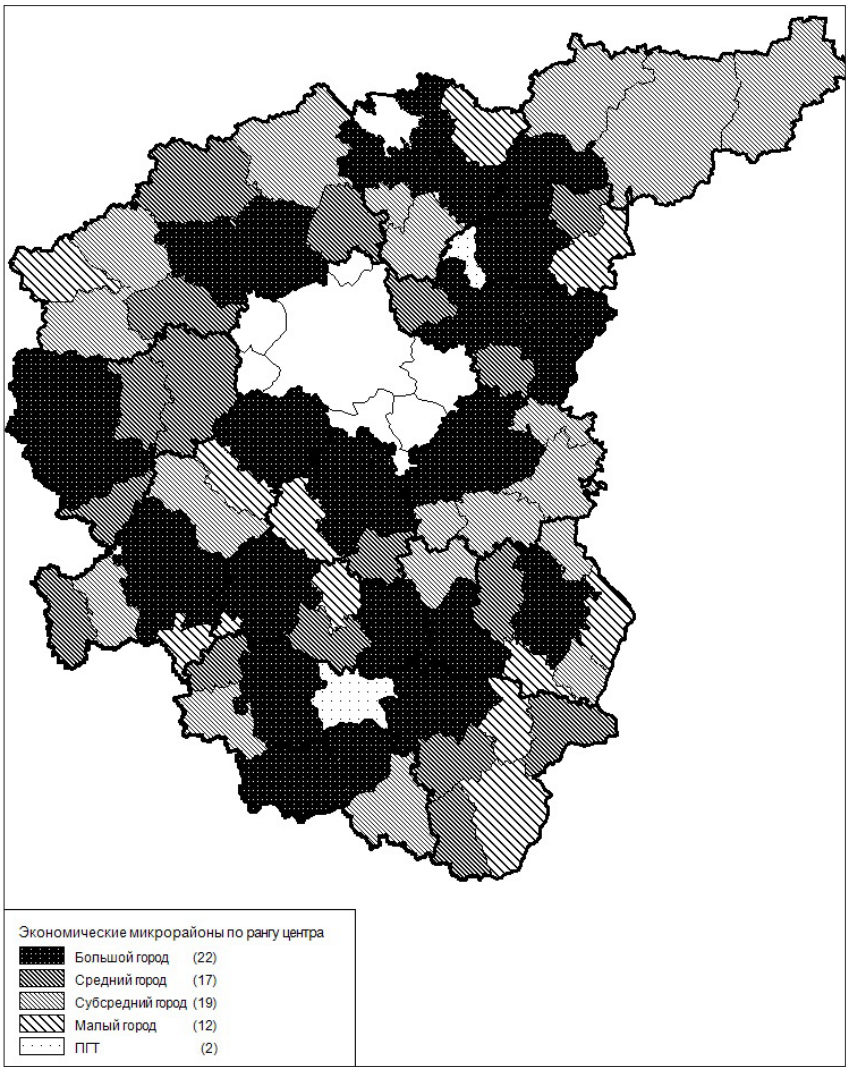


Рис. 5. Распределение экономических микрорайонов нестоличных областей Центральной России по рангу города-центра

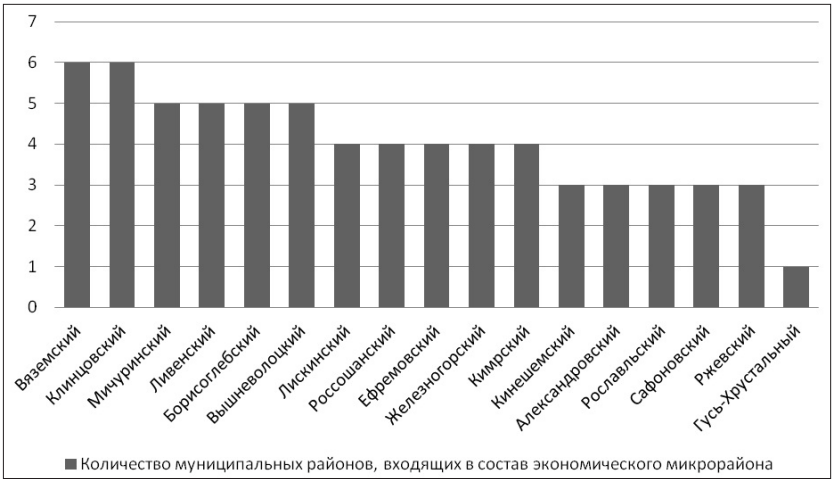


Рис. 6. Группировка возглавляемых средними городами экономических микрорайонов по числу муниципальных районов

Таблица 1

Параметры экономических микрорайонов нестоличных регионов Центральной России, возглавляемых разными типами городов, 2010 г.

Типы городов	Кол-во городов	из них центры ЭМ	Площадь ЭМ, тыс. кв.км.	Доля от площади всех ЭМ, %	Кол-во МР в составе ЭМ	Доля от общего числа МР, %	Население ЭМ, тыс. чел.	Доля от всего населе-ия ЭМ, %
Большие	23	22	245,0	41	173	46	13835,3	70
Средние	27	17	114,7	20	68	18	2742,3	14
Субсредние	54	19	152,9	26	89	23	2243,3	12
Малые	125	12	77,9	13	48	13	859,0	4
Итого	229	70	590,5	100	378	100	19680,0	100

Таблица 2

Контроль территории городами разных типов

Области	Экономические микрорайоны, возглавляемые городами разных типов				Число муниципальных районов, подконтрольных городам:				Всего МР
					большим				
	большими	средними и субсредними	малыми	Всего ЭМ	обл. центру	другим	средними и субсредними	малыми	
Белгородская	2	1	-	3	10	4	7	-	21
Брянская	1	2	1	4	13	-	11	3	27
Владимирская	3	2	-	5	6	6	4	-	16
Воронежская	1	4	1	6	10	-	20	3	33
Ивановская	1	1	1	3	9	-	3	7	19
Калужская	1	1	1	3	12	-	9	4	25
Костромская	1	2	1	4	6	-	10	8	24
Курская	1	2	-	3	11	-	11	-	22
Липецкая	2	1	-	3	6	8	4	-	18
Орловская	1	1	2	4	13	-	5	6	24
Рязанская	1	4	-	5	9	-	16	-	25
Смоленская	1	3	-	4	13	-	12	-	25
Тамбовская	1	3	2	6	6	-	10	7	23
Тверская	1	6	1	8	7	-	27	2	36
Тульская	2	1	1	4	9	5	4	5	23
Ярославская	2	2	1	5	5	5	4	3	17
Всего	22	36	12	70	145	28	157	15	378

В связи с этим важным становится изучение факторов устойчивости средних городов, выявление сильных сторон, которые позволят сохранить средние города как звенья опорного каркаса региональных систем расселения. Представляется, что средние города нуждаются в разработке специальных мер, направленных на поддержание их демографической и экономической устойчивости.

Библиографический список

1. Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. – 2012. – № 1. – С. 55–64.

2. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 14–18.
3. Лунева Н.А. Развитие городской системы расселения Воронежской области за период 1926–1998 гг. // Вестник Воронежского отделения Русского географического общества. – 1999. – Т. 1. Вып. 2. – С. 38–41.
4. Ткаченко А.А., Фомкина А.А., Шаврин В.Н. Районные системы расселения Центральной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. – С. 270–289.
5. Шаврин В.Н. О субцентрах в районных системах расселения // Вестник Тверского государственного университета. Сер. География и геоэкология. – 2013. – № 1(11). – С. 66–75.

Сафронов С.Г. (Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Safronov S.G.

TERRITORIAL STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE MODERN CONFESSIONAL SPACE RUSSIA

Аннотация. *Наиболее явным результатом двух десятилетий «религиозного возрождения» в России стал количественный рост основных конфессий. В статье на основе данных о зарегистрированных религиозных организациях рассматриваются особенности современной территориальной структуры российского конфессионального пространства. Проанализированы факторы, обуславливающие географию общин традиционных религиозных направлений, как тесно связанных с этнокультурными традициями наиболее многочисленных этнических групп, так и относительно новых, обращающихся напрямую к внутреннему миру конкретного человека. Подробно анализируются сдвиги, произошедшие в 2000-х гг. как в целом в религиозной сфере России, так и по отдельным религиозным направлениям. Географические профили дают представление об изменении качественных и количественных характеристик конфессионального пространства в региональном разрезе с запада на восток и с севера на юг. Представлена расселенческая структура основных религиозных объединений и перспективы ее трансформации.*

Abstract. *The most obvious result of two decades of "religious revival" in Russia became the quantitative growth of the major faiths. On the basis of data on registered religious organizations are considered especially modern territorial structure of Russian confessional space. The factors causing the traditional religious communities geography directions as closely related to ethnic and cultural traditions of the most numerous ethnic groups, and relatively new, applying directly to the inner world of the individual. Analyzed in detail shifts that occurred in the 2000s as a whole in the religious sphere in Russia, and for individual religious lines. Geographic profiles gives an overview of the qualitative and quantitative characteristics of the confessional space by regions from east to west and from north to south. The article presents the basic structure of the settlement of religious associations and the prospects for its transformation.*

Ключевые слова: *география религии, география населения, культурная география.*
Keywords: *geography of religion, population geography, cultural geography.*

Постановка проблемы. Религиозное возрождение в России в начале XXI в. неоднозначно понимается разными исследователями. Серьезных эмпирических работ с анализом процессов, происходящих в религиозной сфере России, немного. Социологи обращают внимание на феномен «ситуативной религиозности», проявляющейся в критические и особо важные моменты человеческой жизни [Верю – не верю…, 2012; Лункин, 2013; Старые церкви…, 2000]. Иногда, по аналогии с ситуацией в развитых странах, применительно к функционированию российских религиозных институтов используется выражение «викарная религия». Викарная, или замещающая религия (vicarious religion) – понятие, предложенное английским социологом и религиоведом Грэйс Дэви для характеристики состояния религиозной сферы в постсекулярном обществе. Оно обозначает состояние, при котором большая часть тех, кто относит себя к определенной религиозно-культурной традиции, не участвует активно в жизни религиозных общин, как бы делегируя эту функцию небольшому числу активных верующих и религиозным объединениям. Принадлежность к ним для значительной части населения основывается на теории рационального выбора: когда религиозная община может предложить человеку

значимые социальные услуги или блага, например, увеличить его социальный капитал.

Неоспоримые результаты религиозного возрождения в России, определяемые интенсивным ростом религиозных структур, расширением сети религиозных организаций, возвращением религии в публичную сферу, происходят на фоне дискуссий о современных формах религиозности и квазирелигиозности в постсекулярную эпоху [В окрестностях секулярного, 2013; Кырлежев. 2013]. Все это свидетельствует об усложнении феномена религиозности в современном мире и о невозможности прямолинейных подходов к его интерпретации, восходящих лишь к опыту доиндустриального, в значительной степени традиционалистского общества.

Однако, именно такая ситуация складывается в российской конфессиональной географии, вынужденной наверстывать упущенное в советский период время, инвентаризируя сложившуюся ситуацию. Среди исследований последних двух десятилетий, охвативших всю страну, выделяется опыт картографирования религиозной сферы с разных позиций: фундаментального этноконфессионального, выполненного с энциклопедической тщательностью специалистами АН РФ под руководством П.И. Пучкова [Религии Российской…, www.interfax-religion.ru/map; Религии, 2008; Религии народов России, 2009], и собственно конфессионального, зафиксировавшего существующие религиозные общины [Интерактивная карта…, http://interfax.hitroad.ru/]. Попытки более глубокого описания и осмысления в территориальном разрезе процессов, происходящих в религиозной сфере России, принадлежат опять же социологам и религиоведам [Атлас современной религиозной…, 2011; Двадцать лет религиозной…, 2009; Силантьев, 2008; Малашенко, 1998].

Такого рода работы подводят к постановке вопроса о том, восстанавливается ли дореволюционный конфессиональный «ландшафт», или формируется новое религиозное пространство, в какой степени сдвиги в расселении и распространение современных форм коммуникации размывают традиционные конфессиональные ареалы, делают до этого абстрактную для значительной части населения поликонфессиональность общества повседневной реальностью.

Одна из главных проблем общероссийских исследований – возможность и репрезентативность распространения социологических данных на все регионы России, живущие по сути в разных эпохах, с разной мощностью культурно-религиозного наследия, с разной глубиной и разнообразием традиций даже основных религиозных направлений. Поэтому информационная база для анализа пространственных сдвигов в религиозной сфере ограничена. Сведения о числе зарегистрированных религиозных организаций[1] – один из немногих показателей, позволяющий в целом оценить масштаб трансформации религиозного пространства страны в постсоветский период и его территориальные особенности, а также попытаться сравнить ситуацию в странах бывшего СССР [Safronov, 2013]. Главный недостаток имеющихся данных – их неполнота. Она связана как со спецификой самих религиозных организаций, так и с уровнем толерантности, особенностями институциональной среды в разных регионах России.

Особенно сильные расхождения существуют в регионах, где население традиционно исповедует ислам, и где лояльные по отношению к власти религиозные объединения курируют далеко не все общины.

Закон «О свободе совести…», принятый в 1997 г., выделяет три типа религиозных объединений – религиозная группа, местная религиозная организация и централизованная религиозная организация общероссийского или регионального уровня. Организации – это не только приходские общины, но и образовательные учреждения, братства, монастыри и другие, зарегистрированные органами государственной власти, что позволяет им образовывать юридическое лицо. Достаточно быстро проходят такую регистрацию общины, действующие в рамках уже существующей централизованной российской или региональной религиозной организации, создаваемой при наличии не менее трех местных религиозных организаций одного вероисповедания.

Религиозные группы, не регистрируясь в органах юстиции, лишь уведомляют

[1] Данные об официально зарегистрированных религиозных организациях можно получить из сводных информационных материалов регистрирующего их органа, Министерства юстиции РФ (например, на 31.12.2007 г.: *Аналитический вестник, 2008*) и его территориальных подразделений, и с информационного портала Минюста РФ (*http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx*).

Таблица 1

Зарегистрированные организации основных конфессий в России в 2004–2012 гг.*

Религиозные направления	Доля от общего числа религиозных организаций в 2012 г.		Отношение числа религиозных организаций, %	
	тысяч	%	2008 к 2004 г.	2012 к 2008 г.
Всего	24,6	100,0	105,5	107,7
в том числе				
Русская православная церковь	13,9	56,7	109,2	110,8
Старообрядцы	0,3	1,2	99,6	107,1
Армянская апостольская церковь	0,08	0,3	110,0	116,7
Ислам	4,3	17,6	107,9	113,2
Буддизм	0,2	0,9	104,2	110,5
Иудаизм	0,3	1,1	107,1	96,5
Римско-католическая церковь	0,2	0,9	96,8	94,2
Лютеранство	0,2	0,9	104,1	95,6
Евангельские христиане-баптисты и евангельские христиане	1,5	6,2	95,8	95,2
Адвентисты седьмого дня	0,6	2,4	94,1	96,9
Христиане веры евангельской (пятидесятники), харизматические церкви	1,7	6,9	107,2	102,7
Другие протестантские деноминации	0,8	3,3	96,3	98,5
Другие религиозные направления	0,4	1,6	76,6	88,0

* По данным Министерства юстиции Российской Федерации.

местные власти о своей деятельности и не имеют юридического лица. Часть общин в ряде регионов испытывают сложности с регистрацией, из-за местных неформальных особенностей процедуры рассмотрения представленных ими документов, на фоне невысокой толерантности к «нетрадиционным» религиям.

Период интенсивного количественного роста религиозной сферы России был пройден в 1990-х гг. В течение последнего десятилетия большинство религиозных организаций демонстрировали умеренный рост или стабильную численность (табл. 1). Среднегодовые темпы прироста числа общин в 2008–2012 гг. даже у Русской православной церкви (РПЦ) не превышали 2%, а у взятых в сумме исламских объединений – составляли около 3%.

В региональном разрезе этот тренд стал заметным с середины 2000-х гг., когда темпы прироста числа религиозных организаций в большинстве регионов стали меньше 2%, а на их фоне выделялись регионы двух типов (рис. 1). Во-первых, это некоторые субъекты Центрального Черноземья и Поволжья, куда институциональные инновации доходят позднее и где перерегистрация религиозных организаций в силу местных особенностей несколько задержалась. Во-вторых, это отдаленные регионы Азиатской части страны, где возрождение общин и строительство храмов началось позднее. Умеренные темпы роста, за исключением Чечни и Ингушетии, только начавших оправляться от последствий открытого вооруженного противостояния, были характерны и для исламских регионов. По оценкам экспертов, в настоящее время регистрацией, например, на Северном Кавказе, охвачена меньшая часть религиозных общин [Малашенко, 1998; Современная религиозная…, 2005].

Отрицательная динамика в ряде регионов была связана с наведением порядка в учете и более строгими требованиями к общинам в ходе их перерегистрации после принятия в 1997 г. нового Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», что в первую очередь сказалось на количестве общин протестантских и неденоминированных религиозных организаций.

Высокая плотность религиозных общин, как правило, обусловлена сочетанием трех факторов. Во-первых, староосвоенностью региона и, соответственно, мощностью историко-культурного наследия, в том числе количеством возведенных в разное время храмов. Этот фактор «работает» в первую очередь в православных регионах исторического ядра Русского государства – Владимирской, Ярославской, Рязанской, Костромской областях.

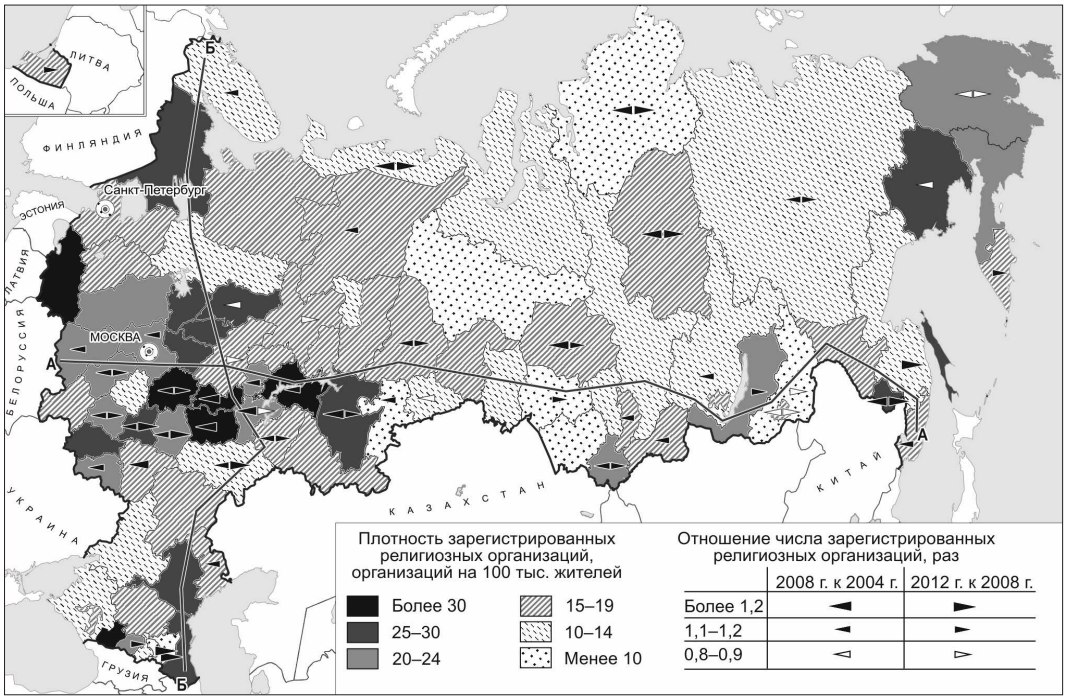


Рис. 1. Плотность действующих религиозных организаций в 2012 г.

Наоборот, относительная молодость значительной части поселений и меньшая укорененность религиозной культуры, объясняют и менее разветвленную сеть религиозных общин в Азиатской части страны.

Значительная плотность религиозных общин в республиках с преобладающим исламским населением в значительной степени обусловлена высокой религиозностью жителей (Татарстан, Башкортостан, республики Северного Кавказа). Как правило, в каждом крупном населенном пункте есть несколько мечетей, вокруг каждой из которых объединяются жители прилегающих кварталов.

В относительно благополучной сельской местности важное значение имеет соотношение густоты сельских населенных пунктов (снп) и их людности. Например, в областях Центрально-Черноземного района и Мордовии их сбалансированности на среднем уровне способствует то, что большинство сохранивших население и элементы традиционной культуры сельских общин стремятся иметь собственный храм. А вот на юге Европейской России крупноселенность, в сочетании с относительно небольшой густотой снп, наоборот, несколько снижают плотность религиозных организаций, увеличивая при этом численность их членов.

Далеко не всегда строительство новых храмов обусловлено лишь перечисленными факторами. В регионах Азиатской России оно продолжается, даже на фоне оттока населения. Это продиктовано как реальным социальным запросом и свидетельствует о «ненасыщенности» социального пространства культовыми объектами (Магаданская и Сахалинская области), так и о новых репрезентативно-идеологических функциях культовых зданий, символически осмысливающих и структурирующих обитаемое пространство на новом историческом этапе.

Структура современного конфессионального пространства России складывается из религиозных организаций трех типов, возраст, генезис которых, социальный состав верующих и потенциальных приверженцев существенно различается. Первый тип – крупные ветви мировых религий, традиционно исповедуемых наиболее многочисленными российскими этносами. Ареалы влияния этих этнорелигий можно уподобить геологическим плитам, границы между которыми не всегда четкие и скорее представляют собой переходные контактные зоны.

Состав православной плиты не ограничивается лишь регионами, ассоциирующимися с эпохой Святой Руси, памятники ко-

торой выступают символами отечественного православия. По числу действующих общин они все сильнее уступают более населенным районам Черноземной полосы, Юга России, Урала. По-прежнему относительно тонок «православный» слой в большинстве регионов Азиатской части страны.

Ислам в России представлен двумя крупными ареалами-эксклавами мусульманского мира, значительно отличающимися по этнокультурным и социальным характеристикам населения, особенностям его расселения, и, как следствие, распространением разных масхабов[2] и степенью сплоченности исламской уммы. Постепенно все более значимым становится третий, «собирательный» ареал ислама – регионы в пределах расширяющихся этноконтактных поясов, в зонах влияния крупных городов, где его носители появились в ходе разных по времени и характеру миграций. Все это отражается на составе мусульманских религиозных общин, за большинством из которых стоят землячества, подчас с трудом контактирующие между собой.

Буддийская плита, имеющая по сравнению с православной и исламской, менее мощную этнокультурную базу, «заходит» в пределы России тремя эксклавами. Поскольку в буддизме среди зарегистрированных организаций преобладает монашеский тип общин, число которых относительно невелико, ее границы лучше всего маркируются районами компактного расселения традиционно исповедующих это вероисповедание народов – бурят, калмыков и тувинцев. Буддийский ритуал не требует повседневного посещения храмов, которые обычно размещаются в монастырях. Поэтому общин-монастырей относительно немного, но они крупные, зона их влияния достаточно широка.

Второй тип – протестантские направления, баптисты и евангельские христиане, адвентисты седьмого дня, уже более ста пятидесяти лет действующие на территории современных постсоветских государств. Эти деноминации исходно были связаны с группами этнических иммигрантов из Центральной и Западной Европы, в разное время в XVIII–XIX вв. прибывших в Россию. Позднее они расширили круг своих приверженцев за счет русскоязычного населения, породив феномен «русского протестантизма», при этом сохранив более жесткое, нежели конфессии первого типа, членство и более высокую внутреннюю солидарность. Русский протестантизм – собирательное понятие, объединяющее разные направления протестантизма (в первую очередь лютеранство, баптизм и евангельское христианство, адвентизм, пятидесятничество), появившиеся в пределах Российской империи, а позднее СССР, во второй половине XVI – первой трети XX в., сформировавшие здесь свою славяноязычную паству и, таким образом, ставшие неотъемлемой частью постсоветского религиозного пространства.

Третий тип – относительно новые для постсоветского пространства религиозные направления, в первую очередь пятидесятнические и харизматические течения, а также недоминированные общины. Это наиболее гибкие и адаптивные конфессии, обращающиеся непосредственно к самому человеку вне зависимости от других его аскриптивных идентичностей. Большинство этих религиозных организаций и групп – общины с преимущественно харизматическим лидерством, жестким членством и высокой степенью автономности.

Пятидесятничество – протестантское течение, возникшее в США начале XX в., появившееся на территории СССР в 1920-х гг. Начало широкого распространение пятидесятников в пределах Российской Федерации связано с репрессиями против них в 1930–1940-х гг. и массовой высылкой в регионы Азиатской части страны. В настоящее время большая часть пятидесятнических общин, выделяющихся своей активной социальной деятельностью, хотя и входят в три крупных общероссийских объединения, достаточно автономны в организационном и финансовом плане.

Харизматическое движение зародилось в 1960–1970-е гг. в среде пятидесятнических церквей США и охватило в первую очередь протестантские деноминации. Оно возникло в результате серии «ревайвелов» – возрождений, которые выражались в различных переживаниях и особом внимании к проявлению «даров Святого Духа» в виде глоссолалии

[2] Масхаб – школы мусульманского права в исламе. В настоящее время в суннизме существует четыре масхаба, различающихся особенностями трактовки текстов Корана и хадисов применительно к сегодняшним реалиям. Самый гибкий и адаптивный, *ханафитский*, распространен среди большинства российских мусульман, в первую очередь в поволжско-уральском регионе, *шафиитский* – на северо-востоке Африки, Йемене, в восточной части российского Северного Кавказа, *маликитский* – в Северной и Западной Африке, а самый жесткий, *ханбалитский*, – в Саудовской Аравии.

(дару молиться и говорить на языках, которых ранее не понимал), пророчеств, исцелений. В СССР распространение общин харизматов началось с середины 1980-х гг. Пятидесятники и харизматы составляют единое направление: их церкви могут или носят собственные названия, или входят в объединения Христин веры евангельской [Лункин, 2013].

В 1990–2000-х гг. сдвиги в территориальной структуре в разной степени были характерны для всех российских конфессий. В православии, где плотность религиозных организаций, как уже отмечалось, связана с особенностями расселения этносов, традиционно его исповедующих, и богатством историко-культурного, в первую очередь архитектурного, наследия, – число храмов не прямо пропорционально численности проживающих в регионах этнических православных (рис. 2). Влияние в пределах России третьего фактора, уровня религиозности, не столь очевидно из-за невысокой реальной религиозности населения. Православные регионы с высоким уровнем религиозности населения после распада СССР остались за пределами России. Плотность общин, например, на Украине, заметно увеличивает конкуренция разных православных объединений, нередко создающих свои приходы в одних и тех же населенных пунктах.

Поэтому плотность общин пока остается максимальной в наиболее крупных, плотно заселенных областях Волжско-Окского междуречья. Здесь, в историческом ядре Русского государства немало немногочисленных и экономически слабых приходов, восстановленных при храмах с богатым прошлым. В то же время, постепенный сдвиг центра тяжести православного пространства в Европейской части страны к югу, вслед за населением, прослеживался в 2000-х гг. уже достаточно четко (табл. 2).

«Мощность» религиозного пространства обуславливает и степень его разнообразия, что очень важно для полнокровного развития большинства культурных феноменов. Разнообразие акцентов в богослужебной практике и организации повседневной жизни приходов, препятствует монополизации, обеспечивает человеку даже в рамках одного религиозного направления, выбор наиболее близкой ему среды общения. В регионах относительно нового освоения религиозные традиции, как и все другие стороны жизни, беднее, а альтернатив у верующего даже в рамках православной традиции меньше.

Это серьезная проблема для Азиатской части страны, где по мере продвижения с запада на восток число религиозных организаций быстро уменьшается, а расстояния между ними резко возрастают (рис. 3). Она

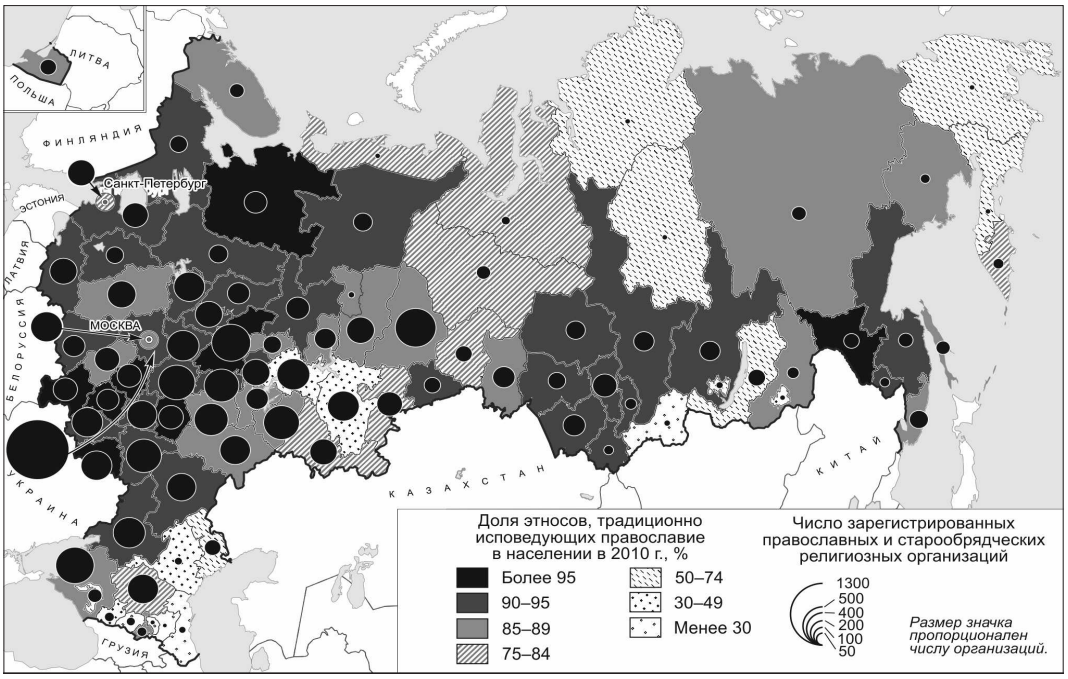


Рис. 2. Православные религиозные организации в 2012 г.

Таблица 2

Распределение зарегистрированных религиозных общин по экономическим районам, % от общего числа общин

Экономические районы	РПЦ				Старообрядчество				Ислам				Буддизм				Протестанты всех направлений			
	2012	2004	1999	1994	2012	2004	1999	1994	2012	2004	1999	1994	2012	2004	1999	1994	2012	2004	1999	1994
Центральный (без Москвы)	26.0	26.8	28.0	31.0	21.6	23.7	19.7	27.1	1.6	1.0	0.7	0.3	1.3	0.5	1.9	4.3	13.3	14.2	14.3	13.7
Северо-Западный (без Санкт-Петербурга)	4.1	4.4	4.9	5.7	2.7	1.5	2.5	3.9	0.1	0.1	0.0	0.0	0.4	0.5	2.6	1.4	4.8	5.1	5.9	5.9
Центрально-Черноземный	9.7	9.2	8.7	9.8	5.1	4.8	3.5	3.9	0.1	0.1	0.1	0.0	0.4	0.0	0.6	1.4	3.8	4.4	3.8	7.2
Северный	3.2	3.6	3.2	2.3	1.7	3.0	3.5	0.8	0.5	0.3	0.1	0.0	2.2	1.1	1.3	0.0	4.8	4.6	4.4	4.7
Волго-Вятский	9.1	10.7	10.2	10.1	13.7	13.0	11.6	13.2	4.7	4.4	2.7	1.3	1.8	1.6	1.9	1.4	2.9	3.2	3.3	1.6
Уральский	11.5	10.5	10.4	10.1	16.8	15.2	17.7	17.1	24.2	22.8	20.0	12.2	3.1	2.7	1.3	2.9	9.9	9.8	10.6	8.4
Поволжский	12.7	10.5	10.4	9.9	12.0	12.2	10.1	8.5	36.1	37.8	29.8	9.5	21.1	24.1	23.3	18.8	8.2	8.5	8.1	7.5
Северо-Кавказский	8.3	8.2	7.8	7.1	7.2	6.7	5.6	3.9	25.2	26.8	42.6	75.1	2.2	2.1	2.6	4.3	12.9	13.5	14.9	18.8
Западно-Сибирский	5.9	6.5	6.4	4.5	4.5	4.4	6.6	3.9	5.1	5.3	2.8	1.1	6.2	4.8	5.1	2.9	9.7	8.8	7.4	5.9
Восточно-Сибирский	3.1	3.1	2.4	1.8	4.5	5.9	7.1	4.7	0.8	0.7	0.5	0.2	45.4	47.1	39.3	39.1	8.3	8.0	7.1	6.1
Дальневосточный	3.0	3.0	2.7	2.0	2.7	4.4	4.0	4.7	0.6	0.5	0.2	0.1	5.7	6.4	3.2	2.9	11.3	11.2	9.9	9.5
г. Москва	1.9	2.0	3.1	3.9	5.8	2.6	6.1	5.4	0.7	0.3	0.5	0.0	8.4	5.9	9.7	8.7	6.9	5.5	6.3	6.4
г. Санкт-Петербург	1.5	1.5	1.8	1.9	1.7	2.6	2.0	3.1	0.2	0.1	0.1	0.1	1.8	3.2	7.2	11.6	3.2	3.2	4.0	4.3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* без Москвы
** без Санкт-Петербурга

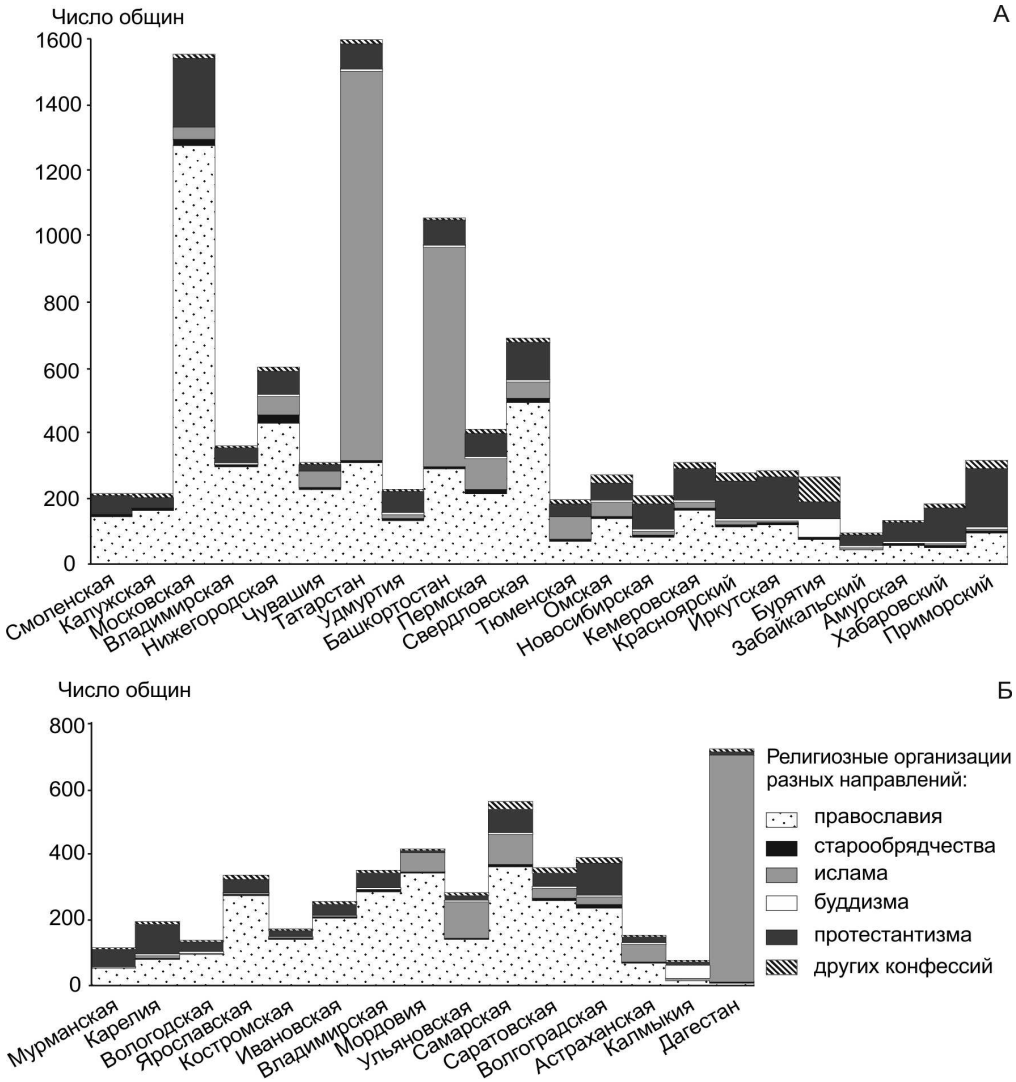


Рис. 3. Структура действующих религиозных организаций в 2012 г. (линии профиля приведены на рис. 1)

связана как с относительной крупноселенностью регионов Азиатской части, особенностями их исторического развития, так и с меньшим уровнем религиозности. Относительно высокая плотность православных приходов лишь вдоль Транссиба, основной линии хозяйственного освоения Сибири. Возведение новых храмов на фоне продолжающегося интенсивного оттока населения – скорее результат социальных инвестиций крупных компаний и региональных бюджетов, часто имеющее скорее репрезентативно-идеологическое значение.

Еще один фактор, обуславливающий положительную динамику числа православных приходов, – усиливающееся соперничество между «традиционными» религиями первого типа и новыми религиозными направлениями за крупные города значительно более открытых конкуренции на религиозном рынке. Например, в столице с 2011 г. по инициативе чиновников московского правительства, но как утверждается за счет внебюджетных средств, реализуется план строительства нескольких сот православных храмов [Ресин пообещал Москве…, 2012]. При этом власти, планируя повысить доступность для населения религиозных услуг, действуют исходя из «нормативного принципа», по аналогии с размещением объектов прочей социальной инфраструктуры.

Еще одна важная ветвь православия – старообрядчество – относительно стабильно и старается сохранить свои позиции и сеть

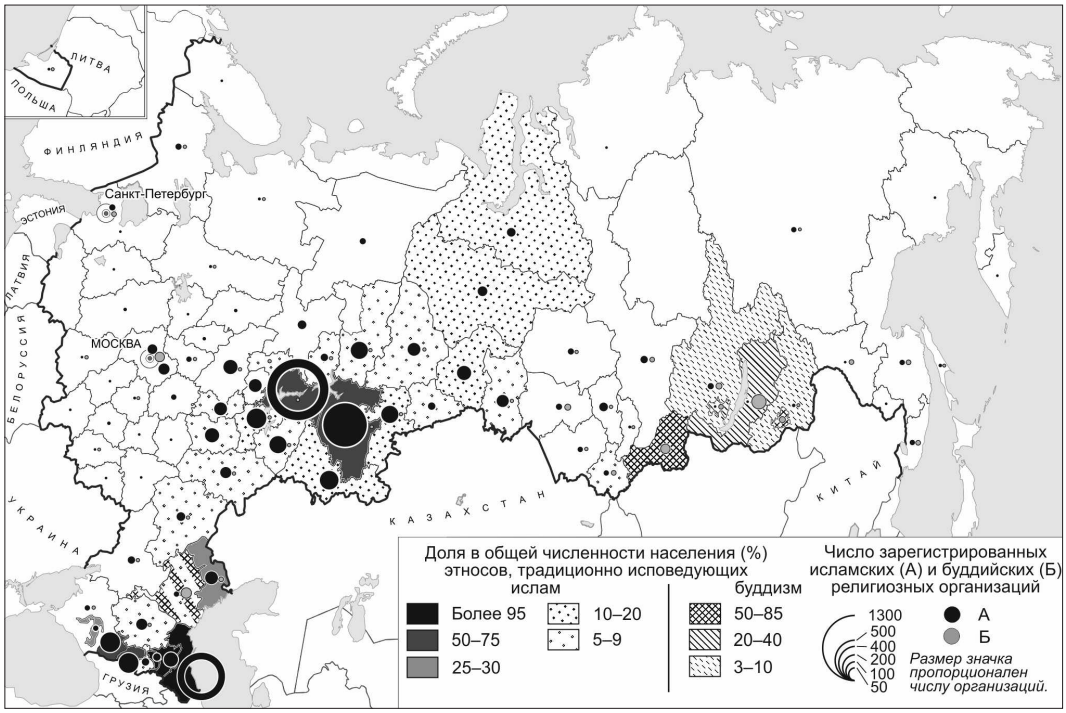


Рис. 4. Исламские и буддийские религиозные организации в 2012 г.

общин в своих традиционных регионах. Хотя общины беспоповских направлений попрежнему не сильно стремятся к официальной регистрации, объединения церковного типа ощущаю необходимость институциональной модернизации своей деятельности, популяризации своего наследия, и за последние пять лет зарегистрировали около трех десятков приходов.

Вполне естественно, что исламские религиозные объединения наиболее многочисленны в республиках с высокой долей этносов, традиционно исповедующих ислам (рис. 4). Однако, если в Поволжско-уральском регионе регистрируемость исламских общин неплохая, то на Северном Кавказе – это лишь «видимая часть айсберга». Большая часть общин, действующих там де-факто, но остающихся в тени, финансируется по другим, неформальным каналам, и потому не испытывает нужды в юридическом статусе, или конфликтует с лояльными к властям духовными управлениями мусульман.

Еще одна группа регионов с положительной динамикой числа исламских организаций – области и края, в которых большинство мусульман появилось в результате разных по времени и характеру миграций, в их числе, например, Московский столичный регион, нефтегазодобывающие округа Западной Сибири. Раньше всех, еще в дореволюционный период, в этот процесс были вовлечены разные группы татар, азербайджанцев, в середине XX в. – некоторые депортированные народы, к которым позднее присоединились северокавказские и среднеазиатские этносы. Противоречия между разными этническими общинами часто способствует появлению в таких регионах нескольких действующих параллельно мусульманских организаций.

Несмотря на то, что в общих чертах география российского *буддизма* изменилась мало, в последние годы регистрируемость общин в восточно-сибирских и калмыцком ареалах этого вероисповедания заметно выросла. Эти традиционные ареалы сегодня дополняются уже не только «историческим» санкт-петербургским, возникновение которого в конце XIX в. связано с именем Агвана Дорджиева, ученого, дипломата, религиозного и общественного деятеля, представителя Далай-Ламы XIII в России. Его подвижническая деятельность была поддержана выдающимися российскими учеными-востоковедами. Они вошли в состав комитета, осуществлявшего научное руководство строительством в 1900–1915 гг. на северной окраине Петербурга дацана, во-

круг которого и сложилась самая северная в Европе буддийская община (ныне Дацан Гунзэчойнэй). Все более увеличивает вес московский ареал, появилась сеть буддийских общин в крупных городах, например, на Урале. Растущий интерес к буддизму в республике Алтай связан с возрождением в начале 1990-х гг. бурханизма, значительно трансформировавшегося в постсоветский период под влиянием буддийских мотивов рериховского движения. Бурханизм – синкретическая национальная религии алтайцев, получившая распространение с 1904 г., и ставшая основой их национального возрождения и консолидации. Бурханизм уходит корнями в местный шаманизм и традиционную религиозную культуру коренных жителей Алтая, включающую буддийские элементы благодаря давним контактам с народами, исповедующими буддизм.

К рассмотренным выше конфессиям надо добавить иудаизм, но с оговоркой: ареал его распространения в течение XX в. претерпел кардинальные изменения. Большая его часть на территории современных Украины, Белоруссии, Прибалтики, пограничных областей России (Псковской, Смоленской, Брянской) была почти полностью уничтожена в годы Второй мировой войны, а затем размыта интенсивными сельско-городскими миграциями и еврейской эмиграцией за пределы СССР.

Процессы, протекавшие в в 1990–2000-е гг. в российском протестантизме были одними из самых динамичных и во многом знаковых для всей религиозной сферы России. В настоящее время в сумме все его направления равномерно покрывают территорию страны, присутствуя во всех регионах (рис. 5). Еще в начале 1990-х гг. по числу общин заметно выделялись два типа ареалов. Первые имеют довольно длительную историю, связаны с религиозно-культурными традициями проживавших там этнических меньшинств.

Это прежде всего лютеранство, распространенное преимущественно в районах с повышенной долей финнов, российских немцев. Наиболее крупные из них – Северо-Запад страны, бывшая Ингерманландия, также территории, куда в разное время, в ходе как добровольных, так и принудительных миграций попали российские немцы – Нижнее Поволжье, Юг Западной Сибири, Красноярский край [Савоскул, 2013].

Как правило, структура религиозного пространства несколько более инерционна, чем этнокультурного. И хотя численность российских немцев продолжает уменьшаться, ареалы распространения лютеранства сохраняются, например, на юге Западной Сибири. Там также высока доля баптистов, к которым нередко примыкают как представители молодых поколений российских немцев, родители которых были лютеранами, так и целые общины, в том числе уже немногочисленных меннонитов (Алтайский край, Новосибирская область). В пределы России меннониты переезжали в течение 1789–1874-х гг. сначала из Речи Посполитой по приглашению императрицы Екатерины для земледельческой колонизации степных районов Новороссии, а позднее из Пруссии – после лишения их там в 1847 г. освобождения от военной службы. Впоследствии по этой же причине значительная часть российских меннонитов вынуждены были сменить место жительства, перебравшись под давлением властей на Кавказ и на юг Западной Сибири. Еще одним ареалом, где лютеранство усилило свои позиции – республики Мордовия и Марий-Эл, в которой это направление распространяется при поддержке лютеранских церквей Финляндии в рамках финно-угорского сотрудничества.

Второй тип – ареалы на северо-западе и юго-западе, в Черноземной зоне и на Северном Кавказе, где относительно преобладают организации так называемого «русского протестантизма». На юго-западе страны они по-прежнему выделяются повышенной долей организаций евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня, а на северо-западе – близких к баптистам – евангельских христиан. Оттуда баптизм начинал свой путь в России, воспринятый крестьянами юго-западных районов от переселенцев из Центральной и Восточной Европы, а крестьянами северо-западных губерний – от своих бывших помещиков, входивших в число последователей английских протестантских миссионеров.

Российский союз евангельских христиан-баптистов (до 1992 г. Всесоюзный совет ЕХБ) – централизованная религиозная организация, объединившая в 1944 г. под давлением властей значительную часть баптистов и евангельских христиан, а позднее и некоторых пятидесятников. В начале 1960-х гг. от

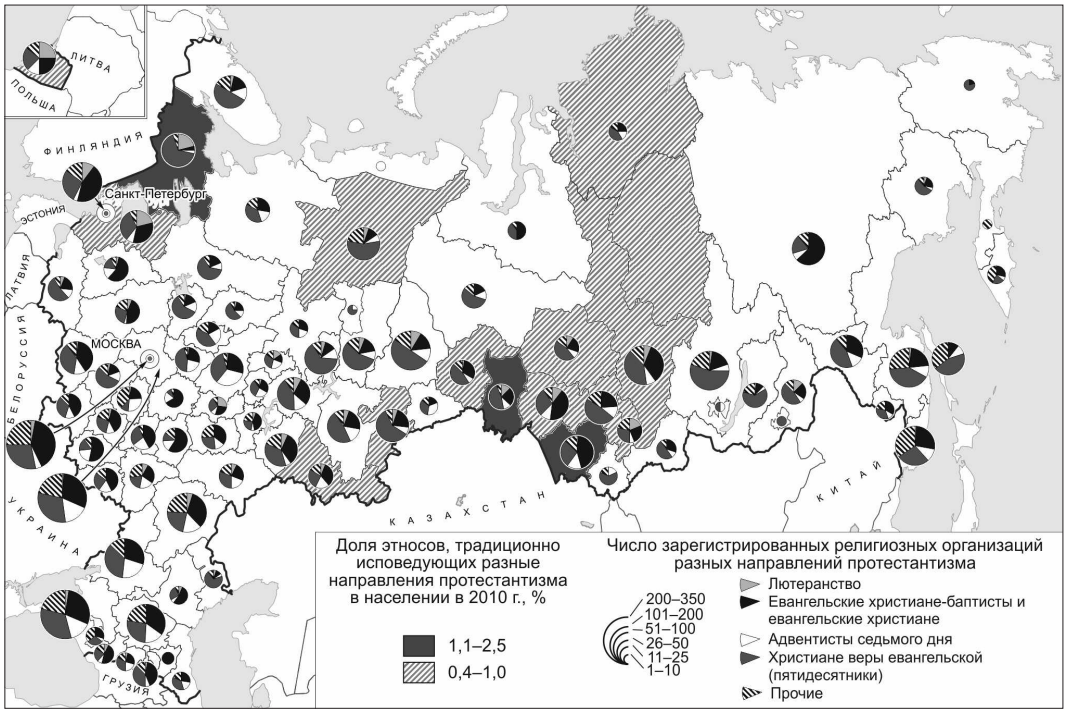


Рис. 5. Протестантские религиозные организации в 2012 г.

него отделились часть общин, образовав Совет церквей ЕХБ, действовавший нелегально. В 1991–1992 гг. на месте ВСЕХБ в бывших союзных республиках возникли свои централизованные союзы общин ЕХБ, координирующие деятельность в рамках новой структуры – Евро-Азиатской федерации союзов ЕХБ.

В последнее время лидерство традиционных регионов протестантизма слабеет. Количество протестантских организаций в 2000-е гг. максимально росло в Красноярском, Хабаровском, Приморском краях. В регионах Азиатской части страны структура протестантских организаций оказалась даже сложнее, чем в Европейской России. Евангельские христиане-баптисты и адвентисты больше представлены там, где главную роль в распространении протестантизма сыграли трудовые миграции дореволюционного и советского периодов, в том числе в Якутии, Красноярском крае, Новосибирской области. Эти «традиционные» протестантские деноминации повсеместно дополняются пятидесятническими и харизматическими, которые в ряде регионов уже являются лидерами по числу зарегистрированных религиозных организаций. Особое значение в их распространении во второй половине XX в. сыграли принудительные миграции советского периода. Пятидесятничество сильно там, где относительно слабы позиции православия других направлений протестантизма. Это позднее и хуже освоенные регионы Азиатской части страны и Европейского Севера (Хабаровский край, Сахалинская область, север Иркутской области, Республика Коми, Мурманская область), другие экономически слабо развитые территории (республики Алтай и Бурятия, Забайкальский край).

Несколько отличаются от них по факторам распространения неденоминированные направления протестантизма Их доля повышена в приграничных регионах, вовлеченных в международные контакты, где активны различные христианские миссии: на Дальнем Востоке и Юго-западе России, столицах и регионах с крупными полифункциональными центрами.

Расселенческая структура современных российских конфессий тесно связана с их генезисом, особенностями организационной структуры и социального состава членов. К числу преимущественно «сельских» можно отнести лишь ведущие этнорелигии – православие и ислам (табл. 3). Буддийские объединения, в силу отмеченных выше особенностей регистрации общин, представлены в сельской местности скромнее. Почти

Таблица 3

Размещение зарегистрированных религиозных организаций в населенных пунктах различной людности в 2012 г., % от общего числа организаций

Религиозные направления	Городские поселения, тыс. человек			Сельская местность	Всего
	Менее 100	100–1000	Более 1000		
Все религиозные организации	23	17	11	49	100
Православие	21	13	8	58	100
Старообрядчество	24	29	19	28	100
Католики и греко-католики	24	41	22	13	100
Армянская апостольская церковь	19	45	23	13	100
Ислам	12	9	5	74	100
Буддизм	9	42	17	32	100
Иудаизм	16	49	33	2	100
Евангельские христиане-баптисты и евангельские христиане	37	29	24	10	100
Христиане веры евангельской – пятидесятники, харизматические церкви	39	33	17	11	100
Адвентисты седьмого дня	49	32	12	7	100
Лютеранство	25	29	28	18	100
Другие протестантские деноминации	21	38	34	7	100
Другие религиозные направления	38	38	15	9	100
Справочно: доля населения, проживающего в соответствующих поселениях по переписи 2010 г.	25	29	20	26	100

исключительно в городах регистрируются в России общины иудаизма.

У протестантских деноминаций, обращающихся в своей проповеди к конкретному человеку, без оглядки на его этнокультурную идентичность, наиболее равномерное распределение общин между городскими поселениями разного типа. Некоторый крен в сторону малых и средних городов – райцентров связан с тем, что последние, как правило, выполняют функции «кустовых» центров и для населения самого города, и для тяготеющей к нему сельской местности.

Сдвиги в расселенческой структуре в течение последнего десятилетия не превосходят двух процентов. Однако, с учетом накопленной ведущими конфессиями «базы», они статистически значимы и также могут выступать в качестве косвенных индикаторов процессов, протекающих в религиозной сфере.

Общий тренд – увеличение доли религиозных организаций, расположенных в крупных и больших городах. Это вполне естественно, поскольку потенциал малых городов и сельской местности по воссозданию приходов при существовавших ранее храмах в основном исчерпан. Значительно увеличить свое присутствие в крупнейших городах и «миллионниках», без лоббирования своих интересов с помощью административного ресурса, сложно из-за пониженной религиозности и особенностей образа жизни населения.

Города с населением 100–500 тыс. чел. наиболее перспективны и интересны для религиозной деятельности с разных точек зрения: там проще пройти регистрацию и найти свою аудиторию. Большинство из них – крупные, в том числе моноспециализированные центры, получившие свое развитие в советскую «безбожную» эпоху и, с одной стороны, обладающие серьезным экономическим и людским потенциалом, а с другой, – сталкивающиеся сегодня с серьезными социально-экономическими проблемами. Там вложение сил и средств может дать наибольшую отдачу. Кроме того, крупные города – это и «ворота» в новые регионы, наиболее эффективный способ для большинства религиозных направлений как «нетрадиционых», так и «традиционных», интуитивно используя законы каскадной диффузии инноваций, расширить ареал своей деятельности.

Основные выводы

1. Неоспоримым результатом религиозного возрождения в России в постсоветский период стал рост числа религиозных общин и институтов, проходивший на фоне противоречивой трансформации традиционных форм религиозности. Среди факторов, обуславливающих в настоящее время высокую плотность религиозных общин, основное значение имеют три: плотность сохранившегося религиозного архитектурного наследия, уровень религиозности населения и особенности системы расселения – густота и людность населенных пунктов. Первый фактор оказывают существенное влияние на плотность общин в регионах с преимущественно православным населением, а второй – исламским и буддийским. Третий, расселенческий фактор, «работает» в регионах с достаточно плотной сетью средних и крупных сельских поселений.

2. «Конфессиональные плиты» основных российских этнорелигий – наиболее инерционные структуры религиозного пространства России: их границы в постсоветский период изменились мало. Однако важные сдвиги происходят в их внутренней структуре. Центр тяжести «православной плиты» постепенно смещается от исторического ядра Русского государства на юг и юго-восток, к более плотно населенным регионам, в соответствии с происходившими в советский и постсоветский период сдвигами в расселении.

В исламе продолжается расширение сети религиозных организаций, как в традиционных ареалах, так и в ареалах экономической активности, притягивающих трудовых мигрантов. Это порождает специфические проблемы взаимодействия приверженцев ислама, имеющих разную этнокультурную идентичность.

3. Заметные сдвиги происходят и в структуре российского протестантизма: традиционные направления баптистов, евангельских христиан, адвентистов, имеющих свои исторические ареалы распространения, почти повсеместно дополняются пятидесятническим, харизматическим и недоминированными направлениями.

4. В постсоветский период в религиозной сфере России растет конкуренция: в этноконтактных зонах между ведущими этнорелигиями, а в городах и центрах экономической активности – между традиционными религиями, с одной стороны, и протестантскими, а также новыми, социально более активными и гибче взаимодействующими с населением религиозными направлениями – с другой. Особенно сильно это проявляется в Азиатской части страны и на Европейском Севере, в приграничных регионах и ареалах с развитым крупногородским расселением.

5. Особенности расселенческой структуры религиозных организаций тесно связаны с историей их деятельности в России и современной организационной структурой. Обширные сельские ареалы, с доминированием общин одной конфессии, имеют лишь три основные традиционные этнорелигии, а остальные конфессии тяготеют к городам. В последнее десятилетие растет доля общин почти всех конфессий в крупных и больших городах, стремящихся через них расширить арену своей деятельности вширь и вглубь.

Библиографический список

1. Аналитический вестник. – 2008. – № 12 (357). – С. 59–74.
2. Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1–4 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.; СПб.: Летний сад, 2005–2011.
3. В окрестностях секулярного // Эксперт. – 2013. – № 1 (833). 24 декабря – 13 января.
4. Верю – не верю: социологи впервые составили Атлас религий России // Огонек. – 2012. – № 34. – 27 августа.
5. Двадцать лет религиозной свободы. – М.: РОССПЭН, 2009.
6. Лункин Р. Христианский ответ обществу потребления // Эксперт. – 2013. – № 1 (833). – 24 декабря – 13 января.
7. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1998.
8. Религии // Национальный атлас России. – М.: АСТ, Астрель, Роскартография, 2008. – Т 1. – С. 384–387.
9. Религии народов России // Национальный атлас России. – М.: АСТ, Астрель, Роскартография, 2009. – Т. 3. – С. 108–109.
10. Савоскул М. С. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. –С. 417–442.
11. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. – М.: Логос, 2005. – С. 78–204.
12. Силантьев Р. А. Ислам в современной России: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008.

13. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. – М-СПб.: Летний сад, 2000.
14. Safronov S.G. Territorial Structure of the Confessional Space in Russia and Other Post-Soviet States // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 204–210. (http://link.springer.com/article/10.1134/S2079970513020093)

Интернет-источники

1. Интерактивная карта всех религиозных общин России (http://interfax.hitroad.ru).
2. Религии Российской Федерации: карта / Под ред. П.И. Пучкова (www.interfax-religion.ru/map).
3. Ресин пообещал Москве новые храмы // Российская газета (электронная версия). 15.04.2012. (http://www.rg.ru/2012/04/15/resin-site.html).
4. Кырлежев А. Эра постсекуляризма // Портал «Религия и СМИ». 27.02.2013. (http://www.religare.ru/2_101551.html)
5. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации (http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx).

Силантьев Р.А. (Москва)

ГОСУДАРСТВЕННО-ИСЛАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Silantiev R.A.

STATE-ISLAMIC RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Автор статьи выделяет различные формы государственно-исламских отношений в Российской Федерации и предлагает их периодизацию в новейший период. В статьи делается вывод, что Российское государство постепенно усиливает контроль над исламской сферой, все активней используя опыт прошлого.*

Abstract. *The author highlights the various forms of public-Islamic Relations in the Russian Federation and offers them periodization in the recent period. In statt concludes that the Russian state gradually increases control over the Islamic sphere, are increasingly using past experience.*

Ключевые слова*: духовное управление мусульман, умма, муфтий, дагват.*
Key words*: muslim spiritual board, ummah, mufti, dagvat.*

В расширении географии ислама, особенно в современный период, ключевую роль играет дагват (дават или даваат). Под этим термином обычно понимаются взаимоотношения мусульманских организаций и всей уммы (мусульманской общины) с немусульманским обществом, формирование положительного образа ислама и разъяснение его сути. Именно посредством дагвата мусульманская община интегрируется в светское или инорелигиозное общество, при благоприятном стечении обстоятельств становясь его неотъемлемой частью.

Официальный сайт Духовного управления мусульман Республики Татарстан определяет дагват как правильное объяснение ислама и призыва к нему, на примере работы отдела дагвата, перечисляя его направления. К ним ДУМ Республики Татарстан относит курсы для студентов и представителей интеллигенции по основам шариата; еженедельные 30-минутные передачи об исламе на русском и татарском языках на радиостанциях «Новый век» и «Казань»; 10-минутная «Пятничная проповедь» в эфире телерадиокомпании «Татарстан – Новый век»; выпуск газеты «Умма»; работа службы знакомств «Баракят» и систематические встречи с населением [1]. К дагвату могут относиться и другие сферы деятельности исламских организаций – издание книг, кинематограф, театральное искусство и литература; поддержание сайтов. Одним из важнейших направлений дагвата считается взаимодействие со светскими СМИ.

Вплоть до конца XIX в. мусульманские духовные лидеры и богословы в основном плохо владели русским языком и предпочитали издавать свои сочинения на арабском или татарском языках, что делало их недоступными широким слоям немусульманского населения. Например, известный татарский историк и богослов Шигабутдин Марджани не владел русским языком, поэтому с его ра-

ботами мог ознакомиться только узкий круг специалистов. В то же время дагват был определен шариатом как одна из важнейших функций мусульманского духовенства, поэтому начало его осуществления оставалось лишь делом времени.

Первым из мусульманских духовных лидеров, кто представил свои труды русскоязычным читателям, стал ахун Санкт-Петербурга Атаулла Баязитов, отец последнего муфтия Российской империи Мухаммада-Сафы Баязитова. Его книги «Отношение ислама к науке и иноверцам» (СПб., 1887) и «Ислам и прогресс» (СПб., 1898) дали старт целенаправленной политике муфтиятов по формированию положительного образа ислама в обществе. Справедливости ради нужно отметить, что до этого на русском языке были выпущены апологетические по отношению к исламу работы Мурзы Алима [2], А.А. Девлет-Кильдеева [3] и И. Гаспринского [4], однако их авторы не были духовными лицами или чиновниками духовных управлений.

Наибольший резонанс у православных читателей вызвали именно труды Баязитова, который был хорошо знаком научной и культурной элите империи. Православный миссионер М.А. Миропиев отмечал, что его книга «Ислам и прогресс» отличается «большей систематичностью и полнотой исследуемого вопроса, но вместе с тем и большей тонкостью в изложении, большим хитроумием в умении обойти трудные места и более хитрыми маневрами в деле морочения русской публики». Миропиев опасался, что «русский заурядный интеллигент, прочитав эту книгу, невольно пленится высотой учения ислама и обаятельной личностью основателя его, Мухаммеда» [5].

Таким образом, формирование положительного образа ислама в обществе стало возможным только в последние десятилетия истории Российской империи. В этот период свой интерес к исламу выражали ведущие писатели, философы и публицисты – Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.Я. Данилевский и многие другие. И многие из них черпали свои знания об этой религии из бесед с Атауллой Баязитовым.

Этот период, который можно назвать периодом становления дагвата, прекрасно описан исламоведом М.А. Батунским в трехтомном труде «Россия и ислам» (М., 2003).

Мусульманские духовные лидеры в первые годы после прихода к власти большевиков не считали нужным улучшать восприятие своей религии в обществе, так как были заняты более насущными делами. Затем такой возможности им уже не представилось – развернувшаяся в полную мощь атеистическая пропаганда сделала невозможным дагват в любых его формах. Такая политика продолжалась до 1989 г., когда в светской прессе стали появляться первые происламские статьи, например в журнале «Наука и религия».

После принятия в 1990 г. Федерального закона № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» российские ДУМы впервые за всю свою историю получили возможность вести дагват без каких-либо ограничений. В первые годы религиозной свободы они сконцентрировались на реисламизации людей мусульманской культуры, для нужд которых стали перепечатывать дореволюционные книги и издавать газеты.

В 1990 г. ДУМ Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) возобновило издание своей газеты, в знак преемственности с Оренбургским магометанским духовным собранием названной «Маглюмат». Годом раньше в Саратове стала выходить газета «Мусульманский вестник». В 1991 г. в Казани открылось первое в России издательство мусульманской религиозной литературы «Иман», которое стало выпускать одноименную газету на татарском языке. В 1993 г. в Казани стал издаваться журнал «Ислам нуры», а годом позже – газеты «Вера» (русскоязычная версия газеты «Иман») и «Якыйн» [6].

Постепенно процесс формирования положительного образа ислама затронул радиоэлектронные СМИ. На центральном телевидении и ведущих радиостанциях стали появляться постоянные программы об исламе, печатные СМИ все чаще публиковали интервью с мусульманскими духовными лидерами.

С конца 1990 г. начали появляться первые радиопередачи, посвященные исламу. Среди них можно отметить проект Сергея-Джаната Маркуса (Андрея Хасанова) «Саут-уль-Ислам – Голос Ислама» на «Радио России». Впоследствии аналогичные передачи появились в ряде региональных радиостанций и только они дожили до сегодняшнего дня. Ориентированные же на мусульман передачи на федеральных каналах телевидения, начавшие появляться в середине 1990-х гг., быстро закрывались из-за недостатка финан-

сирования либо по идеологическим соображениям. Из подобных неудачных проектов можно вспомнить исламский раздел в религиозной программе «Ныне» на Первом канале, передачи «Все суры Корана» на канале «Культура» и «Тысяча и один день» на канале РТР.

После 1991 г. на русском языке стали массово издаваться популяризирующие ислам книги и статьи. Особенно популярным стал перевод Корана на русский язык, ранее доступный только в переводе И.Ю. Крачковского. Первоначально большая часть происламской литературы выпускалась светскими учеными и мусульманскими активистами, причем наибольшей популярностью пользовались репринты дореволюционных книг. Постепенно свои труды стали выпускать и мусульманские духовные лидеры, из которых самыми активными стали муфтий Равиль Гайнутдин, авторитетный суфийский шейх Дагестана Саид Чиркейский (Ацаев), имам-хатыбы Идрис Галяутдинов и Шамиль Аляутдинов. Именно книги Алятдинова оказались в наибольшей степени доступны широкой читательской аудитории, так как были написаны в наиболее доступном для неспециалистов формате.

Постепенно процесс формирования положительного образа ислама затронул радиоэлектронные СМИ. На центральном телевидении и ведущих радиостанциях стали появляться постоянные программы об исламе, печатные издания все чаще публиковали интервью с мусульманскими духовными лидерами. Возникли исламский кинематограф и театральное искусство, стала издаваться художественная литература об исламе. С развитием русскоязычного сегмента сети Интернет, основная пропаганда ценностей ислама переместилась на страницы сайтов и видеохостинги.

25 августа 1995 г. муфтий Равиль Гайнутдин направил президенту Татарстана Минтемиру Шаймиеву письмо, в котором жаловался на дискриминацию мусульман в телеэфире, указывая на тот факт, что существовавшая тогда 30-минутная передача «Минарет» доступна только жителям Москвы и Московской области [7]. Эффекта это обращение не возымело, и лишь 15 февраля 2002 г. в эфире канала РТР вышел первый выпуск пятнадцатиминутной программы «Мусульмане», которая быстро завоевала популярность среди российских мусульман. Как и предыдущие телепередачи, она была ориентирована на Совет муфтиев России, что, впрочем, объяснялось большей активностью этой структуры в информационном поле. К началу 2010 г. программа «Мусульмане» выглядела успешным телевизионным проектом и не собиралась прекращать свою деятельность.

Мусульманское театральное искусство в России известно в первую очередь благодаря балетному спектаклю «Сказание о Йусуфе» казанского театра им. М. Джалиля, поставленному по «Йусуф китабы» («Книге о Йусуфе») – памятнике булгарской поэзии XIII в. В спектакле, представленном вниманию публике в 2003 г., рассказывается изложенная в Библии и Коране история об Иосифе и его братьях, благодаря чему он получил одобрение и признание мусульманских духовных лиц [8].

В сентябре 2005 г. в Казани в честь празднования 1000-летия города прошел первый Международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар», в число учредителей которого вошли Совет муфтиев России, мэрия Казани, Министерство культуры Республики Татарстан, Российский фонд культуры, телевидеокомпания «Исламский Мир», Исламский культурный центр России, Конфедерация союзов кинематографистов СНГ и Балтии [9]. На нем были представлены более 70 картин из 18 стран мира, победителями среди которых стали лента «Колдун» режиссера Мир-Касыма Октая из Азербайджана и документальный фильм иранского режиссера Мухаммада Ризы Фатхи Нажафи «Дети Адама» [10]. Впоследствии этот фестиваль проводился еще четыре раза, пока его история со скандалом не завершилась [11].

В 2005 г. Совет муфтиев России совместно с издательством «Умма» и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям учредил литературную премию «Исламский прорыв», названную в честь футуристического боевика «русского» мусульманина Дмитрия-Муслима Ахтямова. Данный проект, правда, просуществовал всего два года.

С развитием русскоязычного сегмента сети Интернет (Рунета) основная пропаганда ценностей ислама переместилась на страницы сайтов и видеохостинги. Были созданы сотни русскоязычных мусульманских сайтов. Согласно статистике поисковой системы «Рэмблер» (www.rambler.ru), в настоящее лишь один исламский сайт – сайт «Ислам.

ру» – входит в десятку самых посещаемых религиозных ресурсов в Рунете. Каждый день на него заходят 2,5 тыс. чел., что является довольно высоким показателем, однако своей популярностью «Ислам.ру» обязан не новостной лентой и аналитическим материалам, а первой в Рунете мусульманской службе знакомств и Интернет-магазину, куда и направляется подавляющее большинство его посетителей. Второе место по популярности среди мусульманских новостных порталов занимает сайт Исламского конгресса www.islamnews.ru, который посещает около 200 чел. в день. Кроме того, на новостях специализируются порталы «Муслим-пресс» www.muslim-press.ru, «Ислам в Российской Федерации» www.islamrf.ru и «Ислам-онлайн» www.islamonline.ru , имеющие еще более скромную посещаемость [12].

После терактов 11 сентября 2001 г. и особенно после теракта в Беслане в 2004 г., приоритетным направлением взаимоотношений с мусульманским обществом для муфтиятов и всех мусульманских структур в целом, стало противодействие нарастающей исламофобии. В своих проповедях, интервью и статьях имамы и муфтии подчеркивали, что ислам осуждает терроризм и тех людей, которые под его прикрытием совершают преступления. Некоторые из них пытались инициировать судебные преследования журналистов и политиков, наиболее резко отзывавшихся об исламе, однако особого успеха в этом не достигли. На многих мусульманских сайтах появились специальные разделы, посвященные борьбе с исламофобией. Было созвано более десятка крупных конференций, призванных показать мирную сущность ислама – «Угроза ислама или угроза исламу?» (Москва, июнь 2001), «Ислам победит терроризм» (Москва, июль 2008) и др. Стала издаваться специальная литература – например, «Ислам проклинает террор» Харуна Яхьи.

Тем не менее, снизить градус исламофобии в обществе эти меры не помогли. С каждым резонансным терактом число людей, негативно относящихся к исламу, росло. Ситуацию усугублял и тот факт, что некоторые представители муфтиятов допускали оскорбительные для немусульман высказывания и выдвигали властям неприемлемые требования – например, убрать кресты с герба России [13]. В итоге помимо роста исламофобии как таковой, начался отход людей от ислама, который в случае татар и осетин приобрел заметный характер [14].

Сейчас ведущие ДУМы имеют все возможности для полноценной трансляции своих взглядов самой широкой аудитории. Для них открыты центральные телеканалы и радиостанции, ведущие газеты и журналы, все сервисы сети Интернет. Однако далеко не все из них смогли воспользоваться представленными возможностями. До сих пор значительная часть сайтов контролируется ваххабитами, равно как и издаваемая ими литература значительно опережает по тиражам книги, пропагандирующие традиционный ислам.

В целом постсоветский дагват муфтиятов можно оценить как малоэффективный. Положительный образ ислама в обществе сформировать не удалось, а исламофобия усиливается с каждым годом. Число написанных российскими духовными лидерами книг очень невелико и не может сравниться даже с объемами аналогичной литературы протестантов и иудеев. До сих пор не удалось создать общероссийской мусульманской газеты, журнала и сайта, в то время, как все это давно имеет не только у трех остальных традиционных религий, но и многих нетрадиционных. В радиоэлектронных СМИ приверженцы ислама представлены только еженедельной программой «Мусульмане» на телеканале «Россия», имеющей ярко выраженный этнографический характер, а также несколькими передачами в рамках региональных сетей. Несмотря на пожелание президента России Д.А. Медведева о запуске мусульманского телеканала, озвученное им в августе 2009 г. на встрече с лидерами крупнейших муфтиятов, к осени 2013 г. удалось запустить такой канал только в рамках сети Интернет [15]. При этом Русская Православная Церковь имеет три телеканала, а российские протестанты – по меньшей мере два. ДУМы слабо представлены в сети Интернет, а многие их удачные проекты (кинофестивали, литературные конкурсы) оказались нежизнеспособными.

Библиографический список

1. Материалы официального сайта ДУМ Республики Татарстан. http://www.e-islam.ru/. – Режим доступа свободный

2. Мурза А. Ислам и магометанство // Ведомости. – 1882. – № 86.
3. Девлет-Кильдеев А.А. Магомет как пророк. – СПб., 1881.
4. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881.
5. Батунский М.А. Россия и ислам. – М., 2003. Т. 2. – С. 255–256.
6. Мухаметшин Р.М. Официальные институты мусульман и общественно-политические организации и движения в Татарстане в 1990-е годы // Панорама-форум. – 1997. – №12.
7. Письмо председателя ДУМЕР муфтия Равиля Гайнутдина президенту Республики Татарстан
8. Наборщикова С. Явление Йусуфа // Республика Татарстан. – 2003. – 7 марта.
9. Окно в исламский мир, или Голливуд отдыхает // Республика Татарстан. – 2005. – 23 августа.
10. Стрельникова О. Джинн мусульманского кино // Республика Татарстан. – 2005. – 15 сентября.
11. Золотой минбар [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mfmk.ru. – Режим доступа свободный.
12. Силантьев Р.А. Ислам в современной России. – М., 2008. – С. 112.
13. Силантьев Р.А. Ислам и Христианство. Попытки восстановления диалога в 2007 году // Богослов.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bogoslov.ru/text/291125.html. Режим доступа свободный.
14. Камакин А. Натиск на восток // Итоги. – 2005. – 31 октября.
15. Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 28 августа 2009.

Трифонова З.А. (Чебоксары)

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ

Trifonova Z.A.

POTENTIAL OF CULTURAL INSTITUTIONS REGIONAL CENTRES RUSSIA

Аннотация. *В статье проведена оценка потенциала культурных институтов по 79 городам, возглавляющим субъекты Российской Федерации. Для оценки использовалось 33 показателя, отражающих деятельность культурных институтов, таких как институт образования, культуры, средств массовой информации и религии. Интегральная индексная оценка легла в основу картографирования центральных городов России в величине потенциала. Получены оригинальные выводы о различиях в величине потенциала культурных институтов между региональными центрами.*

Abstract*. The article evaluated the potential of cultural institutions in 79 cities, heads of subjects of the Russian Federation. Used to assess the 33 indicators that reflect the activities of cultural institutions such as the Institute of Education, Culture, media and religion. Integral index score was the basis of mapping the central cities of Russia in the magnitude of potential. Obtained the original conclusions about the differences in the magnitude of the potential of cultural institutions between regional centers.*

Ключевые слова: *система расселения, центральность, город, ресурсы, образование, культура, религия, информация.*

Keywords: *system of settlement, the centrality of the city, resources, education, culture, religion, information.*

Города, выполняющие центральные функции по отношению к субъектам Российской Федерации, отличаются друг от друга численностью населения, функциональной дифференциацией городской экономики, характером урбанизации в возглавляемых ими регионах, а также макро-, мезо- и микрогеографическим положением. Соответственно, в этих городах с разной степенью активности проявляются постиндустриальные процессы, по-разному модернизируется муниципальное хозяйство и значительно отличается уровень жизни населения. Во многом эти отличия определяются социокультурной составляющей города. Это обусловило наш интерес к исследованию социокультурного потенциала городов (СКП). Отметим, что системный подход является наиболее продуктивным. СКП представляется нам как интегральная характеристика действия социокультурной подсистемы и собственно населения. Мы рассматриваем его не столько как сумму потенциалов отдельных видов социокультурной подсистемы, а как совокупность качественных аспектов человеческих ресурсов и ресурсов культурной сферы, способствующих воспроизводству культуры городского сообщества.

Задача исследования – провести оценку потенциала культурной сферы региональных центров России.

Методология исследования. В 1980-е гг. при разработке Генеральной схемы расселе-

ния на территории СССР в ЦНИПИ по градостроительству проводилась оценка социально-культурного потенциала городов. Эта задача решалась для целей планирования единой системы расселения страны, с учетом усиливающихся социально-культурных функций центральных городов. И.М. Айзинова и В.В. Пациорковский предложили оценку культурно-зрелищного потенциала городов СССР и рассчитали его значения для городов с числом жителей более 100 тыс. человек [1, 3]. Авторы придерживались следующей гипотезы – степень социально-культурного развития города определяется не столько численностью населения, сколько качеством деятельности локализованных в городе объектов социальной инфраструктуры, которые и создают условия и возможности социального воспроизводства населения. К сожалению идея не получила дальнейшего исследовательского продолжения. Развивая гипотезу В.В. Пациорковского, мы рассматриваем СКП как совокупность качественных характеристик человеческих ресурсов и ресурсов культурных институтов, удовлетворяющих потребности населения, способствующих интеграции и воспроизводству культурного пространства города и региона.

Использование институционального подхода позволяет рассматривать культуру, образование, средства массовой информации и религию как совокупность исторически сложившихся и нормативно закрепленных социальных взаимодействий. Являясь социальными институтами, они призваны воспроизводить и развивать качественные аспекты человеческих ресурсов. Одновременно заявленные институты представляют системы, охватывающие совокупность статусов и ролей, норм и ценностей, социальных организаций и учреждений, отвечающих за передачу новым поколениям накопленного опыта.

Анализ ресурсов культурных институтов проводится дифференцированно с выделением ведущих показателей согласно принципам системного анализа. При анализе института культуры учитывался функциональный признак, позволяющий выделить три блока, осуществляющие духовное производство (деятельность театров и учреждений культурно-досугового типа), распространяющие культурные ценности (музеи и библиотеки) и осуществляющие планирование и управление культурными процессами (включая научно-исследовательские институты). В результате было отобрано 15 показателей. Для анализа системы образования ключевыми индикаторами являются показатели, отражающие характер функционирования профессионального образования, которое способствует воспроизводству качественных аспектов человеческих ресурсов. Поэтому было выбрано семь показателей: два для анализа средних профессиональных учреждений, три – для высших профессиональных учреждений, один – для послевузовского образования. Собственно качество человеческих ресурсов оценивается по удельному весу лиц с высшим образованием, занятых в экономике города. При оценке ресурсных возможностей института средств массовой информации анализировалось семь показателей, позволяющих оценить интенсивность поступающей и издающейся непосредственно в городе периодической печати, а также наличие местных информационных агентств, теле-радиохолдингов. Кроме того оценивалась интенсивность освоения интернет пространства по количеству пользователей и средней величине частоты ссылок на каждый город, встречаемых на страницах наиболее популярных доменов yandex, mail, googl. Специфичность института религии и крайняя ограниченность информации по деятельности его учреждений ограничила анализ количества приходов разных религиозных общин. Все анализируемые показатели были рассчитаны нами относительно численности населения, также были проведены ранжирование и индексная оценка по каждому институту и ресурсам культурных институтов по формуле:

$$I_{s,i} = (S_i - S_{min})/(S_{max} - S_{min}),$$

где $I_{s,i}$ – индекс показателя одной из отраслей социокультурного потенциала i-ого города, S_i – показатель одной из отраслей социокультурного потенциала i-ого города, S_{max} и S_{min} – максимальное и минимальное значения S_i. Нормированные величины принимают значения от 0 до 1. Исходное максимальное (минимальное) значение S_i показателя принимает нормированное значение, равное 1 (0).

На расчетном этапе оценивается интегральный показатель по каждому институту в отдельности, а далее в комплексе. Оценка интегральных показателей проводилась по формуле:

$$I_{\text{ик},i} = \sum_{j=1}^{m} \alpha_j I_j$$

где $I_{пк,i}$ – интегральный индекс потенциала культурных институтов *i-го* города, I_{ij} – индекс по *j-му* показателю для *i-го* города, αj – весовой коэффициент *j-го* показателя, *m* – число индексов [4, 5].

Определение величины «весов» проводилось в программе SPSS методом корреляционного анализа. Он позволяет выделить в каждом из четырех институтов наиболее значимые показатели и определить их весовое значение.

Результаты исследования. Оценка ресурсных возможностей, или потенциала культурных институтов центральных городов была проведена согласно выше изложенной методике. Отметим, что в базу данных не были включены два города Москва и Санкт-Петербург, имеющие максимально высокие значения практически по всем параметрам. Данные интегрального индекса были проранжированы и представлены в табл. 1.

Выбранная методология исследования позволила выявить 3 момента.

сохранилась закономерность в распределении ресурсов культурных институтов согласно людности городов – региональных центров.

пространственная закономерность в распределении центров с высокими значениями интегрального индекса носит центр-периферийный характер. Центры субъектов России, расположенные на периферии, имеют низкие значения потенциала культурных институтов.

проявился отдельный тип городов – центры национальных субъектов России, которые имеют в большинстве

Таблица 1

Интегральный индекс социокультурного потенциала центральных городов*

Город	Индекс	Город	Индекс	Город	Индекс
1.Магас	более 20	28. *Саранск*	3,7	55.Тула	3,1
2.Ханты-Мансийск	10,1	29.Владикавказ	3,6	56.Ярославль	3,1
3.Саратов	6,4	30.Вологда	3,6	57.Челябинск	3,01
4.Якутск	5,5	31.Кемерово	3,6	58.*Нальчик*	3
5.Йошкар-Ола	4,9	32.Майкоп	3,6	59.Пермь	3
6.Казань	4,6	33.Нижний Новгород	3,5	60.Брянск	2,9
7.Ульяновск	4,3	34.Новгород	3,5	61.Владивосток	2,9
8.Чебоксары	4,3	35.Омск	3,5	62.Орел	2,9
9.Петрозаводск	4,2	36.Улан-Удэ	3,5	63.Рязань	2,8
10.Псков	4,2	37.Барнаул	3,4	64.Тюмень	2,8
11.Элиста	4,2	38.Ижевск	3,4	65.Владимир	2,7
12.Абакан	4,1	39.Магадан	3,4	66.Киров	2,7
13.Махачкала	4,1	40.Оренбург	3,4	67.Курган	2,7
14.Ростов	4	41.Уфа	3,4	68.Чита	2,7
15.Черкесск	4	42.Хабаровск	3,4	69.Кострома	2,5
16.Горно-Алтайск	3,9	43.Красноярск	3,3	70.Курск	2,5
17.Кызыл	3,9	44.Тамбов	3,3	71.Пенза	2,5
18.Смоленск	3,9	45.Волгоград	3,2	72.Салехард	2,5
19.Архангельск	3,8	46.Воронеж	3,2	73.Сыктывкар	2,4
20.Благовещенск	3,8	47.Екатеринбург	3,2	74.Калуга	2,3
21.Томск	3,8	48.Петропавловск-Камчатский	3,2	75.Анадырь	2,2
22.Астрахань	3,7	49.Южно-Сахалинск	3,2	76.Грозный	2,2
23.Белгород	3,7	50.Иваново	3,1	77.Биробиджан	2,1
24.Иркутск	3,7	51.Краснодар	3,1	78.Липецк	2,1
25.Калининград	3,7	52.Мурманск	3,1	79.Нарьян-Мар	2
26.Новосибирск	3,7	53.Ставрополь	3,1		
27.Самара	3,7	54.Тверь	3,1		

*Расчеты велись по количественным показателям, отражающим уровень развития культурных институтов. Перечень показателей указан *в методике исследования*.

случаев высокие значения потенциала культурных институтов.

В крупных городах, как правило, наблюдается средний или высокий потенциал культурных институтов. В таких городах довольно развитая система традиционных учреждений культурной сферы, которая к тому же дополняется альтернативными видами проведения свободного времени и отдыха горожан. Сказывается феномен крупного города, способствующего созданию особой творческой среды и инфраструктуры, согласно теории креативного класса Р. Флориды [6]. Распространенным явлением в современной культурной жизни крупнейших городов стало сокращение организованных видов проведения отдыха и досуга горожан и увеличение индивидуальных форм культурного отдыха. По-видимому, индивидуализация, уникальность и специфичность культурного продукта – неизбежное следствие развития современных городов, а наиболее близкими к этому типу остаются крупнейшие города.

Высокие значения интегрального индекса отмечаются в центрах национальных субъектов России. Сопоставление людности региональных центров и величины потенциала культурных институтов показало несовпадение городов при ранжировании двух показателей. Центры национальных субъектов с людностью городов 100–250 тыс. чел. получили высокие показатели потенциала культурных институтов. Заметим, что областных центров с подобной людностью немного, они как правило относятся к категории крупных городов. В итоге подушевая обеспеченность учреждениями и ресурсами образования, культуры, а также СМИ и религии у них оказалось ниже, чем в столицах национальных республик (табл. 2).

Таблица 2

Распределение региональных центров по величине уровня развития культурных институтов и по их людности

	Величина интегрального потенциала культурных институтов				
Людность городов	менее 2,3	2,4–2,9	3–3,5	3,6–4,5	4,6 и более
До 50 тыс. чел.	**Анадырь, Нарьян-Мар, Дудинка**	**Салехард**			**Магас***
50–100 тыс. чел.	**Биробиджан**		Магадан	**Горно-Алтайск**	**Ханты-Мансийск**
100–250 тыс. чел.		Сыктывкар	Южно-Сахалинск Петропавловск-Камчатский	**Майкоп, Кызыл, Черкесск, Абакан, Элиста,** Псков, Благовещенск	**Якутск**
250–500 тыс. чел.	**Грозный**	Курск, Кострома, Чита, Курган, Киров, Владимир, Орел, Брянск	**Улан-Удэ, Нальчик,** Тверь, Тула, Ставрополь, Мурманск, Иваново, Тамбов	**Владикавказ, Саранск, Петрозаводск, Махачкала, Чебоксары,** Смоленск, Архангельск, Белгород, Калининград, Вологда	**Йошкар-Ола**
500–1000 тыс. чел.	Липецк	Пенза, Тюмень, Рязань, Владивосток	**Ижевск,** Ярославль Краснодар Оренбург Хабаровск	Ульяновск, Томск, Астрахань, Иркутск, Кемерово	Саратов
Более 1 млн чел.			**Уфа**, Пермь Челябинск Воронеж, Екатеринбург, Волгоград Красноярск, Омск	Новосибирск, Самара, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону	**Казань**

*У Ханты-Мансийска и Магаса величина СКП выше 10 единиц.

Сравнительно высокие значения индекса в центрах национальных субъектов, являющихся большими городами, складывается в основном благодаря высоким значениям итоговых индексов по институту культуры. Отметим, что столицы национальных республик, будучи действительно многонациональными, располагают в основном двуязычной культурной инфраструктурой. В городах имеются по два драматических театра, как правило, русский и национальный. Такая практика появилась в первые десятилетия советской власти, национальные театры символизировали задекларированное равноправие всех народов. В многонациональных столицах, таких как Уфа, Махачкала, Нальчик – театральных студий и коллективов находится больше, в силу существования нескольких языков общения. В Уфе, например, действует 8 театров, в Махачкале – 9 театральных и концертных учреждений.

Двуязычие влияет и на работу других учреждений культуры. Библиотечный фонд всех центров национальных территорий располагает литературой на русском и национальном языках. Также работают средства массовой информации, транслируя передачи и тиражируя газеты и журналы на двух и более языках. В городах действуют художественные коллективы, исполняющие произведения на разных языках, как следствие сравнительно активно функционируют дома и дворцы культуры.

При учете дифференцированного характера деятельности учреждений культуры, в том числе за счет популяризации языка титульного народа и поддержки его культурных традиций, удивительно скромно выглядит финансирование этой сферы. Сравнительный анализ расходной части валового регионального продукта в области культуры в национальных образованиях и областях показал отсутствие различий между областями и республиками. Финансирование этнокультурных проектов ведется из федерального бюджета, непосредственно через Министерство культуры России, благодаря созданию различных федеральных программ, призванных оказывать адресную финансовую поддержку уникальным культурным проектам. Так, например, финансировался проект «Родники России», инициированный в Чебоксарах как фестиваль фольклорных коллективов под названием «Родники Поволжья» и выросший до всероссийского уровня. Имеются примеры разовых, но ощутимых финансовых вливаний. Так, к 175-летию со дня рождения П.И. Чайковского в Удмуртию по линии Министерства культуры и массовых коммуникаций предполагается выделить 6 млрд руб., которые поступят в бюджеты Ижевска, Воткинска, Глазова для реконструкции учреждений культуры, а также проведения юбилейных мероприятий.

Выводы. В целом отметим, что инертность статистической системы учета традиционного перечня учреждений культуры не демонстрирует всей палитры альтернативно действующих объектов культуры в современном городе. Вне учета оказались музыкальные и театральные традиции театров, грандиозные этнокультурные мероприятия, происходящие не только в зданиях, но и на открытых площадках и улицах городов, а также уникальные фольклорные коллективы в столицах или иных поселениях национальных образований. Их деятельность чаще всего ведется за счет энтузиазма участников коллективов, а демонстрация достижений происходит на конкурсах и концертах, проводимых среди различных половозрастных групп. По-видимому, требует доработки перечень показателей по институту СМИ и религия, по которым в настоящее время Госкомстат практически не ведет постоянного учета.

Отметим, что предложенная методика позволила получить рейтинг городов по величине потенциала культурных институтов, а также выявить преимущества такого типа региональных центров, как центры национальных субъектов России, выделенного в особый тип Г.М. Лаппо. Позиции городов отражают реальную картину положения социокультурной сферы, однако требуются динамические характеристики, которые бы позволили увидеть уточненные позиции городов.

Библиографический список

1. Айзинова И.М., Пациорковский В.В. Непроизводственная инфраструктура регионального центра // Социологические исследования. – 1984. – №3. – С. 75–81.

2. Лаппо Г.М. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монограф. сб. – М.: ОГИ, 2001. – С. 124–155.
3. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСПЭН РАН, 2010. – 390 с.
4. Трифонова З.А. Социокультурный потенциал города: методика определения, результаты оценки и модели использования в центрах национальных регионов России // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 175–179.
5. Трифонова З.А. Оценка социально-культурного потенциала центров национально-территориальных образований России // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2008. – № 3. – С. 74–80.
6. Florida R. Who's Your City: How the Creative Economy is Making Where to Live The Most Important Decision of Your Life. – N-Y.: Basic Books, 2008. – 384 p.

Щербакова С.А. (Смоленск)

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТУРИСТСКОМ РЫНКЕ РОССИИ

Shcherbakova S.A.

THE IMAGE OF THE SMOLENSK REGION IN THE RUSSIAN TOURIST MARKET

Аннотация. *Статья посвящена актуальному вопросу формирования туристского имиджа территории. Автор уделяет особое внимание факторам, которые способствуют формированию имиджа Смоленского региона на национальном туристском рынке. Смоленская область рассматривается как перспективная туристская дестинация, которая находится на начальной стадии формирования туристского имиджа. Даются рекомендации по формированию и продвижению туристского имиджа Смоленщины.*

Abstract. *The article is devoted to the development of the touristic image of the territory. The author pays special attention to those factors which influence the image of the Smolensk Region on the national touristic market. The Smolensk Region is considered as a promising touristic destination, which image at present is at the primary stage of its development. The researcher gives a number of recommendations for further development and promotion of the regional image.*

Ключевые слова*: туристский имидж региона, туризм, туристский потенциал.*
Key words: *touristic regional image, tourism, touristic potential.*

В современном мире города и регионы России активно конкурируют между собой в борьбе за туриста. На этом фоне все большую актуальность приобретает современная тенденция формирования туристского имиджа городов и регионов.

Туристский имидж дестинации становится важным экономическим ресурсом и одним из ключевых факторов конкурентоспособности региона, способствующий стабильному социально-экономическому развитию и привлечению инвестиций в экономику региона [3].

Имидж территории отражает современное состояние экономики, политики, населения, географии и климата, особенностей истории, религии и культуры, менталитета населения, состояния науки и образования, спорта, то есть в целом, уровень развития территории [4, 5]. Формирование имиджа туристской дестинации происходит под влиянием различных объективных и субъективных факторов, способствующих созданию предпочтительного отношения к тому, что предлагает туристский рынок. Успех в формировании имиджа региона в первую очередь зависит от того, насколько удачно сознательно формируемый субъектом имидж будет соответствовать, с одной стороны, ее объективным качествам, а с другой – ожиданиям и запросам потребителя.

Для успешного формирования имиджа необходимы регулярные маркетинговые исследования, которые позволяют дать оценку привлекательности региона для туристов.

Смоленская область, с ее значимой историей, является одним из наиболее перспективных регионов России для развития туризма. Богатое культурно-историческое наследие и природный потенциал, в сочетании с выгодным географическим положением на западных рубежах, дают возможность привлекать российских и зарубежных туристов. Ежегодно Смоленский регион с туристскими целями посещают более 200 тыс. чел. [6].

В Смоленской области можно выделить 6 туристских зон:

- Смоленская туристская зона (г. Смоленск, Смоленский, Кардымовский, Краснинский районы);
- Центральная туристская зона (Дорогобужский, Ярцевский, Сафоновский, Холм-Жирковский районы);
- Северо-Западная туристская зона (Велижский, Демидовский, Духовщинский, Руднянский районы);
- Северо-Восточная туристская зона (Сычевский, Новодугинский районы);
- Восточная туристская зона (Вяземский, Гагаринский, Угранский, Темкинский районы);
- Южная туристская зона (г. Десногорск, Починковский, Ельнинский, Рославльский, Шумячский, Ершичский, Хиславичский, Монастырщинский районы).

Туристские ресурсы данных зон распределены неравномерно и имеют ряд недостатков.

Смоленская туристская зона характеризуется большим количеством средств размещения, общественного питания, культурно-досуговых учреждений, природных и исторических объектов туристского показа, санаторных учреждений и оздоровительных лагерей. Приоритет как объекты, определяющие направления туристско-экскурсионных потоков в этой зоне, получают следующие туристские ресурсы: комплекс памятников исторического центра г. Смоленска, Гнездовский археологический комплекс, историко-архитектурный комплекс «Теремок», мемориальный комплекс «Катынь» (Смоленский район), «Соловьева переправа» (Кардымовский район), места боев войны 1812 года (Кардымовский и Краснинский районы) и др.

В Центральной зоне получил развитие религиозный туризм с центром в Свято–Троицком Герасимо–Болдинском монастыре (Дорогобужский район).

В Северо-Западной зоне развивается туризм в Сертейском археологическом комплексе (Велижский район), функционируют экологические маршруты в национальном парке «Смоленское Поозерье» (Демидовский и Духовщинский районы).

В Северо-Восточной туристской зоне центрами притяжения внимания туристов являются дворянские усадьбы Высокое, Липецы, Александрино в Новодугинском районе, Дугино в Сычевском районе. Разработан туристский маршрут к истоку реки Днепр в Сычевском районе.

Восточная туристская зона выделяется прежде всего значимостью туристских ресурсов городов Гагарин (мемориальный музей Ю.А. Гагарина) и Вяземского района (музей-заповедник «Хмелита», Иоанно-Предтеченский монастырь, мемориал «Богородицкое поле»). Высока активность самодеятельных туристов в целях рыбной ловли на Яузском и Вазузском водохранилищах в Гагаринском районе, охоты, водных сплавов по р. Угра.

В Южной зоне приоритетом использования туристских ресурсов является Десногорское водохранилище (рыболовный туризм). Популярны путешествия на родину М.И. Глинки в с. Новоспасское и А.Т. Твардовского на хутор Загорье, а также в Свято-Преображенский монастырь г. Рославль.

Географическое положение Смоленской области в пределах «транспортного коридора», связывающего Московский столичный регион с Белоруссией и странами ЕС создает ряд серьезных преимуществ. Развитие туризма на Смоленщине во многом может основываться на использовании концепции «коридора (ворот) развития», рассматриваемой с пространственных и содержательных позиций [1, 2].

Для того чтобы понять, каков имидж города Смоленска и Смоленского региона у россиян, был проведен открытый интернет-опрос на одном из популярных социальных порталов. Одним из первых был вопрос: «Какие первые ассоциации возникают при упоминании о городе Смоленске?». Люди отметили тот факт, что исторические события, происходившие на Смоленщине, хорошо отражены в учебниках истории. Но в настоящее время упоминания о Смоленске и Смоленской области как о туристском направлении, в СМИ практически отсутствуют. Большинство участников интернет-опроса были едины во мнении о том, что Смоленск представляется маленьким провинциальным городком, с неразвитой инфраструктурой, регрессивной экономикой и деревянными постройками в центре города. Многие отмечают, что наслышаны о Смоленской крепостной стене, Успенском соборе, а так же о том, что Смоленщина – родина первого космонавта Ю.А. Гагарина. Вспомнили также производственное предприятие «Кристалл»,

Рис. 1. Результаты интернет-опроса
Источник: составлено автором по итогам интернет-голосования

специализирующееся на производстве бриллиантов и даже смоленскую команду КВН «Триод и Диод».

Для того чтобы сделать выводы, насколько конкурентоспособен Смоленск на туристском рынке России, был задан ещё один вопрос: «Какой город Вы бы хотели посетить с туристскими целями?». Среди предложенных вариантов ответа фигурировали известные и популярные среди туристов города (Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Казань), а также города, которые, как и Смоленск, находятся на начальной стадии формирования собственного туристского имиджа (Ярославль, Великий Новгород). Неудивительно, что большинство респондентов отдали свои голоса за города с громким и уже давно сложившимся туристским имиджем (рис. 1). По результатам исследования можно сделать вывод, что Смоленск является аутсайдером на российском туристском рынке. Ситуацию не спасло даже «раскручивание» города Смоленска в связи с празднованием юбилейной даты – 1150-летия со времени первого письменного упоминания.

Необходимо отметить тот факт, что в рамках всероссийского национального проекта «Город России. Национальный выбор-2012» было объявлено всенародное интернет-голосование, в рамках которого было предложено выявить город, который отражал бы в полном объеме уникальную историю России. По результатам рейтинга Смоленск был выбран самым символичным и узнаваемым городом России, набрав максимальное количество голосов – 285 805. В 2013 г. это конкурс вновь стартовал, результаты будут известны только в конце декабря, но на сегодняшний момент Смоленск занимает 8 место [9].

Другой всероссийский проект, который проходил под эгидой Русского географического общества, выбирал 10 символов России. Самая известная достопримечательность г. Смоленска – Смоленская крепостная стена, построенная под руководством Ф.С. Коня в 1596–1602 гг. и являющаяся выдающимся военно-инженерным и архитектурным сооружением, к сожалению, не вошла топ-десятку, хотя была одним из лидеров на первом этапе голосования [8].

Для того, чтобы начать активную политику продвижения положительного туристского имиджа за пределы своей территории, следует выявить некоторые факторы, сдерживающие развитие въездного туризма в Смоленской области.

Основными факторами, которые негативное воздействие на развитие туризма на Смоленщине, являются недостаточно развитая туристская инфраструктура, низкое качество обслуживания туристов, завышенная стоимость предоставляемых услуг, недостаток рекламы, отсутствие практики создания благоприятных условий для инвестиций в средства размещения.

Уровень обслуживания туристов, приезжающих в Смоленскую область, достаточно низкий. Например, лишь 30% работников сферы сервиса и туризма имеют необходимое образование. Нами был проведён опрос приезжающих туристов об уровне качества обслуживания на транспорте, в объектах размещения, питания, а также в досугово-развлекательном комплексе г. Смоленска. Результаты опроса показали, что 57% опрошенных оценивают уровень качества обслуживания туристов как «плохое», 5% – как «отличное».

Проблемой для Смоленской области является привлечение предпринимательского капитала в туристскую отрасль, что отражает активность туристской деятельности. Особенно плохое положение дел с инвестированием в гостиничный комплекс. Отсутствие гостиниц туристского класса привело к снижению конкурентоспособности в этом сегменте туристского рынка по сравнению с соседними областями. Существующие гостиницы не стремятся улучшать качество предоставляемых услуг, вяло ведут реконструкцию, не проводят активную рекламную политику. Эта же проблема касается и баз отдыха, туристских комплексов региона. Для успешного развития туризма необходим приток инвестиций как российских, так и зарубежных, в первую очередь, в развитие туристской инфраструктуры для формирования сети гостиниц туристского класса и, в частности, малых гостиниц, а также мотелей, расположенных на дорогах федерального значения, обеспечивающих комфортные условия проживания при невысоких ценах.

Смоленская область может гордиться множеством исторических памятников и архитектурных шедевров. Но многие из них находятся в запущенном состоянии, имеют плохую транспортную доступность, недостаточное государственное и региональное финансирование и т.д.

В целях получении информации о современном состоянии и перспективах развития регионального туристского бизнеса, было проведено анкетирование руководителей туристских фирм города Смоленска. В анкетировании приняло участие 65 директоров туристских фирм. По мнению респондентов, туристский бизнес сталкивается со многими проблемами, главными из которых являются нестабильность налоговой политики, недостаточная поддержка туризма со стороны государства, нехватка собственных денежных средств, низкая платежеспособность потребителей. Мнения опрошенных варьируются в зависимости от опыта работы в данной сфере (табл. 1).

Характеризуя динамику развития туризма, почти треть руководителей туристских фирм (27,4%) считает, что наблюдается тенденция постепенного роста популярности внутреннего туризма, но 12,9% вообще не верят в отечественный туризм. Будущее туристского бизнеса большинство руководителей не видят без первоочередного инвестирования в материальную базу туризма и, прежде всего, в средства приема и размещения туристов. Это отметили 75,6% опрошенных. Оценивая перспективы собственного дела, 60% респондентов собираются и дальше заниматься туристским бизнесом, 18,2% еще не определились. Более уверенных в завтрашнем дне своего бизнеса больше среди тех, которые работает в этой сфере более 5 лет.

В последние годы смоленские туристские фирмы стали проводить активную деятельность по продвижению регионального туристского продукта. Участие представителей туристского бизнеса Смоленской области в крупных туристских выставках уже стало традиционным. Регион обладает огромным потенциалом, который нуждается в постоянном и последовательном освещении в СМИ, с целью привлечения туристов не только из России, но стран ближнего и дальнего зарубежья. При поддержке администраций Смоленской области и г. Смоленска туристские фирмы города принимают участие в российских и международных туристских выставках в Москве («MITT», «MITF», ITM), Санкт-Петербурге (“INWETEX”), Минске. На выставке в Берлине (Russian Tourism Roadshow) особое внимание было уделено новому инвестиционному проекту «Вазузапарк» с созданием Космопарка на его территории, а также межрегиональному маршруту

Таблица 1

Основные проблемы в деятельности туристских фирм города Смоленска (в % к общему числу опрошенных руководителей)

Основные проблемы	Туристские фирмы, работающие на рынке менее 1 года	Туристские фирмы, работающие на рынке 2–5 лет	Туристские фирмы, работающие на рынке более 5 лет
Нестабильность налоговой политики	100,0	100,0	100,0
Неплатежеспособность потребителей	75,5	60,0	55,7
Недостаточная поддержка государства	100,0	80,0	100,0
Нехватка собственных средств	60,0	40,0	40,0
Недостаток правовых актов, регулирующих туристскую деятельность	100,0	40,0	40,0
Недостаток квалификационных кадров	100,0	-	58,5

Источник: составлено автором по итогам анкетирования

«К истокам Руси» – результату совместного сотрудничества администраций Смоленской, Новгородской и Псковской областей. Безусловно, участие в данных мероприятиях способствует формированию позитивного имиджа Смоленской области на туристском рынке, привлекая внимание к ней и способствуя увеличению въездных туристских потоков.

Реализованные за последние годы в Смоленской области программы развития туризма, а также программа по подготовке к празднованию 1150-летнего юбилея города Смоленска, позволили туристкой отрасли региона продвинуться в рекламно-информационной деятельности, частично провести реконструкцию памятников, туристских средств размещения, дорог, вовлечь в организацию системы развития туризма органы местного самоуправления, укрепить межотраслевую координацию действий между предприятиями торговли, общественного питания, транспорта, дорожного строительства, гостиничного и санаторно-курортного комплексов.

Для успешного существования в условиях конкурентной борьбы и формирования узнаваемости на российском туристском рынке Смоленской области необходим собственный уникальный имидж. На сегодняшний день Смоленщина находится только на начальной стадии формирования туристского имиджа, который необходимо разработать на основе имеющихся у него преимуществ. Именно туристский имидж Смоленской области в современных условиях станет одним из важнейших ресурсов, способным сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии въездного туризма.

Библиографический список:

1. Ковалев Ю.П. Развитие туризма в российско-белорусском пограничье // Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен: монография / Под ред. Катровского А.П. и Ковалёва Ю.П. – Смоленск: Универсум, 2012. – С. 46–66.
2. Ковалев Ю.П. Туристско-рекреационный потенциал и развитие туризма в российско-белорусском пограничье // Региональные исследования. – № 4 (34). – 2011. – С. 133–143.
3. Остроумов О.В. Туризм. Продвижение российского турпродукта: возможности и реальность: учеб.-метод. пособие / под ред. Путрика Ю. С. – М.: Финансы и статистика, 2007.
4. Mund J.W. Einführung in den Tourismus. – München, Wien: Oldenbourg, 1998.
5. Tourismustypen / von Prof. Dr. Harald Dettmer. - München, Wien: Oldenbourg, 2000.
6. Сайт администрации Смоленской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.admin-smolensk.ru
7. Стратегии развития регионов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.regionpr.ru/page198.html
8. Город России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://город-россии.рф
9. Сайт 10 символов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://10russia.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Караваев П.Л. (Смоленск)

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Karavaev P.L.

POLITICO-GEOGRAPHIC PREREQUISITES FOR REALIZING THE TOURIST-RECREATIONAL POTENTIAL IN THE COUNTRIES OF ASIA-PACIFIC REGION

Аннотация. *В статье рассмотрены политико-географические предпосылки как важнейшее условие эффективного использования туристско-рекреационного потенциала вообще, и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в частности. Представлена группировка стран и территорий Азиатско-Тихоокеанского региона с точки зрения степени безопасности политической ситуации для реализации туристско-рекреационного потенциала.*

Abstract. *In article reviews politico-geographic prerequisites as essential condition for the effective use of tourist-recreational potential in general, and countries of Asia-Pacific region in particular. Grouping of countries and territories in the Asia-Pacific region in terms of the degree of safety of the political situation to realize the tourist-recreational potential is presented.*

Ключевые слова: *политико-географические предпосылки как важнейшее условие развития иностранного туризма, влияние политической ситуации на развитие международного туризма, реализация туристско-рекреационного потенциала, страны Азиатско-Тихоокеанского региона.*

Keywords: *Politico-geographic prerequisites as essential condition of development of international tourism, impact of political situation on international tourism development, realizing of tourist-recreational potential, countries of Asia-Pacific region.*

Политико-географические факторы играют в процессе развития туризма одну из ключевых ролей. Бурное развитие массового международного туризма, его распространение практически на все районы земного шара всё острее ставит проблему обеспечения безопасности туристов. По мнению экспертов, в последние годы угроза их жизни, здоровью и имуществу значительно возросла. Однако, при этом специалистами констатируется развитие противоречивой тенденции: с одной стороны, глобальная политическая безопасность хотя и медленно, но увеличивается, с другой стороны, во многих районах земного шара угроза расширению иностранного туризма, исходящая от политических разногласий, нарастает [16].

Вопросы безопасного развития иностранного туризма давно стали занимать важное место в выработке стратегии и тактики его развития во многих государствах мира. Разделяя озабоченность правительств стран и стремясь содействовать позитивным изменениям в глобальном туризме, Всемирная туристская организация (ЮНВТО) инициировала проведение 1-й Международной конференции по безопасности туризма и уменьшению рисков при путешествиях (9–11 июня 1995 г., город Эстерсунд, Швеция). Одной из центральных тем на этой конференции стало развитие и углубление рынка туристских услуг в условиях политической нестабильности и усиления угрозы личной безопасности туристов. Вследствие возрастания экономической важности туризма увеличивается и ущерб, который может быть причинен миллионам людей, чье благосостояние непосредственно зависит от этой индустрии [8].

Международный туризм находится в сильной зависимости от политической нестабильности и риска личной безопасности. Военный конфликт способен в короткое время уничто-

жить развитую индустрию туризма, как это произошло в последнем десятилетии XX в. в бывшей Югославии. И даже менее экстремальные обстоятельства, такие как, например, пропаганда ксенофобии или кратковременный политический кризис, могут отбросить туризм на несколько лет назад и еще длительное время сказываться на его развитии.

Анализ политико-географических условий реализации туристско-рекреационного потенциала в АТР[1] опирается на оценку геополитической ситуации, тот «фон», без которого развитие многих социально-экономических процессов невозможно представить и понять.

За истекшие два с небольшим десятка лет в политическом климате всего мира и АТР в том числе произошли громадные изменения, носившие в целом позитивный характер. Из них главными являются следующие:

- окончание сверхмощного военного, политического и экономического противостояния СССР–США (конец эры «холодной войны» и «железного занавеса»);
- нормализация отношений между СССР (затем Россией) и рядом государств АТР, значительное снижение тревоги перед «советской военной угрозой»;
- увеличение открытости внешнему миру Китая (начиная с 1979 г.), снятие с внешней политики этой страны «бамбукового занавеса», нормализация отношений с США, установление дипломатических отношений со многими странами мира;
- снижение общего военного противостояния в регионе, уменьшение военного присутствия США;
- выход «новой» России на политическую арену АТР с концепцией взаимовыгодной интеграции России в тихоокеанское экономическое пространство.

Названные факторы не могли не повлиять на темпы роста международного туризма. Именно резкое улучшение политического климата в регионе, где геополитическое противостояние порой выливалось в крайние формы (Корейская война 1950–1953 гг., китайско-вьетнамский конфликт 1979 г., противостояние КНДР и Республики Корея, не преодоленное до настоящего времени, физическое уничтожение пятисот тысяч членов коммунистической партии в Индонезии в 1965–1966 гг. и др.), явилось главным катализатором развития сферы иностранного туризма.

Как указывают некоторые эксперты, можно выделить три вида дестабилизации международного туризма, вызванной политическими причинами или угрозой личной безопасности туристов, не связанной непосредственно с политической нестабильностью [9, 12, 14, 16]:

1) Глобальная продолжительная дестабилизация как, например, в Ливане, Северной Ирландии, Мьянме или Шри-Ланке;

2) Постоянная изменчивость и неопределенность в туристских маршрутах как, например, в Индии, Перу или на Филиппинах;

3) кратковременная дестабилизация вследствие единичного явления как, например, в Китае (события лета 1989 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь) или на Фиджи (межэтнические столкновения в 1987 г.).

Перечисленные классы не являются строгими, их предназначение лишь в общих чертах охарактеризовать данную проблему, и страны, приведенные в качестве примеров, могут переходить из одной категории в другую.

На сайте Министерства иностранных дел ФРГ есть раздел, содержащий своего рода классификацию, в которой страны возможного посещения немецкими туристами квалифицируются по степени опасности для них [3]. Германия занимает первое место в мире по объему выездного туризма, и названное министерство очень тщательно отслеживает и проверяет информацию, характеризующую состояние безопасности для туристов и иностранцев. МИД ФРГ выделяет три группы стран и территорий, где туристов с наибольшей вероятностью ожидает тот или иной вид опасности. Отметим, в соответствии с предметом исследования, только те страны и районы, где опасность имеет политико-географическую первооснову.

Первая группа – страны и территории, находящиеся в состоянии военного конфликта, и районы крупномасштабных боевых действий. Там туристам рекомендуется вообще не появляться. Таких стран в АТР в 2013 г. не выделялось.

[1] АТР рассматривается в границах, принятых Всемирной туристской организацией ООН (ЮНВТО). Согласно ЮНВТО, он включает Восточную Азию, Юго-Восточную Азию, Австралию и Океанию.

Вторая группа – страны и территории, в которых происходят серьезные беспорядки, действуют террористические группировки, сильна внутриполитическая нестабильность. Там рекомендуется проявлять повышенную осторожность и воздерживаться от посещения отдельных районов. Во второй группе находились следующие страны и территории АТР (табл. 1): Мьянма, Восточный Тимор, Камбоджа (западная часть), Индонезия (Ириан–Джая), Папуа–Новая Гвинея (остров Бугенвиль), Филиппины (остров Минданао).

Третья группа страны с высоким уровнем преступности. К третьей группе в АТР причислены страны и территории: КНДР, Лаос (северо-западные районы), Монголия, Таиланд (Паттайя, северные районы), Филиппины.

Предполагается, что в остальных государствах, являющихся районами туристского спроса и не попавших в этот перечень, какие-либо особенные опасности политико-географического происхождения туристам не угрожают.

Базирующаяся в Вашингтоне влиятельная организация «Дом Свободы» (Freedom House) в своих ежегодных обозрениях, публикуемых с 1972 г., классифицирует все государства и отдельные районы планеты по степени гарантированности и соблюдения гражданских свобод и политических прав. Совершенно естественно, что потенциальные туристы проявляют к информации подобного рода, относящейся к стране или району предполагаемого посещения, усиленное внимание. Согласно своей методике, «Дом Свободы» разбивает все страны и районы на три группы: «свободные», «частично свободные» и «несвободные».

По мнению названной организации «карта свободы» АТР выглядит так [11]:

1) Свободные государства: Австралия, Вануату, Индонезия, Кирибати, Маршалловы Острова, Микронезия, Монголия, Науру, Новая Зеландия, Палау, Республика Корея, Самоа, Тайвань, Тувалу, Япония;

2) Частично свободные государства: Восточный Тимор, Малайзия, ПапуаНовая Гвинея, Сингапур, Соломоновы Острова, Сянган (Гонконг), Таиланд, Тонга, Фиджи, Филиппины;

3) Несвободные государства: Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Китай, КНДР, Лаос, Мьянма.

Данная классификация, несомненно, заслуживает внимания и применения. Однако, следует признать, что «Дом Свободы»

Таблица 1

Современные вооруженные конфликты в странах АТР и степень их влияния на развитие международного туризма в странах и районах локализации

Район (страна)	Тип	Год зарождения / год начала	Воюющие стороны	Общее число погибших (на начало 2013 г. , в тыс.)	Степень влияния на развитие международного туризма	
					район	страна
Штаты Качин, Чин, и Кайя (Мьянма)	Т	1948	Правительство Мьянмы против КИО, ЧНФ и АК	…	низкая	низкая
КИО: Организация Независимости Качина (KIO); ЧНФ: группировка Чинский Национальный Фронт (CNF); АК: Армия Каренни (КА)						
ИриандЖая (Индонезия)	Т	1965/1966	Правительство Индонезии против ДСП	74-100	средняя	низкая
ДСП: организация «Движение Свободное Папуа»						
Остров Минданао (Филиппины)	П	1969/1986	Правительство Филиппин против ИОФМ	160	средняя	низкая
ИОФМ: Исламский освободительный фронт моро (MILF)						
Запад Камбоджи	П	1979/1979	Правительство Камбоджи против ПДК	30	средняя	низкая
ПДК: Партия демократической Кампучии («красные кхмеры»)						
Остров Бугенвиль (П—НГ)	Т	1989	Правительство П—НГ против БРА	15	средняя	низкая
БРА: Революционная армия Бугенвиля, выступающая за отделение о. Бугенвиль от П–НГ						

Примечание:. Т – территориальный конфликт; П – правительственный конфликт.
Составлено по [2, 4].

подходит к определению степени свободы прежде всего с позиций норм западного социума, имеющего богатые демократические традиции. Нужно учитывать, что результаты социологических опросов, выявляющих общественные представления жителей Запада о гражданской и политической свободе в других странах, формируются не в последнюю очередь благодаря мнению туристов, лично посетивших эти страны, и, естественно, в своей основной массе также несущих западное восприятие свободы. Но эти «стандарты», активно используемые заинтересованными организациями и СМИ, не всегда безоговорочно согласуются с традициями народовластия незападного типа, и нуждаются в серьезной корректировке при перенесении на иную национальную почву.

Более того, чрезмерное увлечение политологическими типологиями или поверхностное знакомство с политическими реалиями страны и вынесение на этой основе заключения о степени их воздействия на международный туризм чреваты серьезными искажениями (стереотипами) или просто ошибками. Механическая увязка типологических черт формы правления того или иного политического режима (при их значительной условности) с туристской политикой государства может приводить к выводам и прогнозным оценкам, далеким от реальной ситуации, или вовсе не соответствующим ей. В качестве доказательства данного утверждения можно привести Республику Корею (табл. 2).

В течение четырех десятилетий в Республике Корее сохранялся военный авторитарный режим, подавлявший инакомыслие и ущемлявший гражданские права и политические свободы населения. Королевство-отшельник, как иногда образно называли страну, имело не очень привлекательный имидж в мировом сообществе. Тем не менее, развитие международного туризма с начала 1960-х гг. шло динамично и, несмотря на то, что отдельные годы были для него откровенно неудачными (1974 г., 1980 г.), демонстрировало высокие темпы роста, исчислявшиеся ежегодно двузначными (и даже трёхзначными) цифрами. На протяжении всего указанного периода профессионалами турбизнеса, как южнокорейскими, так и иностранными, не ставились под сомнение ни прибыльность, ни перспективность Республики Кореи, как туристского направления.

В основе расширения корейского въездного туризма в описываемый промежуток времени лежали две главные причины: быстрое общеэкономическое развитие страны и, кажущаяся на первый взгляд парадоксальной, поддержка военным «антинародным» режимом въездного туризма. При более близком знакомстве с характером правящего режима и особенностями исторического развития страны эта поддержка не кажется столь уж нелогичной. Уделяя повышенное внимание расширению въездного туризма, любой политический режим может извлечь для себя выгоды в самых разных отношениях, а именно:

- улучшить образ страны на мировой арене;
- имитировать увеличение открытости общества;
- поднять занятость населения, и таким образом снизить остроту внутриполитического напряжения;
- привлечь технологические инновации в различных областях деятельности, при условии, что они не повлияют на лояльность населения.

Необходимо отметить, что Южная Корея отнюдь не уникальна, как страна, использовавшая международный туризм в качестве дипломатического инструмента и для улучшения имиджа авторитарного государственного строя. В той или иной степени к аналогичной тактике прибегали фактически все одиозные режимы, независимо от их декларативных целей. Даже КНДР, географически являющаяся непосредственным соседом Южной Кореи и антиподом с точки зрения стратегии развития экономики и международного туризма, в настоящее время в основном по вышеуказанным причинам стремится расширить въездной туризм. В то же время, как сектор национальной экономики международный туризм в КНДР всерьез никогда не рассматривался.

Выводы, полученные в итоге анализа влияния политического «климата» и политической «погоды» на развитие туризма, свидетельствуют о том, что они зачастую подвержены (особенно «погода») быстрым изменениям, иногда приводящим к резким трансформациям состояния туристской сферы. Примеры-антиподы СФР Югославии и Китая теперь, вероятно, можно признать хрестоматийными.

Таблица 2

Политические события и динамика международного туризма в Республике Корее (1960–1992 гг.)

Периоды / Годы	Название и краткая характеристика исторического периода / Основные политические события по годам	Прибытия иностранных туристов, в тыс.	Изменение к предыдущему году, в %	Поступления от иностранного туризма, в млн. дол.	Изменение к предыдущему году, в %
1960	**Вторая Республика.** Вторая республика – правительство Южной Кореи в течение восьми месяцев в 1960 и 1961 г. Являлось преемником Первой республики. Первая Республика – первое независимое южнокорейское правительство, управлявшее страной в период с 1948 по 1960 г. Его предшественником было американское военное правительство в Корее, работавшее в стране с 1945 по 1948 г. Вторая Республика основывалась на демократических принципах, но была свергнута менее чем за год, после чего в стране появилось военное правительство (Верховный Совет национальной перестройки)				
1960	—	8,7	…	0,44	…
1961–1963	**Верховный Совет национальной перестройки.** Военный переворот, возглавляемый генерал-майором Пак Чон Хи, 16 мая 1961 г. положил конец Второй республике. Военачальники обещали вернуть правительство на демократические рельсы как можно скорее. 2 декабря 1962 г. состоялся референдум о возвращении страны к президентской форме правления. «За» проголосовало 78% участников. Пак Чон Хи, вопреки данным ранее заверениям, всё-таки пошёл на выборы и выиграл их. Верховный Совет был первым южнокорейским правительственным органом, который использовал принцип плановой экономики. Первый южнокорейский пятилетний план был разработан в 1962 г.				
1961	—	11,1	27,6	1,35	206,8
1962	—	15,2	36,9	4,6	240,7
1963–1972	**Третья Республика.** Правительство Южной Кореи с 1963 до 1972 г. При его формировании предполагался возврат к гражданскому управлению страной после периода правления военного Верховного Совета Национальной Перестройки. Однако президентом стал бывший лидер Совета, Пак Чон Хи (у власти – до октября 1979 г.).				
1963	—	22,1	45,4	5,2	13,0
1964	—	25,0	13,1	15,7	201,9
1965	—	33,5	34,0	20,8	32,5
1966	—	68,0	103,0	32,5	56,3
1967	—	84,2	23,8	33,8	4,0
1968	—	102,7	22,0	35,5	5,0
1969	Принятие поправки к Конституции, которая позволила занимать президентскую должность более двух сроков подряд	126,7	23,4	32,8	-7,6
1970	—	173,3	36,8	46,8	42,7
1971	—	232,8	34,3	52,4	12,0
1972–1979	**Четвёртая Республика.** Четвёртая республика началась с принятия конституции Юсин на референдуме 21 ноября 1972 г. Новая конституция давала президенту фактический контроль над парламентом.				
1972	Принятия конституции Юсин на референдуме 21 ноября	370,7	59,2	83,0	58,4
1973	—	679,2	83,2	269,4	224,6
1974	Введение чрезвычайного положения. Арест сотен диссидентов	517,6	-23,8	158,6	-41,1
1975	Введение чрезвычайного положения. Арест сотен диссидентов	632,8	22,3	140,6	-11,3
1976	—	834,2	31,8	275,0	95,6
1977	—	949,7	13,8	370,0	34,6
1978	—	1 079,4	13,7	408,1	10,3
1979–1987	**Пятая Республика.** В течение этого периода президентом был Чон Ду Хван (официально занял пост в марте 1981 г.), военный соратник убитого президента Пак Чон Хи. Характер правления нового президента был преимущественно авторитарным. Период характеризовался попытками реформ. Были заложены основы для стабильного развития демократии в стране.				

Таблица 2. Окончание

1979	Мощные волнения по всей стране; в октябре убит Пак Чон Хи. Путч генерал-майора Чон Ду Хвана	1 126,1	4,3	326,0	-20,1
1980	Отстранение от власти гражданского правительства. В результате подавления восстания в мае в городе Кванджу погибло 1,2 тыс. человек	976,4	-13,3	369,3	13,3
1981	—	1 093,2	12,0	447,6	21,2
1982	—	1 145,0	4,7	502,3	12,2
1983	—	1 194,5	4,3	596,2	18,7
1984	—	1 297,3	8,6	673,4	12,9
1985	—	1 426,0	9,9	784,3	16,5
1986	—	1 660,0	16,4	1 547,5	97,3
1987–	**Шестая Республика.** Президент генерал Ро Дэ У (1988–1993 гг.). Крах военного авторитарного правления (1992 г.) Переход страны к гражданскому обществу и демократии				
1987	Острый внутриполитический кризис; общенациональный референдум утвердил Новую конституцию, гарантировавшую многопартийность; в декабре состоялись первые в истории страны свободные (демократические) выборы, на них победил Ро Дэ У	1 874,5	12,9	2 299,2	48,6
1988	Вступление в силу Новой конституции. Олимпийские игры в Сеуле	2 340,5	24,9	3 265,2	42,0
1989	—	2 728,1	16,6	3 556,3	8,9
1990	—	2 958,8	8,5	3 558,7	0,1
1991	—	3 196,3	8,0	3 426,4	-3,7
1992	Президентские выборы, на которых победил Ким Ен Сам; начало проведения либерально-демократических реформ	3 231,0	1,1	3 272,0	-4,5

Составлено по [6, 7, 12, 15].

Таким образом, принимая во внимание различные классификации и мнения экспертов, можно выделить три группы стран и районов АТР по степени благоприятствования политических предпосылок развитию международного туризма и реализации туристско-рекреационного потенциала:

1) Высокая степень: Австралия, САР Аомэнь (КНР), Бруней, Вануату, Индонезия (исключая Ириан-Джая), Кирибати, Малайзия, Маршалловы Острова, Микронезия, Монголия, Науру, Новая Зеландия, Палау, Республика Корея, Самоа, Сингапур, САР Сянган (КНР), Тайвань, Тувалу, Япония.

2) Средняя степень: Восточный Тимор, Вьетнам, Камбоджа (кроме западной части), Китай (включая Тибет), Лаос, Малайзия, Мьянма (кроме штатов Качин, Чин, и Кайя), Папуа–Новая Гвинея (кроме о. Бугенвиль), Соломоновы Острова, Таиланд, Тонга, Фиджи, Филиппины;

3) Ситуация, мало благоприятствующая туризму: Ириан-Джая (Индонезия), западная часть Камбоджи (примерно 10% территории), КНДР, северо-запад Лаоса (не более 7% территории), штаты Качин, Чин, и Кайя (Мьянма, 20% территории), остров Бугенвиль (П–НГ, 2% территории), остров Минданао (Филиппины, 6,4%). Общая площадь данных стран и территорий приблизительно равна 700 тыс. км^2, что примерно соответствует площади Мьянмы.

Таким образом, с точки зрения политической стабильности для реализации туристско-рекреационного потенциала в современное время неблагоприятные районы занимают в общей сложности всего 700 тыс. км^2 (или 2,8% площади АТР), в их пределах проживает около 45 млн. человек (2% населения АТР). Напрашивается очевидный вывод: АТР представляет собой ареал сравнительно высокой гео- и внутриполитической устойчивости, позволяющей развивать массовый туризм в значительных масштабах и реализовывать богатейший туристско-рекреационный потенциал.

В целом доля туристов, пострадавших от войн, внутриполитических конфликтов, тер-

роризма – то есть явлений, вызванных прежде всего политическими причинами, относительно невелика. Основную же угрозу для их безопасности представляют все-таки криминальные проявления: грабежи, кражи, мошенничество, убийства на уголовной почве и т. д. Правда, следует отметить, что уровень преступности на крупнейших курортах мира, в том числе и в АТР, как правило, низок. Число преступлений против иностранных туристов (в основном, это ограбления, кражи, мошенничество, вымогательство) обычно не превышает нескольких десятков за сезон, а убийства вообще носят единичный характер (относительно общего потока отдыхающих). Это вполне естественно, поскольку в противном случае люди просто не ездили бы на курорты.

Низкий уровень преступности объясняется, прежде всего, отношением местного населения, чьё благосостояние напрямую зависит от туризма. Это заставляет его проявлять повышенную «сознательность» и гостеприимство. Кроме того, в курортных зонах власти принимают особые меры безопасности. Так, например, Таиланд в 1982 г., первым среди азиатских стран, создал Туристскую полицию, чтобы совместно с Департаментом туризма Таиланда (*Tourism Authority of Thailand; TAT*) обеспечивать безопасность туристов. Это специальный контингент полиции страны, владеющий английским языком (обязательное требование), несущих службу во всех главных туристских центрах страны для быстрого оказания помощи туристам в случае необходимости. В обязанности полицейских входит принятие и подтверждение исков и жалоб туристов, расследование причин и функция координатора безопасности туристов [5]. Также туристская полиция с аналогичными функциями создана и в некоторых других странах АТР: Малайзии (1985 г.), Мьянме (1996 г.), во Вьетнаме (в Хошимине с 2006 г.), на Филиппинах (конец 2010 г.), в Индонезии (на острове Бали), Лаосе, Южной Корее (с октября 2013 г.), Камбодже.

По мнению многих экспертов ситуация с обеспечением безопасности туристов будет ухудшаться [10, 13, 16]. Вызвано это прежде всего политическими причинами: ростом сепаратизма, экстремизма и т. д., а также общим ухудшением экономической ситуации в районах «экзотического» туризма. Тем не менее, вследствие того, что многие из этих процессов возникают и углубляются на почве экономических трудностей и политических конфликтов, имеющих солидный «возраст», АТР находится в несколько лучшем положении по сравнению с другими регионами развивающегося мира и его туристские зоны подвергаются политической дестабилизации в незначительной мере.

Директор Европейского института туризма при Трирском университете (г. Трир, ФРГ) А. Штайнеке (*Albrecht Steinecke*) в середине 1990-х гг. высказал предположение, что международному туризму грозит «геттоизация». Он утверждал, что соображения безопасности заставят максимально ограничить контакты туристов со страной пребывания, изолировать отели, пляжи и пр., вынести их за пределы районов массового проживания местного населения, то есть, по существу, размещать туристов в своего рода гетто [1].

Время показало, что, хотя сценарий, предсказанный немецким специалистом, не стал доминирующим, но, в то же время, ему удалось правильно спрогнозировать одно из значимых направлений пространственного развития международного туризма. Во многих странах мира, не исключая и страны АТР, как правило, в тех, где средний жизненный уровень местного населения сильно уступает благосостоянию приезжающих туристов, либо резиденты и «гости» резко различаются по своим социокультурным характеристикам, признаки «геттоизации» выражены отчетливо. Наиболее яркими примерами являются Мьянма, Филиппины, Вьетнам, Камбоджа, Восточный Тимор, Соломоновы Острова. В то же время, в таких странах как Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Сянган (Гонконг), Малайзия или Французская Полинезия туристы практически не испытывают какого-либо психологического дискомфорта или ограничений в передвижении по их территории. В современную эпоху единственной страной региона, где своеобразная форма туристской «геттоизации» обусловливается главным образом идеологической доктриной государства, является КНДР.

Безусловно, политико-географические предпосылки являются одним из важнейших условий реализации туристско-рекреационного потенциала страны. Быстрое развитие массового международного туризма, его глобальное распространение всё острее

ставит проблему обеспечения безопасности туристов. При этом в последние десятилетия наблюдается развитие противоречивой тенденции: с одной стороны, глобальная политическая безопасность медленно увеличивается, с другой стороны, во многих районах земного шара угроза расширению иностранного туризма, исходящая от политических разногласий, усиливается. Вследствие того, что многие из этих процессов возникают и углубляются на почве экономических трудностей и политических конфликтов, имеющих солидный «возраст», АТР находится в несколько лучшем положении по сравнению с другими регионами за пределами Европы и Северной Америки, и его туристские зоны подвергаются политической дестабилизации в незначительной мере.

Большинство стран АТР характеризуются средним и высоким уровнем внутриполитической устойчивости, способствующим развитию различных видов международного туризма, а также реализации их разнообразного и богатейшего туристско-рекреационного потенциала. В настоящее время на страны и территории неблагоприятные в силу политической нестабильности для реализации туристско-рекреационного потенциала приходится в общей сложности всего 2,8% площади и 2% его населения АТР.

Библиографический список

1. Калишевский М. Превратятся ли курорты в гетто? // Іностранец. – 1996. – №17.
2. Конфликт в Западном Папуа (Индонезия) 1966 – по н.в.: Официальный сайт LiveJournal.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://war-conflicts.livejournal.com/1512.html
3. Министерство иностранных дел ФРГ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Laenderinformationen/01-Reisewarnungen-Liste_node.html
4. Ежегодник СИПРИ 2012 (Стокгольмский институт исследования проблем мира). Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.sipri.org/yearbook/2013]
5. Таиланд. Краткий туристический справочник. Московское представительство Департамента туризма Таиланда. 2002.
6. Толорая Г. Д. Республика Корея. – М., 1991.
7. Туристская организация Республики Кореи: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kto.visitkorea.or.kr/
8. Щербакова С.А., Чарыкова А.А. Роль международного туризма в экономике развивающихся стран мира // Региональные исследования. – 2006. – № 1. – С. 29–36.
9. Berger M. Tourismus in Kambodscha – zurück in die Zukunft? // Geographische Rundschau. – 1994. – № 4. – P. 240–244.
10. Cohen E. Globalization, Global Crises and Tourism // Tourism Recreation Research, Vol. 37(2), 2012, 103–111 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trrworld.org/pdfs/64k11qti3643r19kv16evi3242j19ro.pdf
11. Comparative Survey of Freedom. Freedom House. Washington (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW_0.pdf
12. Hall C.M. Tourism in the Pacific Rim: development, impacts and markets. Melbourne, 1994. – 223 p.
13. Neumayer E. The Impact of Political Violence on Tourism: Dynamic Cross-National Estimation // Journal of Conflict Resolution. April 2004. 259-281 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eprints.lse.ac.uk/614/1/JournalofConflictResolution_48(2).pdf
14. Richter K. L. The politics of Tourism in Asia. Honolulu, 1989.
15. Seth M. Book a Concise History of Modern Korea: From the Late Nineteenth Century to the Present. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 295 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://circle.ubc.ca/handle/2429/39974
16. Young-Rae K., Chang H., Seung Hyun K. The impact of potential political security level on international tourism // Todd Sh., comp., ed. 2002. 259-281 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.treesearch.fs.fed.us/pubs/17362

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Чистобаев А.И. (Санкт-Петербург)

О ДОСТИЖЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ[1]

Chistobaev A.I.

THE ACHIEVEMENTS OF RUSSIAN AND AMERICAN SCIENTISTS IN THE FIELD OF ECONOMIC GEOGRAPHY: THE CONTINUATION OF THE DEBATE

Конечно же, и я, как и П.Я. Бакланов, внимательно (и даже не один раз) прочитал статью А.Н. Пилясова о работах П. Кругмана и их значении для изучения размещения производительных сил России. Не менее внимательно и вдумчиво я ознакомился с материалами дискуссии между глубоко уважаемыми мною российскими коллегами. Выждав время и убедившись в том, что они не намерены продолжать дискуссию, я решил поделиться с читателями своими соображениями по обсуждаемому вопросу.

Прежде всего, хочу сказать, что необходимость в дискуссиях в общественно-географической науке назрела давно. Хорошо, что она состоялась на страницах ведущего (если не сказать, – единственного в общественной географии) журнала. После бурных дебатов в 1930-х годах (борьба Н.Н. Баранского с так называемой им «буржуазно-статистической школой» В.Э. Дена), острой полемики в 1960-х годах по поводу (опять же, так называемых) «единой» и «разорванной» географии, обсуждения в 1970-х годах вопроса о соотношениях объектов и предметов исследований в экономической географии и региональной экономике наступило опасное для науки затишье. Не только авторы публикуемых в научных журналах статей, но и участники научных форумов, как правило, настроены весьма благодушно, рисуют красочные картины об успехах в науке и собственных достижениях в ней. На самом деле многие произведения географов-обществоведов далеки от теоретико-методологических достижений советского времени и еще дальше – от запросов практики.

С каждым годом в общественной географии нарастают темпы размывания экономической географии и других составляющих общественной географии в смежных науках – не только в региональной экономике, но и в политологии, социологии, экологии, этнологии. Появились заменяющие экономическую названия: регионалистика, регионология, регионоведение и другие. В каждую из этих наук и научных дисциплин географы-обществоведы внесли существенный вклад, многие из них приобрели по смежным специальностям ученые степени кандидатов и докторов наук, ученые звания доцентов и профессоров. Но и этого мало: некоторые коллеги из числа тех, что остались («по прописке») в общественно-географической на-

[1] См.: Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 3–31; Бакланов П.Я. Заметки по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России» // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – С. 166–172; Пилясов А.Н. Ответ на заметки П.Я. Бакланова по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России» // Региональные исследования. – 2012. – № 3. – С. 146–150; Бакланов П.Я. Продолжаем дискуссию (по ответу А.Н. Пилясова на заметки П.Я. Бакланова по поводу статьи А.Н. Пилясова о работах П. Кругмана) // Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 148–150; Пилясов А.Н. По гамбургскому счету (ответ на статью П.Я. Бакланова «Продолжаем дискуссию») // Региональные исследования. – 2013. – № 2. – С. 125–134.

уке, выступают в газетах и популярных журналах под «чужими флагами»: экономистов, социологов, политологов, экологов, этнологов, регионоведов. Мне трудно объяснить причину, по которой они открещиваются от географической науки, внесшей огромный вклад в общую науку, в изучение планеты Земля. Не следует, по-моему, уподобляться «иванам, не помнящим родства». П.Кругман, посвятивший свои работы «новой экономической географии» этого не сделал.

На страницах нашей печати не раз отмечался факт принижения значимости общественной географии со стороны ближайших «родственников» – физико-географов. Не секрет, что с их стороны поступают в наш адрес нарекания по поводу игнорирования полевых исследований, получения информации из первичных источников, камеральной обработки статистических данных, пренебрежения к разработке оригинальных моделей и методик. Справедливости ради, надо сказать, что трудно не согласиться: ведь действительно географы-обществоведы предпочитают эмпирику, умозаключения, основанные на интуиции. Такой подход к научному поиску особенно бурно расцветает в новом веке. Под прикрытием стремления к созданию новых направлений в науке, формирования «теоретических» концепций, захватываются всё новые и новые участки поля географического познания, глубокая «вспашка» на ранее освоенных участках не ведется.

В подтверждение последнего тезиса предыдущего абзаца приведу пример из области такого своеобразного вида деятельности, каким является туризм. Конечно, он, как и любой другой вид деятельности человека в пространстве-времени, имеет прямое отношение к географии, и географы-обществоведы не должны игнорировать его в своей научной проблематике. Именно в своей, не захватывая несвойственных нашей науке аспектов – таких, как гостиничный бизнес, корпоративная культура, ресторанное обслуживание и т.п., то есть тех участков научного познания, на которых географам делать нечего. Но именно такой процесс идет в ряде университетов: на географических факультетах (в некоторых случаях – бывших географических) открыты направления и специальности под названием «туризм». Внедрившись в область сервиса услуг, географы не в состоянии привнести в неё собственный вклад, но, оторвавшись от материнской платформы, перестают быть географами. Последствия таких «предательств» налицо: туризм «съедает» географию. К сожалению, это происходит и в тех университетах, где усилиями наших коллег в советские годы были созданы выдающиеся экономико-географические школы, известные далеко за пределами СССР.

Наблюдая за процессом размывания общественно-географического знания, у меня создается впечатление, что нынешнее поколение географов-обществоведов всеми силами старается подкрепить известное изречение о том, что глубина географии – в широте. Я и сам нередко привожу в лекциях это изречение, но вижу в нем не столько объектное, сколько предметное расширение географического знания. И в самом деле: если в качестве объекта общественной географии выступает всё то социальное, общественное, что можно изобразить на географической карте, то в качестве предмета – всё то, что связано с территориальной организацией жизни социума, общества. И пример П. Кругмана, доказавшего значимость размещения производства (забытой категории в российской географии) для обеспечения экономического роста, является лучшим тому подтверждением. Благодаря этому американскому ученому экономическая география, пережив реанимационный период, приобрела новый импульс к развитию. Особенно примечательно то, что произошло это не в рамках модной у нас региональной экономики, а в рамках традиционной экономической географии.

Насколько я могу судить по опубликованным в журнале «Региональные исследования» материалам названной выше дискуссии, оба автора – П.Я. Бакланов и А.Н. Пилясов (располагаю фамилии в порядке алфавита) – солидарны в оценке трудов П. Кругмана как новом достижении в области экономической географии, что его труды надо изучать и использовать в практике управления региональным развитием. Расхождения участников дискуссии сводятся к различной трактовке вопроса о том, являются ли теоретические изыскания Кругмана оригинальными (по Пилясову, прорывными), или же в них развиваются научные положения, которые уже содержались в определенной мере в исследованиях других ученых, прежде всего – российских. Далее я и постараюсь ответить на этот вопрос.

Являясь, как и любой нормальный гражданин, патриотом России, я не склонен считать, как это было принято в СССР, что отечественное – значит, лучшее в мире. Однако и придерживаться другой крайности, т.е. всё лучшее достигнуто за рубежом, я не намерен. Имевшее в советское время место разделение экономической географии на советскую (социалистическую) и западную (буржуазную) всегда считал и считаю идеологическим штампом, направленным на оправдание стремлений к ускоренному экономическому движению в обход экономических законов развития общества. Навязанный советской стране её вождями искусственный форсаж экономического развития противоречил не только мировой практике, но и учению К. Маркса, единственно правомерными сторонниками которого они себя называли. На самом деле в трудах Маркса нет призыва к ускоренному и тотальному внедрению общественной собственности на предметы производства. Наоборот, по его мнению, превращение существующего способа производства, который он исследовал, в более высокий способ производства должен произойти путем эволюции, на основе имманентных законов экономического и социального развития. Это понимали и многие ученые, пытавшиеся провести в жизнь свои идеи.

Так, В.Э. Дэн – создатель первой в России кафедры экономической географии (1902 г.) – участвовал в разработке идей новой экономической политики (НЭП) в 1920-е годы, а на предшествующих этапах научного поиска анализировал ход развития отраслей и регионов России на общем фоне мировой экономики. К 1930-м и 1940-м годам относятся научные изыскания еще двух корифеев экономической географии – Н.Н. Колосовского и В.М. Четыркина. Первый из них известен как создатель теории энерго-производственных циклов (ЭПЦ) и территориально-производственных комплексов (ТПК), второй – заложил основы проблемно-программного подхода к обоснованию перспектив развития регионов. В последующие годы ТПК-подход был существенно обогащен в трудах П.М. Алампиева, А.Е. Пробста, Н.Т. Агафонова, М.К. Бандмана и других ученых. Идеи программно-проблемного подхода развивались в наших публикациях (совместно с Ю.Н. Баженовым), были подхвачены экономистами и внедрены в практику управления региональным развитием.

Мне не известно, был ли знаком профессор Гарвардского университета (США) М. Портер с созданными в СССР теориями ЭПЦ и ТПК, но то, что его учение о кластерах явно перекликается с идеями, высказанными и обоснованными за 70 лет до того, как появились его книги, не нуждается в доказательствах. Само собой разумеется, что в условиях плановой экономики (она безраздельно господствовала в бывшем СССР) не могло быть и речи о конкуренции, т.е. того самого «конька», которого оседлал М. Портер, предлагая теорию кластеров. То же самое можно сказать и относительно экономического роста – стержневого термина в учении П. Кругмана. В советской литературе использовался другой термин – повышение экономической эффективности. Кстати, и в американской литературе в то время была другая терминология.

В условиях индустриального развития при обоснованиях размещения предприятий основное внимание уделялось изучению производственных связей – как по сырью, так и по готовой продукции. Это было вполне оправдано, присуще как советским, так и американским ученым. Позднее, с переносом акцента с эффективности производства на развитие сферы услуг, рост качества жизни населения, внимание исследователей переключилось на изучение социально-экономических связей, формирующих по советской терминологии ТПК, а по американской терминологии – кластеры. В СССР для изучения иерархии самого низшего уровня экономического районирования было обосновано выделение не только производственных, но и социально-экономических комплексов. Особенно глубоко этот аспект был изучен эстонскими географами, в первую очередь С.Я. Ныммик. Немало внимания ему уделяли также Э.Б. Алаев, Н.Т. Агафонов, М.К. Бандман, А.А. Искоз-Долинин, М.Д. Шарыгин и другие.

Э.Б. Алаев, например, писал о том, что процессы производственного комплексообразования в своей основе имеют, с одной стороны, действие закона агломерации производства, а с другой – развитие форм общественной организации труда, что оказывает, по его мнению, решающее влияние на становление технико-экономических и социально-

экономических (! – А.Ч.) связей. Это мнение мой коллега и друг выразил на страницах печати в 1977 г. Спустя более четверти века я обнаружил подобное утверждение в трудах американских коллег.

Проявление действия закона агломерации в географическом отношении Э.Б. Алаев усматривал в формировании территориальных групп и сочетаний элементов производства, а в экономическом отношении – в формировании агломерационного эффекта. Этот эффект, по его мнению, выражается в том, что точечно или компактно размещенные объекты – если они совместимы – всегда эффективнее, чем размещенные изолированно, рассеянно. Эти слова, как и приведенные предыдущем абзаце, были написаны на страницах его «Экономико-географической терминологии» (с. 123), выпущенной в свет издательством «Мысль» в том же 1977 г. За прошедшее с тех пор время действие закона агломерации возросло, что и было подмечено в трудах упомянутых выше американских ученых. Только их книги удостоены высоких наград, получили широкую известность за пределами США, а наш выдающийся ученый в расцвете творческих сил вынужден покинуть один из академических институтов географического профиля, и, оставшись без любимого дела, безвременно ушел из жизни.

Выявлению сущности и этапов формирования производственных агломераций посвящены труды другого отечественного экономико-географа – Н.Т. Агафонова. У него я учился, с ним я дружил, на протяжении ряда лет являлся его начальником. Говорю об этом потому, что знаю его как ученого не только и даже не столько по его книгам (их у него немного), а по многолетним личным общениям. В название его главной книги вошли немодные ныне слова «… в условиях развитого социализма», что является, по-видимому, причиной ограничения спроса на неё среди современных молодых географов-обществоведов. Этот вывод я делаю на основании того, что ссылки в научной литературе на эту книгу, да и на другие труды самобытного ученого, каким был Н.Т. Агафонов, немногочисленны. Я сожалею об этом, настоятельно рекомендую коллегам обратиться к его научному наследию.

Объективные основы территориально-производственного комплесообразования (как главного фактора формирования экономических районов) Н.Т. Агафонов выявлял, начиная с возникновения капиталистической мануфактуры. Он указывал, что уже на этапе простой агломерации главную роль начинают играть не внутренние, а внешние связи. На этапе сложной агломерации, отмечал ученый Н.Т. Агафонов, возникают территориальные сочетания, в которых складываются устойчивые, повторяющиеся связи, важные как для отдельных входящих в нее объектов, так и для агломерации в целом. И далее он подчеркивал, что эти связи могут иметь и технологический, и экономический характер, что именно они, связи, формируют структуру территориально-производственных сочетаний. Спустя четверть века то же самое подметил и М. Портер.

Н.Т. Агафонов подробно обосновал свое видение территориально-производственного комплексообразования в условиях государственно-монополистического капитализма. По его мнению, ТПК – это результат не только интенсификации производственных связей, усиления целостности и взаимообусловленности элементов производства, но и других факторов, обретающих большую силу в условиях капиталистических отношений; в своей совокупности эти связи обуславливают активизацию интеграционных процессов. Если заменить в предыдущем предложении слова «в условиях капиталистических отношений» на слова «в условиях рыночных отношений», да еще добавить слова по поводу «конкуренции», то совпадение точек зрения российского ученого (он ушел из жизни в 2000-м году) и американского ученого не может быть подвергнуто сомнению.

Мне трудно удержать себя от соблазна привести длинную цитату из главной книги Н.Т. Агафонова «Территориально-производственное комплексообразование в условиях развитого социализма» (Л.: Наука, 1983), поскольку содержащаяся в ней аргументация, как говорится, бьет не в бровь, а в глаз. Так, на с. 188 автор названной книги пишет: «Специализация и кооперирование порождает уже не «пучки», а «узлы» связей. Возникают и распространяются научно-производственные комплексы. Развивается агропромышленная интеграция. Монополистические объединения приобретают межотраслевой характер. Некоторые из них контролируют целые города и промышленные районы. Всё возрастающую роль начинают играть

территориальные сети и системы технологической и социальной инфраструктуры. В итоге формируются высокоинтегрированные территориально-производственные системы с устойчивыми технико-экономическими связями, взаимной обусловленностью элементов производства, значительной территориально-экономической целостностью». Читаю это и чувствую прилив радости, гордости за автора цитируемого мною текста и, одновременно, за нашу науку, неоцененную в своей стране, игнорируемую за рубежом. В цитируемых строках изложена практически вся суть учения о явлении, названном американским коллегой кластером. Более подробное обоснования она получила в наших совместных (Н.Т. и автора этих строк) статьях, опубликованных в 1970–1980-е годы в сборниках научных трудов.

Цитируемые выше слова написаны Н.Т. Агафоновым за 17 лет до того, как появилось в нашей стране известие о рождении в США теории кластеров, за 30 лет до провозглашения «новой экономической географии». И Агафонов, совместно с автором этих строк, и американские географы писали фактически об одном и том же, но мы это делали намного раньше зарубежных коллег.

В последующие годы в отечественной литературе были опубликованы труды других авторов по вопросам формирования территориальных систем. Один из них – П.Я. Бакланов, полемизируя с А.Н. Пилясовым, сам охарактеризовал свой вклад в развитие этого направления. Ещё один корифей в данной проблематике – Б.Б. Родоман – может последовать примеру Бакланова, что, как мне представляется, очень желательно. Называя эти фамилии, я вовсе не исключаю возможность участия в открытой дискуссии и других специалистов по размещению производительных сил и пространственной организации общества. Особенно хотелось бы узнать мнение бывших соотечественников, проживающих ныне за рубежом. Они получили возможность сравнить российскую и американскую экономико-географические школы с разных расстояний, поэтому их видение обсуждаемого вопроса может быть более объективным, правильным.

В своих заметках П.Я. Бакланов сетует на то, что зарубежные коллеги не были, якобы, осведомлены о проводимых в бывшем СССР общественно-географических исследованиях. Скорее всего – это не так! В доказательство приведу один факт из собственной жизни. В 1985 г. в Киеве проходил очередной съезд Географического общества СССР. Однажды в гостиничном номере С.Б. Лаврова, в то время вице-президента, а в 1995–2001 гг. – Президента Русского географического общества, я встретился с Т. Шабадом, главным редактором и издателем журнала «Soviet Geography». С.Б. Лавров представил меня ему и спросил, знает ли американский географ мои научные труды. Тот, не задумываясь, назвал три монографии и несколько статей, достаточно полно охарактеризовал их содержание. Отсюда я делаю вывод: знали и использовали в своей работе.

Что касается нас, бывших советских географов, то мы в меньшей мере были осведомлены о достижениях американской географии, поскольку подобного журнала (допустим, под названием «Американская география»), не имели. Но книги американских географов переводились на русский язык и издавались в СССР немалыми тиражами, поэтому и мы были знакомы с их достижениями. К сожалению, в «новой» России этого нет. За последние 20 лет, если я не ошибаюсь, был издан только один сборник статей в переводе и под редакцией А.Н. Пилясова, за что все мы, российские географы-обществоведы, должны быть ему благодарны. Он же, Пилясов, в краткой форме, ознакомил широкий круг русскоязычных географов с фундаментальным трудом П. Кругмана. Спасибо, дорогой Александр Николаевич!

Нет сомнения в том, что труд лауреата Нобелевской премии П. Кругмана интересен и полезен. Это – новый виток в развитии экономической географии, что еще раз подтвердило закон диалектики: развитие науки идет «по спирали». И мы, российские географы-обществоведы, должны быть признательны американскому коллеге за то, что он поднял на щит недооцениваемую в нашей стране экономическую географию. Благодаря ему сегодня она вновь зазвучала в высших кругах. Например, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России она вошла в обязательный перечень дисциплин для будущих чиновников. Это радует, вселяет надежду.

В заключении хочу заметить, что главным побудительным мотивом участия в данной дискуссии для меня было не выявление

того, кто прав – Бакланов или Пилясов, а желание привлечь внимание более молодых географов-обществоведов к развитию своей науки, сказать о том, что мы, увы, уже старшее поколение российских географов-обществоведов, то же чего-то достигли. Результаты наших исследований использовались в предплановых и предпроектных разработках, при подготовке управленческих документов. Хочется верить, что и в новых условиях мы найдем место под солнцем, что наши выпускники университетов будут работать по специальности. Для того чтобы это произошло, необходимо формировать новые образовательные программы и учебно-методические комплексы, организовывать прохождение студенческих практик в органах государственного и муниципальног оуправления.

И последнее: не уходите из географии в другие науки – ведь, как известно, наша наука самая старая и вечно молодая. Берегите её!

Мажар Л.Ю. (Смоленск)

ГЕОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Mazhar L.Yu.

GEO-SYSTEMIC APPROACH TO DEFINING THE KEY NOTIONS IN ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY

Аннотация. *В статье выражена тревога по поводу современного состояния экономико-географической науки в нашей стране. Автор приглашает развернуть на страницах журнала «Региональные исследования» дискуссию о перспективах развития экономической и социальной географии и предлагает обсудить геосистемный подход к определению ключевых понятий науки.*

Abstract. *The paper expresses concern about the current state of the economic and geographic science in our country. The author suggests conducting a lively discussion on the prospects of development of the economic and social geography in the "Regional Studies" journal as well as considering the geo-systemic approach to the definition of the key scientific notions.*

Ключевые слова: *геосистема, территориальная социально-экономическая система, территориальная структура, полисистемная организация, общественная геосистема.*

Key words: *geo-system, territorial social and economic system, territorial structure, polysystemic organization, public geo-system.*

Состоявшееся в сентябре 2013 г. на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова V совещание-семинар заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России с международным участием и заседание Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию, резолюция которого опубликована в журнале «Региональные исследования» [5], заставило серьёзно задуматься о состоянии экономико-географической науки и образования. Последней каплей в горькой чаше раздумий стала ситуация в Доме книги на Арбате в Москве. Позволю себе небольшую зарисовку.

Совсем недавно, в ноябре этого года, появилась возможность без обычной спешки побывать в любимом книжном магазине на Арбате. Предвкушая удовольствие от возможного приобретения географических новинок, я направилась к разделу «География». Каково же было моё изумление, когда я не смогла найти стеллажа с этим названием ни на бывшем месте, ни на каком-либо ином. Консультант, к которому была вынуждена обратиться, используя поисковую компьютерную систему, направил меня к шкафу № 8075, на котором крупными буквами было написано «Физика». Действительно, без всяких «лишних» обозначений в углу огромного шкафа находилось не более двадцати наименований географических изданий, в числе которых была литература о путешественниках, географических открытиях и т.п. При этом надо отметить,

что школьные учебники находились в другой части огромного зала, но и их было не так много. Но ещё больнее задело следующее: на отдельном стеллаже, рядом с «Туризмом» и «Ресторанным и гостиничным бизнесом» размещалось броское название «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ», а под ним – «Экономическая география»… С каких это пор мы стали составной частью регионоведения? Понятно, что не работники книжного магазина тому виной. Как-то очень быстро исчезла из книжных магазинов (и, соответственно, с личных книжных полок) серьёзная географическая литература. И вроде как не стало такой науки – география (в понимании читающей публики и обывателей). Никакой Интернет не в состоянии занять эту нишу.

Что же случилось? Обидно осознавать, что экономическая и социальная география сдает свои позиции, уходит в иные сугубо прикладные ниши. Вместе с тем, на научное поле экономической и социальной географии вторгаются смежные науки, активно осваивая (и присваивая!) теорию и методику исследования, важнейшие достижения экономико-географической науки. Для дела – не жалко! Но вот только не «съели» бы окончательно нашу науку. А для этого нам самим нужно быть более активными (и продуктивными!). У нас очень интересное и высоко профессиональное экономико-географическое сообщество! Но мы во многом стали «закрытыми», работающими «на себя». В своей среде мы распространяем уникальную географическую литературу, делимся ценной научной информацией. Это прекрасно. Но о нас мало знают, а ещё меньше знает общество о нашей работе, новых теориях, гипотезах. А ведь хочется верить, что общество нуждается в нас, в науке, в новых методах экономико-географических исследований. Чего греха таить, теория экономической и социальной географии нуждается в развитии, а это возможно лишь в условиях активных дискуссий, открытых обсуждений с использованием самых разнообразных форм популяризации экономико-географических знаний.

Справедливым упреком звучат слова нашего коллеги – физико-географа А.Г. Исаченко: «В общественной географии еще не сложилось методологически обоснованное и логически оформленное учение об ОТС. Не всегда наблюдаются последовательность и согласованность в толковании понятий «система», «комплекс», «структура», «организация» и др., нет полной ясности относительно иерархических соотношений между различными территориальными образованиями…» [3, с. 6]. Можно было бы поспорить с уважаемым профессором и привести веские аргументы. Но уж если мы не смогли донести даже до ближайших соратников стройную систему понятий, что-то тут не так…

В сложившихся условиях можно приветствовать любые усилия по развитию теоретических положений экономико-географической науки и их пропаганде. Великолепной дискуссионной площадкой является журнал «Региональные исследования», который позволяет освещать экономико-географические проблемы и привлекать внимание к географическим методам изучения территориальной организации общества. Весьма своевременной стала публикация в этом журнале теоретической статьи С.А. Тархова [6], в которой исследователь сформулировал «главный теоретический объект изучения социально-экономической географии», в качестве которого рассматриваются «территориальные системы человеческой деятельности и самих людей» [6, с. 9], а также предмет изучения – «пространственное устройство территориальных систем жизни и деятельности людей» [5, с.10]. Выражая полную солидарность с С.А. Тарховым, хочется предложить ещё один взгляд на ключевые понятия в экономико-географической науке. Претендуя на дискуссию, смею высказать мнение, что следующий этап в развитии экономической и социальной географии связан с геосистемной парадигмой, базирующейся на общей теории систем.

Теория систем в целом была достаточно глубоко проработана во второй половине XX века на уровне философского осмысления. Общая теория систем (ОТС), по мнению Берталанфи, позволяет применять общесистемный подход «для сведения воедино тех осколков действительности, на которые ее разбила наука в целях анализа» (цитировано по Д. Харвею) [7, с. 459]. В настоящее время ОТС сложилась как целостное научное мировоззрение, существенно оптимизировавшее методологическую базу многих научных направлений.

На протяжении нескольких столетий мысль двигалась к системному восприятию

географической действительности. В работах основоположников географической науки можно найти указания на то, что география является наукой о целостных системах. Причем системные представления утвердились эволюционным путем, как само собой разумеющиеся, послужив основой для формирования весьма продуктивных теорий и концепций. Особенно результативным системный анализ является при изучении таких объектов, где взаимодействия настолько сложны, что их невозможно всесторонне исследовать с помощью традиционных методов изучения. Таковыми в первую очередь являются географические объекты, включающие в себя природную и антропогенную составляющие. В связи с этим трудно не согласиться с мнением Д. Харвея: «Если принять во внимание всю сложность явлений, с которыми географам приходится иметь дело, то трудно понять, как это мы могли избегать применения методов и терминологии, специально созданных для этого» [7, с. 451]. На этом историко-методологическом фоне появление теории географических систем («геосистем») представляется вполне логичным и закономерным.

В настоящее время учение об общественных геосистемах находится в стадии становления. Можно порадоваться за физическую географию, где с легкой руки В.Б. Сочавы теория геосистем успешно утвердилась и эффективно «работает» на благо географии. Без сомнения, геосистемный подход к изучению общественно-географических объектов способен обеспечить многоаспектность и полноту географического анализа и формирование в сознании людей адекватной географической картины мира.

Для дальнейшего развития теории у общественно-географической науки есть хорошие предпосылки. Трудами ученых создан немалый задел, представленный районной школой, учениями о территориально-производственных комплексах, энерго-производственных циклах, территориальных социально-экономических системах, универсальными категориями территориального разделения труда, экономико-географического положения и др. Накопленный материал еще далеко не полной мере использован, требует глубокого осмысления. Несомненно, многие теоретические положения могут получить творческое развитие в современных условиях.

Теория территориальных систем и структур, основы которой заложены в трудах И.М. Маергойза, в настоящее время представляет собой, с одной стороны, достаточно проработанную и востребованную практикой, с другой стороны, часто декларируемую, но не в полной мере осознанную концепцию. По сути дела теория территориальных систем и структур впитала в себя все лучшие теоретические положения экономико-географической науки, стала закономерным этапом развития экономической и социальной географии и получила дальнейшее плодотворное развитие в трудах отечественных географов. Трудно найти другую концепцию, которая столь органично бы вписалась в исторический ряд работ, связанных с изучением ТОО на национальном и региональном уровнях.

В теории территориальных систем и структур заложен огромный потенциал. Вместе с тем, достижение И.М. Маергойза, по мнению П.М. Поляна и А.И. Трейвиша, высказанному в предисловии к его работе «Территориальная структура хозяйства», «соответствует скорее стадии «возведения стен», нежели «отделочных работ». Отдельные фрагменты концепции проработаны с разной степенью глубины, некоторые звенья отсутствуют или только намечены» [4, с. 17]. При соответствующем развитии заложенных основ возможно вывести экономическую, социальную и политическую географию на новый уровень фундаментальных и прикладных исследований.

Утвердившаяся в социально-экономической географии концепция территориальных социально-экономических систем и структур, укрепила теоретическую базу географической науки и позволила творчески подойти к развитию многих представлений. Так, например, категория «территориальная структура» стала предвестником понятия «территориальная организация», которое полнее отражает сущность территориальной составляющей хозяйства и несет в себе смысл определенного состояния организованности и управляемости. Единого общепринятого определения территориальной организации хозяйства так и не сложилось, но, тем не менее, все попытки определения дефиниции в своей совокупности отражают полисистемный характер хозяйства страны.

Системная парадигма отражена в экономико-географической науке многочисленными категориями, которые в своей совокупности дают представление о полисистемной организации общества. Вместе с тем очевидным становится тот факт, что все они недостаточно сопряжены, соотнесены друг с другом, так как прорабатывались в разное время, и каждый автор стремился представить свой взгляд на территориальную организацию общества. В связи с этим в современной науке достаточно остро обозначилась проблема синтеза знаний в этой сфере, методологической основой которого являются представления о геосистемах.

Геосистемный подход позволяет, прежде всего, говорить о территориальных общественных системах как составной части интегральных геосистем, включающих в себя природную и общественную составляющие. Все они относятся к общефилософской категории «система» и обладают общесистемными свойствами: эмерджентность, иерархичность, открытость, управляемость и др. Вместе с тем, как подчеркивалось выше, все геосистемы обладают характерными признаками, отличающими их от других систем. В свою очередь общественные геосистемы имеют ряд специфических черт, что отличает их от природных геосистем. Геосистемный анализ территориальной организации общества позволяет получить наиболее полное и целостное представление о конкретной сфере деятельности людей, интересующей исследователя.

Для всех общественных геосистем характерна полисистемная организация, которая выражается в «вертикальной» (наличие на одной и той же территории систем разного уровня организации – природных, промышленных, производственных, социально-экономических, общественных) и «горизонтальной» полисистемности (наличие иерархически соподчиненных систем разного территориального охвата).

Уровень организации общественных систем «по вертикали» (без учета территориального охвата) определяется набором элементов, составляющих геосистему. Наиболее сложными интегральными геосистемами являются территориальные социально-экономические системы (ТСЭС) и территориальные общественные системы (ТОС). Обе системы в разных случаях выступают как предмет исследования высокого уровня обобщения. Как они соотносятся? Предельно ясно на этот вопрос дали ответ А.И. Чистобаев и М.Д. Шарыгин: «ТСЭС – составная часть ТОС, включающая помимо экономической, социальной и политической сфер еще и духовную сферу. ТСЭС объединяет материализованную сторону жизнедеятельности общества и формирует социально-экономическую основу ТОС» [8, с.17]. Тем самым подтверждается закономерность: каждая система более высокого уровня организации на одной и той же территории базируется на системах более низкого уровня и включает ее элементы. При этом происходит усложнение взаимосвязей в системе, усиливается ее интегральный характер и в целом повышается устойчивость общественной геосистемы к внешним воздействиям. В практическом плане сложноорганизованные интегральные геосистемы можно считать стабилизирующим фактором в территориальной организации общества, что необходимо учитывать в региональной политике.

Видовое разнообразие ТОС не ограничивается уровнем организации территориальных систем «по вертикали». Это схематичное представление о территориальной организации общества, своеобразное «препарирование» объекта исследования с максимально возможным его упрощением для целей географического анализа. Для этих же целей в рамках сложноорганизованной территориальной общественной системы можно вычленить и другие территориальные системы (в зависимости от задач исследования, набора элементов, характера связей и других критериев), например, транспортная система, система расселения, территориально-политическая система, туристско-рекреационная система и др. Все эти системы существуют объективно, не являются абстрактными построениями, но они «завуалированы» в чрезвычайно сложном геопространстве.

Таким образом, именно геосистема во всей своей сложноорганизованной сущности является объектом исследования географической науки. Соответственно, общественная геосистема выступает в качестве объекта исследования общественной географии (это – по сути, а в современном звучании – экономической, социальной, политической и рекреационной географии).

При этом для частных экономико-географических исследований (даже независимо от того, насколько это четко сформулировано исследователем) объектом исследования выступает геосистема определенного уровня организации и иерархии.

Предметом экономико-географического изучения в предельно обобщенном выражении является территориальная организация геосистемы, что может быть самым различным образом сформулировано исследователем. Главное, чтобы никогда не ускользала территориальная (пространственная) сущность предмета экономико-географического исследования. Это позволит «не размыть» саму суть экономико-географической науки.

Геосистемный подход имеет большое методологическое значение в географической науке, так как позволяет упорядочить терминологию, привести ее в соответствие с системной парадигмой, не нарушая при этом традиционности и преемственности. И.М. Маергойз подчеркивал, что «применение этой общенаучной методологии исследования тем нужнее, чем сложнее изучаемый нами объект, и оно может быть плодотворным лишь при углублении, уточнении, а то и перестройке понятийного аппарата самой экономической географии, исходя из требований системного подхода» [4, с. 21].

Говоря о сущности территориальных систем, необходимо, прежде всего, уточнить соотношение понятий «комплекс» и «система». Среди философов наблюдаются существенные разночтения в их трактовке. Географы, опираясь на мнение Э.Б. Алаева, определились, что «комплекс» необходимо рассматривать как видовое по отношению к родовому понятию «система». «Комплекс – это система, отличающаяся высоким уровнем сопряжения между составляющими элементами по потокам вещества, энергии и информации» [1, с. 59]. Следовательно, всякий комплекс (особенно это актуально для территориально-производственных комплексов) – это система, но не всякая система – комплекс.

На первый взгляд, достаточно простым кажется вопрос о соотношении понятий «система» и «структура» в географии. Однако и здесь необходимо дать пояснение: одним из основных свойств любой системы является наличие структуры как жесткой связи элементов, поддерживающих ее целостность. Следовательно «система» – понятие более сложное и ёмкое, нежели «структура». Для территориальных систем особую важность представляет территориальная структура как совокупность определенным образом взаиморасположенных и сочлененных элементов [1].

Итак, в континуально-дискретном социально-экономическом пространстве категории «система», «комплекс», «структура» отражают в основном дискретную сущность жизнедеятельности общества.

В географическую науку и практику реальной жизни прочно вошли «площадные» категории, отражающие территориальную дифференциацию общества: «субъект федерации», «федеральный округ», «территория» (особенно любим политиками за его неопределенность), «зона» (экономическая, пограничная, свободная и т.д.), «район» (административный, экономико-географический и т.д.), «регион». Каждая из этих категорий имеет реальное смысловое наполнение и ни одна из них, в принципе, не противоречит теории территориальных систем и структур. Более того, все указанные площадные категории подпадают под определенную И.М. Маергойзом «интегрально-пространственную (ареально-синтетическую) структуру» в контексте тезиса о триединстве территориальной структуры. Это – множественная территориально-отраслевая структура, отражающая сложное взаимодействие отраслей с их центрами и узлами на конкретной территории; питательно-распределительная структура, характеризующая линейно-узловую инфраструктурную сеть в ее тесной связи с расселением; интегрально-пространственная (ареально-синтетическая) структура, характеризующая территориально-целостные компоненты хозяйства страны типа интегральных районов, зон и т.п. [4]. Как видим, из трех указанных структур две – дискретные, третья – континуальная, покрывающая все пространство страны, дающая целостное представление о характере ТОО.

В последние годы изменились представления о территориальной организации хозяйства. Под влиянием рыночных процессов и глобализации изменилась сущность процесса районообразования. Экономические районы утратили свое значение как объекты анализа, прогнозирования и планирования социально-экономического развития.

В.Е. Шувалов, анализируя экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества, выделяет ряд проблем, требующих научного решения в ближайшее время. Среди них – структурно-понятийные и терминологические проблемы районирования, изменение функций районообразующих факторов в современных условиях, соотношение экономического и социального факторов в интегральном экономико-географическом районировании, сочетание критериев специализации и комплексности в экономико-географических районах и др. [2, с. 172–187].

Однако игнорирование органами государственной власти экономико-географического районирования привело к тому, что не в полной мере выявляются и учитываются проблемы ТОО, хотя потребность в континуальной (площадной) категории остается. Например, появилось понятие «регион», во многом «срисованное» (если не подразумевать под ним субъект федерации) с экономико-географического района. Вместе с тем, «регион» в определенном смысле имеет ряд преимуществ: во-первых, это более универсальное понятие, не привязанное к конкретным экономико-географическим границам; во-вторых, с научной точки зрения, «регион» – менее «ответственное» понятие, не требующее жесткого определения и поэтому более охотно воспринимаемое представителями других наук (экономистами, политологами и др.), а также политиками и управленцами.

Необходимо подчеркнуть, что в строгом смысле термины «регион» и «региональная социально-экономическая система», точнее – ТСЭС, – не синонимы! Если территориальная система (по крайней мере, отдельные виды территориальных общественных систем) – образование дискретное, то регион – континуальное образование, в его состав могут быть включены неосвоенные, резервные, заповедные и другие территории с особым режимом. ТСЭС определяет сущность региона, его территориальный охват, но не конкретные границы. Исходя из иерархии ТСЭС, можно говорить и об иерархии регионов. И, наконец, развитие регионов на всех иерархических уровнях определяется динамикой соответствующих региональных социально-экономических систем. В данном контексте, говоря о ТСЭС, мы подчеркиваем материальную (социально-экономическую) сущность территориальных систем и формирующихся на их основе регионах. В идеале речь должна идти, конечно же, о территориальных общественных системах (общественных геосистемах), более полно отражающих процессы регионального развития.

Вместе с тем, географическое районирование (интегральное, отраслевое, проблемное) как метод познания территориальной организации общества не утратил, на наш взгляд, своего конструктивного значения – его надо использовать для научных и практических целей. При этом в междисциплинарных исследованиях вполне оправдано оперировать понятием «регион» как территориально целостной частью страны, обладающей определенным своеобразием.

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о соотношении территориальных социально-экономических систем и социально-экономических районов. Нам представляется, что обе теории (и категории) взаимно дополняют друг друга. Отдельные виды территориальных систем и их структуры, как правило, являются образованиями дискретными, отражающими определенную взаимосвязь элементов в пространстве. Обычно они не «покрывают» всю территорию, а являются своеобразным «скелетом» для таких континуальных образований, как район и регион. Последние дают наиболее полную характеристику территории. Но содержанием их наполняют именно социально-экономические территориальные системы, что дает возможность систематизировать и структурировать все многообразие объектов антропогенной сферы на конкретной территории.

При геосистемном анализе ТОО актуальным становится изучение самих ТОС и входящих в их состав систем более низкого уровня организации. Однако на практике приходится сталкиваться с неразрешенными пока еще теоретическими проблемами, к числу которых можно отнести выявление закономерностей территориального системообразования на различных иерархических уровнях, типологию и классификацию общественных геосистем.

Итак, за прошедшие десятилетия сложился уникальный теоретический фундамент экономико-географической науки. Удиви-

тельно, но время лишь усиливает ценность научных теорий, позволяющих осмыслить географическое пространство. И наш долг – бережно относиться к теоретическому наследию в экономической и социальной географии и заботиться о его дальнейшем творческом развитии. «Геосистемный» взгляд на теоретические проблемы экономической и социальной географии позволяет несколько в ином ракурсе увидеть ключевые понятия и, соответственно, особенности территориальной организации общества.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-термино-логический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Институциональная модернизация Российской экономики: территориальный аспект / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. – Ростов-н/Д, 2004. – 262 с.
3. Исаченко А.Г. Географический детерминизм – конструктивная научно-мировоззренческая концепция // Известия РГО. – 2006. – Вып. 3. – С. 1–15.
4. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, 1986. – 303 с.
5. Резолюция V совещания-семинара заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России с международным участием и заседания секции экономической и социально географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию // Региональные исследования. – 2013. – № 3 (41). – С.159–161.
6. Тархов С.А. Социально-экономическая география: её сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. – 2013. – № 3 (41). – С. 9–13.
7. Харвей Д. Научное объяснение в географии / пер. с англ. под ред. В.С. Преображенского. – М.: Прогресс, 1974. – 502 с.
8. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. – Л.: Наука, 1990. – 320 с.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей В.А. Колосова

16 октября 2013 г. исполнилось 60 лет **Владимиру Александровичу Колосову** – профессору, доктору географических наук, ученому с мировым именем. В 2012 г. он был избран Президентом Международного географического союза.

Владимир Александрович родился и вырос в семье московской интеллигенции. Окончив школу с золотой медалью, он поступил на географический факультет Московского университета. Вначале студент, а затем аспирант кафедры экономической географии капиталистических и развивающихся стран в 1979 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по революционной для того времени политико-географической теме. Результаты его работы были позднее опубликованы в монографии, ставшей в СССР первым серьезным и разносторонним трудом по политической географии. Уже тогда сложились основные черты его исследовательского метода, состоящие в выявлении связей сложившихся административно-территориальных структур с региональным и демографическим развитием, с политическими и социальными изменениями.

Неординарные способности молодого сотрудника кафедры и его обширные знания способствовали тому, что в 1982 г. его пригласили на должность заведующего редакцией отдела географии зарубежных стран издательства «Мысль» – ведущего научного издательства, выпускавшего научную и научно-популярную литературу. Работа в редакции способствовала расширению эрудиции Владимира Александровича и выработке точного и лаконичного стиля изложения собственных мыслей. Однако его задатки исследователя не были реализованы. Поэтому, несмотря на все преимущества, которые в советские годы давала работа в авторитетном издательстве, Владимир Александрович выбрал карьеру ученого и в 1985 г. перешел на работу в Институт географии АН СССР.

Наступившие в конце восьмидесятых времена гласности и перестройки открыли для него не только свободу мнений, но и исследований, а последовавшая вскоре дезинтеграция СССР, «бархатные» и не очень революции в Восточной Европе, воссоединение Германии и балканские и кавказские войны превратили политическую географию в остро актуальную дисциплину. Интеллектуальный потенциал ученых во всем мире был мобилизован для понимания происходящих процессов. В 1991 г. В.А. Колосов работает в Свободном университете Брюсселя, а в 1992 – в университете Дарема (Великобритания). В том же году он защищает

докторскую диссертацию на тему «Территориально-политическая организация общества». В 1993 г. Владимир Александрович инициирует создание Центра (ныне лаборатории) геополитических исследований в Институте географии РАН, бессменным руководителем которой он является до сих пор. Под его руководством лаборатория превратилась в один из наиболее успешно работающих отделов института, привлекающим молодых исследователей не только России, Украины и Белоруссии, но и Франции, Германии, Финляндии, США. Центр установил прочные контакты с ведущими мировыми исследовательскими коллективами и специалистами в области геополитических исследований. Этому в значительной степени способствовало международное признание В.А. Колосова как одного из лидеров научного направления. Много лет он активно участвует в деятельности Международного географического союза (МГС): в 1991–1996 гг. – член комиссии по политической географии (одной из самых активных в МГС); с 1996 по 2004 г. – ее председатель, в 2006 г. на съезде МГС его избирают вице-президентом, в 2008 г. – первым вице-президентом, а в 2012 г. – Президентом Международного географического союза.

Под руководством Владимира Александровича было реализовано множество научных проектов, поддержанных отечественными и зарубежными фондами, которые всегда получали очень высокую квалификационную оценку. Параллельно с работой в Институте географии РАН он читал лекции на географическом факультете МГУ, в МГИМО и других вузах, работал как приглашенный профессор во Франции, Великобритании, Нидерландах, США, Украине и Финляндии. Он член редколлегий многих российских и международных авторитетных научных журналов – Political Geography, Geopolitics, BelGéo, Eurasian Geography and Economy, Annales géographiques и др.

За прошедшие годы сфера научных интересов Владимира Александровича расширилась. Сегодня она включает не только *политическую географию*, но и *лимологию* – науку о границах, где его исследования получили мировое признание; *практическую геополитику*, включающую исследование политических дискурсов и массовых геополитических представлений, *конфликтологию*, в той ее части, которая касается межнациональных конфликтов и феномена существования непризнанных государств, наконец, геополитику *крупнейших городов* как глобальных, так и национальных, предполагающую формирование городских регионов и метрополитанских ареалов. В.А. Колосов – автор более 350 научных работ, в том числе более 100 публикаций на иностранных языках в международных журналах и монографиях, автор или руководитель авторских коллективов 20 книг, редактор ряда специальных выпусков международных научных журналов. Работы ученого широко известны и востребованы не только среди специалистов в нашей стране, но и во многих странах мира.

Дорогой Владимир Александрович, поздравляем вас с юбилеем! Мы гордимся вашими достижениями и вкладом в географическую науку. Желаем, чтобы ваша неистощимая энергия, интерес ко всему новому и неизученному, преданность науке еще многие годы способствовали развитию российской географии, а проводимые вами исследования приносили вам удовлетворение.

Друзья и коллеги

Дорогой Владимир Александрович,
поздравляем Вас с юбилеем!

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В 2013 ГОДУ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ THEORY OF REGIONAL STUDIES

№

Бочарников В.Н. Конструкт и гештальт в географии восприятия человека 2
Войнов Д.А., Шувалов В.Е. Проблема структуризации современной социально-экономической географии 4
Дубовик В.О. Методы оценки транспортной доступности территории 4
Земцов С.П. Опыт выявления и оценки потенциала инновационных кластеров (на примере отрасли «Рациональное природопользование») 2
Зырянов А.И. Формула места 2
Лопатников Д.Л. Экологический переход 3
Рябов Ю.В. Обоснование механизмов защиты земельных ресурсов от возникновения несанкционированных свалок (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) 1
Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы 3
Чубаров И.Г. Исследования глобальных городов в России и за рубежом 3
Эм П.П. Применение правила «ранг-размер» для систем размытых центральных мест (на примере новых индустриальных стран) 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Андреева А.В., Максимова Н.А., Лифанов А.А. Развитие рынка интернет-провайдеров в Смоленской области 4
Аношкина Е.Л. Развитие социального капитала крупнейших городов России 4
Антонов Е.В., Фаддеев А.М. Современная динамика развития промышленных городов Восточного Оренбуржья 3
Бадов А.Д. Естественное движение населения Северной Осетии 1
Болычев О.Н. Факторы и особенности территориальной дифференциации развития сетей в розничной торговле субъектов РФ 3
Винокуров Ю.И., Рыбкина И.Д., Стоящева Н.В. Территориальная организация водопользования в бассейне реки Алей 4
Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект 1
Гордиенко Н.М. Исследование инвестиционной привлекательности Белгородской области 1
Горкина Т.И. Региональная структура банковской системы России на современном этапе 4
Дегтева Ж.Ф. Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия) 1
Дружинин А.Г. Пространственные возможности и барьеры постиндустриального развития региональной метрополии (на примере Ростова-на-Дону) 2
Еремин А.А. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе 1
Завьялова О.Г., Менщикова Л.В. Сфера обслуживания как индикатор качества жизни (на примере Курганской области) 1
Каспшицкая Т.В. Механизмы сокращения внутрирегиональной дифференциации на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра 4
Кожевникова Г.П., Шеломенцева М.В. Сравнительный анализ состояния трудовых ресурсов муниципальных образований Смоленской области 2
Корнев И.Н., Абросимова И.В. Дифференциация этноконфессионального пространства Курганской области 1

№

Королёва Е.Ю. Особенности механизма взаимодействия участников цепочки «производитель коммунальных ресурсов – домохозяйства» в городских округах и поселениях Смоленской области ... 1
Михайлов К.Л., Михайлова Г.В. Социально-экологические аспекты освоения Штокмановского месторождения и оценка рисков в восприятии местного населения ... 1
Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами: специфика территориальных сдвигов ... 4
Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности ... 2
Русанова М.В. Инновационная система региона: проблемы становления и развития (на примере Смоленской области) ... 2
Рязанов В.А. Пассажиропоток аэропортов России как индикатор социально-экономической динамики регионов страны ... 4
Сафронов С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России ... 4
Святоха Н.Ю. Активность на рынке жилой недвижимости: региональный аспект ... 3
Силантьев Р.А. Государственно-исламские отношения в РФ ... 4
Смирнов И.П., Фомкина А.А. Средние города в системе расселения Центральной России ... 4
Степанов А.М. Классификация субъектов РФ по степени ориентированности их экономик на внешний и внутрироссийский рынки ... 2
Трифонова З.А. Потенциал культурных институтов региональных центров России ... 4
Урманов Д.В. Институциональные барьеры формирования и развития механизмов межмуниципального сотрудничества в России ... 1
Ушаков Е.А. Влияние процессов укрупнения субъектов РФ на уровень жизни населения бывших автономных округов ... 3
Хлыпалов В.М. Региональные аспекты внешней торговли: Южный федеральный округ ... 2
Шарыгин М.Д., Лучников А.С. Региональная политика в области территориальной организации социоэкономики (на материалах Пермского края) ... 1
Щербакова С.А. Формирование имиджа Смоленской области на туристском рынке России ... 4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России ... 3
Калинина И.В. Изменение функций сельских населенных пунктов на рубеже XX–XIX веков (на примере Еврейской автономной области) ... 3
Кашкина Л.В. Социально-психологический климат городской среды монопрофильного города Европейского Севера (по результатам социологического исследования) ... 3
Кузнецова Т.Ю. Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ ... 3
Савоскул М.С. Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления ... 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT BORDER-LINE REGIONS

№

Катровский А.П. Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона 3
Яськова Т.И. Типология районов Смоленской области по положению в системе пространственных отношений «столица – пристоличный регион» 3

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY

Катровский А.П. Трансформация высшего образования на постсоветском пространстве: экономико-географические аспекты изучения 4
Нагирная А.В. Информационно-коммуникативная открытость стран мира 1
Федоров Г.М. Потенциал сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике 2
Заволокина Л.И. Состояние и перспективы внешнеэкономического сотрудничества РФ и Евросоюза 2

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT

Забелин П.В. Обеспечение продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы Первой мировой войны 1
Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Основные социально-экономические причины отходничества крестьян Смоленской губернии во второй половине XIX в. 2
Орлов А.Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения РФ 2

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ INVITATION TO THE DISCUSSION

Пилясов А.Н. По гамбургскому счету (ответ на статью П.Я. Бакланова «Продолжаем дискуссию») 2
Скалон А.В. Проблемы и риски развития России с точки зрения высшей школы 3
Чистобаев А.И. О достижениях отечественных и американских ученых в области экономической географии: продолжение дискуссии 4
Мажар Л.Ю. Геосистемный подход к определению ключевых понятий в экономической и социальной географии 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Резолюция V совещания-семинара заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России с международным участием и заседания Секции экономической и социальной географии Учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию 3

НАШИ ЮБИЛЯРЫ ANNIVERSARY

Сергею Сергеевичу Артоболевскому – 60 лет 1
Георгию Михайловичу Лаппо – 90 лет 2
Юбилей профессора М.Д. Шарыгина 3
Юбилей В.А. Колосова 4

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Анна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий и безопасности Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: anna_aav@mail.ru

Аношкина Екатерина Львовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Пермского национального исследовательского политехнического университета.
E-mail: ekat.anoshkina@gmail.com

Винокуров Юрий Иванович – доктор географических наук, профессор, Заслуженный эколог Российской Федерации, директор Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.
E-mail: iwep@iwep.ru

Войнов Данила Алексеевич – кандидат географических наук, ведущий инженер лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vdanila@mail.ru

Горкина Татьяна Ивановна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН, г. Москва.
E-mail: gorkinati@yandex.ru

Дубовик Василий Олегович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: duvasol@bk.ru

Караваев Павел Леонидович – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета.

Каспшицкая Татьяна Вениаминовна – аспирантка ФГБНИУ «Совет по изучению производительных сил», г. Москва. E-mail: takasp@mail.ru

Катровский Александр Петрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета. E-mail: katrov@shu.ru

Лифанов Александр Адреевич – аспирант Смоленского гуманитарного университета.

Мажар Лариса Юрьевна – доктор географических наук, профессор кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета. E-mail: lmazhar@shu.ru

Максимова Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой информационных технологий и безопасности Смоленского гуманитарного университета.

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва.

Рыбкина Ирина Дмитриевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования Института водных и экологических проблем СО РАН. E-mail: irina@iwep.ru

Рязанов Влас Александрович – кандидат географических наук, ведущий эксперт Центра экономического моделирования и прогнозирования ЗАО «Прогноз» (г. Москва).
E-mail: vlas-ryazanov@yandex.ru

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: saffff@mail.ru

Силантьев Роман Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета.
E-mail: rsilantiev@mail.ru

Смирнов Илья Петрович – аспирант кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета.
E-mail: ilya.geo2012@yandex.ru

Стоящева Наталья Викторовна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования Института водных и экологических проблем СО РАН. E-mail: stoyash@mail.ru

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.
E-mail: trene12@yandex.ru

Трифонова Зоя Алексеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета.
E-mail: zoyatrifonova@mail.ru

Фомкина Александра Андреевна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alpresents@mail.ru

Чистобаев Анатолий Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки России. E-mail: chistobaev40@mail.ru

Шувалов Владимир Ефимович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, зав. лабораторией регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: veshuvalov@mail.ru

Щербакова Светлана Александровна – кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой географии и туризма Смоленского гуманитарного университета.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (graysckale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *pdf., *tif., *jpg., *psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция